

Джанетт Реллисон

В любви, на войне и в школе

ВСЕ СРЕДСТВА ХОРОШИ

ПЕРЕВОД ДЛЯ САЙТА VK-BOOKSOURCE.NET

Когда твои шансы поступить в колледж и найти пару на выпускной стремятся к нулю...

Шестнадцатилетняя Саманта Тейлор привыкла, чтобы все шло так, как ей нужно. Она капитан чирлидеров, у неё правильные друзья и нескончаемый поток бойфрендов. Но когда она проваливает АОТ(Академический оценочный тест), её ожидания, что она автоматически поступит в колледж, уже не кажутся такими автоматическими. Она уверена, что её единственная надежда на поступление - это выиграть выборы Президента школьного сообщества. К несчастью, с её острым умом и едким языком, она скорее начнет разбрасывать оскорбления, чем наберет голоса.

Когда она опрометчиво заключает пари со своим одноклассником Логаном, что она может провести две недели никого не обидев, Саманта немедленно понимает, что она откусила больше, чем сможет прожевать. И когда её теперешний парень бросает её менее чем за три недели до выпускного, этот момент оказывается самым неподходящим для того, чтобы держать свое мнение при себе. Найти нового парня будет сложной задачей, когда Логан наблюдает за каждым её шагом, надеясь что она оступится. Саманта уверена, что она выиграет выборы и найдет парня её мечты, чтобы пойти с ним на выпускной, неважно, что для этого потребуется. В конце концов, на войне, в любви и в школе все средства хороши!

- [Джанетт Реллисон](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Джанетт Реллисон

В любви, на войне и в школе все средства хороши

Главная проблема с получением плохих новостей заключается в том, что ты вряд ли сможешь пойти домой и рыдать, или хандрить, или что-нибудь разорвать на кусочки, как бы этого ни хотелось. Обычно ты должна быть в каком-либо месте, где ты должна улыбаться и поддерживать приятную беседу. Именно так и случилось, когда я получила свои результаты АОТ.

Мне стоило бы подождать, пока закончится смена, прежде чем открыть конверт, но я не принадлежу к числу терпеливых людей, ну вы знаете, тех, кто никогда не пытается узнать, что им подарят на Рождество. Я должна была узнать оценки в тот самый момент, когда вынула письмо из почтового ящика. Я разорвала конверт и просмотрела результаты. Я набрала 470 в языковой секции и 340 по математике. Мой балл составил 810 из 1600 возможных. Возможно, я провалила математическую часть теста, но даже я могла сообразить, что мои оценки были недостаточно высокими, чтобы меня зачислили в хороший университет.

Я прислонилась к почтовому ящику и перечитала письмо более внимательно, надеясь, что туда закралась ошибка. Или даже две. Может быть, работники АОТ вложили чужие результаты в мой конверт. Но моё имя, Саманта Тейлор, стояло на листке.

Я засунула конверт в сумочку и пошла к своей машине. У меня было десять минут, чтобы добраться до работы, и очевидно много времени, чтобы решить, что я буду делать со своей жизнью, кроме учебы в колледже.

Пока я вела машину, то говорила себе, что все образуется. До выпуска оставался еще год, и я могла пересдать АОТ в следующем году. В следующем году у меня получится лучше. Гораздо лучше.

Однако я была ужасной лгуньей, и даже хотя я повторяла это все себе, я слышала тихий голос глубоко в голове, который говорил: "Как, например? В следующем году ты собираешься внезапно поумнеть? Ты готова отказаться от общественной жизни и заниматься каждую свободную минуту?"

Я припарковала машину и зашла в Книжный, единственный книжный в Пуллман, потом прошла наверх в секцию фантастики.

Логан Хансен стоял за тележкой с книгами, но он посмотрел на меня, когда я проходила мимо:

– Ты опоздала.

– Так уволь меня, – Я подошла к шкафу, где мистер Дональдсон хранил наши жилеты и натянула свой.

Логан передал мне стопку книг.

– Я бы не уволил тебя, даже если бы мог. Хорошо, что ты рядом, потому что рядом с тобой я выгляжу как действительно усердный работник.

Я улыбнулась ему:

– Рядом со мной ты выглядишь как невежественный и плохо одетый человек, но я пытаюсь не обижаться на тебя за это.

Не дожидаясь его ответа, я пошла ставить книги на место.

Обычно я не возражала против перепалок с Логаном. По большей части, я начинала их первая. Но сегодня я просто хотела избежать разговоров с ним. Я слишком нервничала, и последнее, что мне было нужно – это сломаться и выставить себя дурочкой перед ним.

Логан и я постоянно ссорились, начиная с восьмого класса, когда я порвала с ним. Мы даже не были серьезной парой. "Встречаться" состояло по большей части из перебрасывания записками, зависания в коридорах, болтовни по телефону, и всего такого.

Мы "встречались" несколько месяцев и потом меня накрыло большое откровение. Логан не был моим единственным. Я не знаю, почему мне понадобилось несколько месяцев, чтобы понять это в восьмом классе.

Если бы я решила написать список парней, которые мне нравились на этот момент, Логан был бы под трехзначным номером.

Моя проблема с парнями заключается в следующем: я всегда начинаю думать, что парень милый и он идеален в любом отношении. Потом, через несколько месяцев, я узнаю его и понимаю, что даже отдаленно не напоминает того, с кем я хотела бы встречаться. Я не помню, из-за чего отвернулась от Логана. Он настолько часто ведет себя крайне раздражающим образом, что трудно вспомнить, что смутило меня тогда. И кроме того, я встречалась со многими парнями. Их фатальные недостатки слились в одно целое у меня в голове.

Мой последний парень слишком много ругался. В первый раз, когда мой семилетний брат повторил один из его комментариев за обеденным столом, я поняла что парень должен уйти. Предыдущий бесконечно разговаривал о мальчиках из футбольной команды. Я имею в виду, действительно постоянно.

Какая девушка захочет слушать о предстоящей битве с грибком стопы?

Я не знаю, почему для меня оказалось так сложно найти всего одного идеального парня. Я прочитала сотню романов, и в каждом из них был мой идеальный мужчина. Поэтому, они должны где-то существовать: все эти высокие, привлекательные, задумчивые мужчины, которые разбрасывают огромные дозы тестостерона и, в то же время, могут подхватить женщину на руки и шептать стихи ей на ухо.

Никто из парней не был в состоянии шептать что-нибудь, что не касалось еды.

Логан подошел ко мне и сказал:

– Нам нужно разгрузить еще одну тележку. Она в задней комнате, поэтому пошли, – и он растворился в лабиринте книжных полок.

Логан, например, никогда бы не смог быть романтическим героем. По правда говоря, он не был некрасив. У него были густые каштановые волосы и мягкий оливковый цвет лица, из-за чего он всегда выглядел загорелым, но ни у одного из романтических героев, о которых я читала, не было грязи под ногтями. Логан любил работать с машинами. Создавалось ощущение, что он мыл руки машинным маслом перед походом на работу.

Кроме того, он очень плохо воспринял то, что я порвала с ним. Он рассказал всем своим друзьям, что я выскочка и сноб, и с тех пор его персональной миссией стало показать, насколько я ничтожна. Романтический герой никогда бы так не сделал. Если романтическому герою причиняла боль девушка, он никогда не порочил её имя. Он просто расстраивался из-за этого и становился еще более привлекательным.

Когда я расставляла на полку очередную кипу книг, подошел Логан и прислонился к стеллажу.

Итак, – медленно сказал он. – Как у тебя сегодня дела?

Я едва взглянула на него:

– Отлично. Чего ты хочешь?

Он приложил руку к груди, притворяясь задетым:

– Я просто пытаюсь вести вежливую беседу. Ты больше так не поступаешь?

– Если ты просишь отработать за тебя смену в пятницу вечером, я не заинтересована.

– О? У тебя должно быть романтическое свидание. Кто счастливчик?

Он произнес слово "счастливчик" действительно саркастично, и я взглянула на него.

– Бред Уиллис.

– Бред Уиллис, а? Парень с телосложением и складом ума, как у грузовика. Отличная пара

для тебя.

Я засунула экземпляры "Доктора Спока" на полку со стуком:

– Да, ну, я бы сказала тебе, кто твоя идеальная пара, но я не знаю никого с характером сломанного велосипеда.

Я отошла обратно к тележке, и Логан последовал за мной.

– У тебя с Бредом все серьезно?

– Мы встречаемся полтора месяца.

– То есть ты скоро с ним закончишь?

Я выдавила улыбку:

– Нет, но я закончила с тобой. Уходи.

– Я не хотел быть грубым, – сказал он с абсолютно ничего не выражающим лицом. – Я спрашиваю, потому что знаю кое-кого, кто хочет встретиться с тобой.

Я не думала, что Логан занялся сводничеством, но мое любопытство взяло верх:

– Да? Кто?

Логан сомневался какое-то время, как будто он не был уверен, что должен был говорить это, потом сказал:

– Поправь меня, если я не прав, но ты не любишь парней с высоким интеллектом?

– Ох, я встречалась с тобой, не правда ли? – я хотела его оскорбить. Я была согласна с ним и использовала его как пример глупости моих парней.

– Да, – сказал он. – Но по большей части твои парни не специалисты в I-части аббревиатуры IQ, да?

Нет ничего более раздражающего, чем когда ты оскорбляешь кого-то и он этого не понимает.

– Просто скажи мне кто это, хорошо?

– Дуг Кэмптон.

Дуг был одним из тех людей, которые, должно быть, изголодались по вниманию в детстве и сейчас пытались это компенсировать, став общественным клоуном. Если что-нибудь случалось в старшей школе Пуллман, с высокой вероятностью в этом был замешан Дуг.

Его последняя выходка заключалась в краже костюма школьного талисмана – борзой собаки, которая в действительности выглядела как гигантская счастливая крыса. Он надел костюм вместе с верхом от бикини и юбкой из соломы, потом пробежал через спортивный зал во время домашней баскетбольной игры с плакатом, который не только был оскорбительным для женского населения школы, но и так же ставил под вопрос нашу привычку бриться.

Абсолютно по-детски.

Я собрала несколько книг в одну руку.

– Скажи Дугу, что я польщена, но я бы предпочла остаться друзьями.

Логан, который никогда не интересовался моей личной жизнью с целью, отличной от насмешек над моими кавалерами, выглядел разочарованным.

– Ну же, почему бы тебе не дать ему шанс?

– Зачем?

Логан пожал плечами и вытянул руку в умоляющем жесте:

– Мне нравится парень, и по какой-то причине ему нравишься ты. Я просто хочу, чтобы вы оба были счастливы.

– Нет, правда. Зачем?

Логан молчал какое-то время, как будто сомневался в том, что хотел сказать.

– Ладно, – наконец сказал он. – Я расскажу тебе. У Дуга есть кузина, которая живет в Москве. Вероника, – Логан произнес её имя так, как будто оно было приятно на вкус. – Её семья

приезжала посмотреть, как он играет на последней бейсбольной игре, и я познакомился с ней. Она была на самом деле милой, и, ну, Дуг сказал, что он сведет меня с ней, если я сведу его с тобой.

– Почему бы тебе самому не позвонить Веронике?

Москва, штат Айдахо, находится всего в восьми милях от Пуллмана, и хотя Пуллман находится в штате Вашингтон, города настолько близки, что у нас даже общая телефонная книга.

– Я не знаю её фамилию, и Дуг мне не скажет. Это шантаж, и мне нужна твоя помощь. – Логан наклонился ближе и надел свою самую очаровательную улыбку – ту, в которой его губы изгибались вверх в уголках и он выглядел так, как будто собирался совершить шалость, перед которой невозможно устоять. – Ну же Саманта, ты встречаешься со всеми. Какая разница, что ты встретишься с Дугом? Всего одно свидание с ним, это все, чего я прошу.

Логан никогда не просил меня об услуге. Я насладились моментом и благосклонно улыбнулась ему.

– Знаешь, я была в плохом настроении, когда пришла сюда, и должна поблагодарить тебя за то, что ты помог его исправить. Правда, это так лестно знать, в моей власти сделать тебя счастливым или жалким. Я чувствую себя гораздо лучше.

– Я отработаю твою следующую смену в выходные.

– Без шансов, – я провела пальцем по книгам в тележке, в последний раз проверяя, есть ли там то, что может быть в моей секции.

– Следующие две.

– Неа.

Он раздраженно выдохнул.

– Хорошо, скажи мне, чего это будет стоить. Чего бы ты хотела от меня?

Как иронично, что он предлагал мне помощь именно сейчас, когда она мне так сильно была нужна. Если бы Логан мог как-то улучшить мои оценки АОТ, я бы ухватилась за этот шанс. Но он не мог этого сделать. Думаю, я могла бы попросить его помогать мне заниматься весь следующий год, но он бы не согласился.

Я уныло вздохнула.

– Сожалею, но ты мне не сможешь дать того, что я хочу.

Логан моргнул, его брови вопросительно поднялись. Он возможно думал, что я говорю о чем-то преступном. Слегка шокированным голосом он спросил: – И что именно это могло бы быть?

– Хорошие оценки.

– Ох. Да. Ты права, – он помедлил и добавил – Когда это ты начала беспокоиться об оценках?

Я вытащила еще одну книгу из тележки.

– С тех пор, как начала думать о колледже.

– Ах-х, я догадываюсь, что не подвернулась стипендия за чирлидерство, а?

– Нет, и я думаю, что ты все еще ждешь ответа на свою заявку о приеме в школу комедиантов.

Логан взял стопку книг из тележки:

– Не, я собираюсь в Университет Восточного Вашингтона.

ВВУ. Это был один из колледжей, к которым я присматривалась. Вы могли бы подумать, что зная о том, что там будет Логан, сделает ВВУ менее желанным, но это возымело противоположный эффект. Меня абсолютно не мог отклонить университет, в который Логан с такой легкостью поступил.

– Ты уверен, что твои оценки позволяют туда поступить? – спросила я.

Он пожал плечами.

– Думаю, да. И кроме того, они принимают в расчет другие факторы, когда рассматривают твоё заявление. Я был в ученическом совете несколько лет, – он беспечно улыбнулся мне. – У меня есть задатки лидера.

– И много других качеств, которые я не могу ежедневно выносить.

Они их тоже примут в расчет?

Логан рассмеялся, и я нашла это раздражающим. Он мог быть настолько язвительным, что мне хотелось дать ему пощечину, а в следующий момент улыбался мне так, как будто мы были лучшими друзьями.

– Если ты сходишь на свидание с Дугом, обещаю, я никогда не буду тебе надоедать.

– Это обещание, которое ты не сможешь сдержать, – я направилась в секцию фантастики со стопкой книг, и на этот раз Логан не последовал за мной. Я знала, что он не сдался насчет Дуга. Он скорее всего будет приставать ко мне с этим несколько дней напролет, до тех пор, пока мне это не надоест настолько, что я буду вынуждена сама поехать в Москву и ходить от двери к двери в поисках Вероники.

Однако, я не злилась на Логана. Фактически, в первый раз за смену я была в хорошем настроении, потому что он подал мне идею. Как только Логан упомянул лидерские качества, я обдумывала это. Почему я не тоже могла сделать что-то, что бы показало бы мои задатки лидера? Кроме всего прочего, они у меня были. Как капитан чирлидеров, я постоянно организовывала всё подряд. Все, что я должна была сделать – это продемонстрировать колледжам, что я – лидер. И выборы в органы школьного самоуправления предстояли менее, чем через месяц.

Когда я вернулась домой с работы, то оставила конверт с оценками АОТ в сумочке и не сказала родителям, что они уже пришли. Я не была уверена в том, как они отреагируют на оценку 810, но у меня был смутный страх, что они посадят меня под домашний арест до тех пор, пока я не достигну такого же возраста.

Они будут читать мне нотации весь вечер.

Папа: Молодая леди, вам определенно нужно посвящать больше времени занятиям. Не выходите из комнаты до тех пор, пока не высчитаете квадратный корень из Пи в уме.

Я: Но...

Мама: И никаких свиданий, пока ты не будешь учиться только на отлично.

Папа: Правильно. Нам никогда не нравились парни, с которыми ты проводишь время, и это дает нам отличный повод, чтобы вывести их из твоей жизни. Начиная с этого момента, мы постановляем, что любые мальчики, которые красивы, круты, и слушают музыку, стихи в которой мы не понимаем, не пересекут порог нашего дома.

Я: Но...

Мама: И пока мы рассержены, я хотела бы заметить, что твоя комната в беспорядке, ты не играла на пианино несколько недель и ты на два дюйма ниже, чем я хотела.

Я: Но...

Папа: И прекрати обзывать нас. Ты под домашним арестом.

Ладно, может быть мои родители не были бы так суровы. Ну, во всяком случае, папа не был бы. Мама имела тенденцию легко заводиться. Она ожидала, что я буду все делать безупречно.

В частности, АОТ был областью, где я была далека от безупречности.

В конечном итоге, я должна буду рассказать родителям, но я могла избегать этого так долго, как это возможно.

На следующий день я решила, что определенно буду баллотироваться. Потом я решила, что определенно не буду. Пока я наблюдала, как люди проходят мимо меня в коридорах, я спрашивала себя: "Будут ли они за меня голосовать?". Достаточно ли людей решит, что я справлюсь с работой – нравлюсь ли я достаточному количеству людей – чтобы избрать меня? Я надеялась, что да, но на этот вопрос мог быть и другой, очень болезненный ответ. Действительно ли я хочу это знать?

Я ни с кем ни словом не обмолвилась о том, что возможно выставлю свою кандидатуру. Я говорила себе, что нужно поговорить с друзьями об этом в тот день, но каким-то образом эта тема никогда не всплывала в разговорах.

В итоге, я решила что лучшая возможность опробовать эту идею предоставится на свидании с Бредом. Он поймет, что я чувствую. Может быть, он даже прошепчет мне ободряющие слова.

Он заехал за мной в пять, чтобы успеть поужинать перед фильмом. Когда зазвонил звонок, я наполовину сделала прическу, поэтому я отправила маму открывать дверь, прежде чем это сделает один из моих младших братьев. У меня три младших брата: Энди, которому семь лет, и близнецы Джо и Девид, которым десять. Все они доставляют кучу неприятностей. Они думают, что каждое существо женского пола ужасно смешное, и они не колеблясь разбалтывают все секреты моей красоты каждому парню, который входит в дверь.

– Она намазывает лицо этой ужасной жирной глиной, – поведали они моему предыдущему ухажеру. – Ты пожалеешь, если женишься на ней.

Поэтому я отправила маму открыть дверь. Оказалось, это было ошибкой. Пока я заканчивала завивать волосы, она обсуждала с Бредом планы на вечер.

Возможно, проблема была в том, что я слишком много встречаюсь с парнями. Если бы я никогда не ходила на свидания, мама бы нервно пыталась произвести впечатление на моих кавалеров, чтобы подбодрить их. Но учитывая обстоятельства, мама относится к моим парням как к неприятностям ("Ладно, детишки, парень Саманты придет за ней через пятнадцать минут, поэтому уберите ваши вещи из гостиной, пока я их не выкинула!") и неисчерпаемым ресурсам ("Итак, Брюс, я слышала, твой отец – ортодонт. Он не будет возражать против того, чтобы взглянуть на зубы Джо?") Сегодня, когда я вошла в гостиную, Бред стоял рядом с мамой с выражением лица, словно его загнали в ловушку, и я поняла, что он стал ресурсом.

Мама соскребла с дивана нашу девятимесячную полосатую кошку и улыбнулась мне.

– Бред сказал мне, что вы собираетесь в Эль Маркадо. Это всего лишь в полушаге от ветеринарной клиники.

– Я уверена, что там в любом случае абсолютно санитарно-безопасная обстановка, – сказала я, вынув куртку из шкафа в коридоре и надев сумку на плечо.

Мама не обратила на меня внимания.

– И ты знаешь, я должна сегодня отвезти Игруню на стерилизацию. Было бы действительно здорово, если бы вы смогли отвезти её вместо меня.

– Ты хочешь, чтобы я взяла кошку на свидание?

Она небрежно почесала Игруню под подбородком.

– Не на свидание. Только в ветеринарную клинику. Она по пути в ресторан.

Я поправила сумочку на плече, играя с ремнем и потихоньку продвигаясь в сторону двери.

– Разве клиника уже не закрыта?

– Они работают до девяти.

В этот момент Энди заглянул в комнату. У него были светлые волосы как и у меня, и он был таким милым со своей взъерошенной шевелюрой, какими могут быть только семилетние дети. Он подошел к маме и стал тянуть её за рубашку, привлекая её внимание.

– Не отправляй Игруню, – ныл он. – Мы хотим котят.

– Нет, мы не хотим, – сказала мама.

– Но котята такие милые! – сказал он.

– Конечно, они милые, пока они котята, но они вырастают и становятся кошками. Поэтому Саманта и Бред отвезут Игруню к ветеринару, – она шагнула в моем направлении, протягивая кошку.

Я положила руку на дверную ручку и послала её умоляющий взгляд.

– Мам... – Пожалуйста, не заставляй меня это делать. И пожалуйста, не начинай спорить перед Бредом. Я пытаюсь выглядеть взрослой, утонченной и совсем немного очаровательной. Если я буду таскать с собой кошку, то это не поможет достичь поставленных целей.

У мамы определенно не было телепатических способностей. Пока она продолжала разглагольствовать на тему, что с кошкой "совсем не будет проблем" и как она отвезила Игруню на прививку три недели назад, и кошка "вела себя идеально", она умудрилась передать Игруню Бреду.

Бред стоял там, парализованный, держа кошку на расстоянии от своего пиджака, и смотрел на неё так, как будто у неё могли быть блохи.

Я знаю что он не хотел даже держать кошку, не то что быть её персональным водителем, но он был слишком вежлив, чтобы отдать её обратно маме. Поэтому, я думаю, мама дала кошку Бреду, а не мне.

– Спасибо, дорогая, – сказала мама. Она взяла руку Энди и направилась в кухню. – У меня еще столько дел, и это экономит мне время, – через плечо она крикнула – Хорошего ужина! -и исчезла в кухне.

Я потянулась и забрала Игруню из рук Бреда.

– Извини насчет этого.

– Все нормально.

Я знала, что не все нормально. Мои телепатические способности определенно работали лучше, чем мамины, и я могла сказать, что Бред предпочел бы, чтобы ему наложили швы, вместо того, чтобы таскать нашу кошку по городу. Поэтому держать её буду я, и мы постараемся закончить с кошачьими проводами так быстро, как только сможем.

Мы подошли к машине Бреда и я погладила серый мех Игруни, чтобы дать ей понять, что все в порядке. Её имя не было говорящим. Она была игривой только первые два месяца своего детства. Сразу после этого она стала ленивой, вялой, и её можно было наградить еще кучей подобных совершенно не милых определений, но было слишком поздно переименовывать её. Кроме того, она бы наверняка не откликнулась на "Лежащая-на-диване-и-вылизывающаяся".

Я залезла в машину Бреда и посадила Игруню рядом с собой, пока пристегивала ремень.

Бред забрался с другой стороны и продолжал кидать на Игруню взгляды, когда пристегивался. Я могла угадать, что он гадает, сколько шерсти она теряет за минуту, поэтому я взяла её и посадила обратно на колени. Правда, мне придется весь остаток нашего свидания выглядеть так, как будто на мне меховые джинсы, но лучше смешно выглядеть, чем твой парень будет расстроен тем, что ты испачкала его обивку.

Бред включил двигатель и Игруня показала когти.

Я спокойно старалась оторвать её от своих джинсов без криков. Крики вероятно не помогли бы успокоить нервную кошку.

– Все хорошо, Игруня. – выдохнула я. – Мы просто возем тебя к ветеринару.

– Где тебя разрежут и удалят кое-какие части, – добавил Бред.

– Ты не помогаешь.

– Она все равно не понимает английский.

Игрунья уставилась в окно, её глаза метались туда-сюда по ландшафту, и она испустила долгий, низкий крик. Совершенно не похожий на милое то маленькое "мяу", когда она просит еды. Этот звучал как скрипучий, ржавый консервный нож.

– С ней все в порядке? – спросил Бред, отрывая взгляд от дороги на более долгое время, чем я могла вытерпеть.

– Я уверена, с ней все будет хорошо. Просто давай быстрее.

Он поехал быстрее. Гораздо быстрее.

– Не настолько быстро.

Он не сбросил скорость.

– Я думал, твоя мама сказала, что в прошлый раз кошка хорошо перенесла поездку на прививку.

– Ну, может быть Игрунья помнит, что в прошлый раз, когда она каталась на машине, это закончилось кучей острых иголок.

Скорость не помогла успокоить Игрунью. Она сбежала с моих коленей и металась по машине в поисках выхода. Время от времени она скрипуче мяукала.

Бред взглянул на неё.

– Пожалуйста, убери кошку с приборной панели. Сложно вести, когда я в любой момент ожидаю, что она прыгнет на руль.

Я потянулась за ней, но она метнулась с панели на подголовник сиденья.

Пока я изгибалась, чтобы вытащить её оттуда, она испустила серию безумных мя-я-я-у-у-у.

– Она царапает мои сиденья? – спросил Бред.

– Нет. Я имею в виду не специально.

Бред пробормотал что-то себе под нос и нажал на педаль газа. Дорожные знаки и почтовые ящики проносились мимо нас.

– Я думаю, ты её пугаешь, – и если не её, то меня уж точно. Я пыталась схватить Игрунью, она пыталась спрятаться, протискиваясь между моей спиной и спинкой кресла. Я наклонилась вперед, чтобы достать её, но она продолжала двигаться вниз по моей спине. Я не знала радоваться или нет тому, что её когти достались мне, а не драгоценной обивке Бреда.

Бред снова оторвал глаза от дороги и посмотрел на меня.

– Что она делает?

– Я не знаю. Я не говорю по-кошачьи.

К счастью, мы добрались до центра города и Бред сбавил скорость из-за светофоров и более интенсивного движения. Он продолжал кидать взгляды на меня, возможно, ожидая, что кошка взорвется или что-то вроде того.

Сообразив, что невозможно прорыть дыру в сидении и выбежать, повернулась и начала взбираться вверх по моей спине. Я пыталась обрести контроль над ситуацией, повторяя "Игрунья, прекрати это!" снова и снова, и пытаюсь схватить её за что-то отличное от когтей и зубов.

Наконец-то я смогла взять её, но она не стала сидеть у меня на коленях. На этот раз она залезла спереди по моей рубашке, остановилась на секунду на плече и потом прыгнула мне на голову, как будто это была вершина Горы Эверест.

В ожидании зеленого сигнала светофора, Бред взглянул на меня.

– Эта игривая кошка у тебя на голове!

На самом деле, я не была уверена, что правильно расслышала слово "игривая". Но слово

определенно заканчивалось на -вая.

Я пыталась спокойно снять её:

– Я понимаю, что кошка у меня на голове.

– Люди пьются на нас.

Я была слишком занята попытками оторвать кошку от различных частей моего тела, чтобы замечать другие машины вокруг, но сейчас я посмотрела. В машине рядом с нами было несколько мальчиков-подростков, и все они уставились на меня с открытыми ртами. Рты были открыты, я полагаю, потому что они слишком сильно смеялись, чтобы закрыть их.

Я скользнула вниз по сиденью и выдернула Игрунью из своих волос. В процессе она оцарапала мне ухо. Я хотела бросить её на заднее сиденье как толкатель ядра, но прежде, чем я это сделала, я обратила внимание на её рот. Он был весь в пузырьках слюны. Все еще держа её в воздухе, я сказала: – Бред, я думаю, её сейчас стошнит.

– Только не в моей машине!

Её определенно тошнило. Я знала, что она сейчас это сделает, и я все еще держала её, стараясь придумать, куда её направить. Хотела ли я, чтобы кошку стошнило на меня или лучше на обивку?

Полупереваренный кошачий корм – или еще хуже, изжеванный мышиный труп – это не то, что я бы хотела носить на себе. Даже для того, чтобы спасти обивку.

Бред так внимательно наблюдал за Игруньей, что не заметил, что светофор загорелся зеленым и машина сзади нас просигналила.

Это совершенно не помогло нестабильному психическому состоянию Игруньи.

Кроме того, что она вцепилась когтями в мои руки, она начала издавать звуки, словно её рвет.

– Не позволяй ей это сделать, – сказал Бред.

И как именно я должна была это предотвратить? Сказать ей, чтобы дышала глубже? Опустить окно и выставить её голову наружу? Если я опущу стекло, она будет снаружи быстрее, чем я смогу сказать "У тебя нет девяти жизней". Потом я должна буду вернуться домой и объяснить моим маленьким братьям, как Игрунью расплющило в лепешку проезжающими машинами. Поэтому, вместо этого я просто держала её, наблюдая, как пузырьков слюны становилось больше, и они начали капать на мои джинсы. Я огляделась в поисках чего-нибудь, чем бы можно было вытереть её рот. Был ли у меня Клинекс в сумочке?

– У неё пена изо рта! – сказал Бред.

– Пожалуйста, ты можешь смотреть на дорогу, а не на кошку?

– Разве не так выглядят бешеные животные до того, как укусят?

– У неё не может быть бешенства. Мама возила её на прививки три недели назад.

– Возможно, прививка еще не начала действовать.

Я посадила Игрунью себе на колени и начала копать в сумочке в поисках салфеток. Я уже была полностью залита слюной вдобавок к уже имевшемуся слою кошачьих волос. Великолепное дополнение к моему ансамблю.

– Что ты делаешь? – спросил Бред. – Не выпускай бешеное животное у меня в машине!

– Она не бешеная. И я пытаюсь найти что-нибудь, чтобы вытереть ей рот.

Игрунья не хотела сидеть спокойно, чтобы я её вытирала. Пока я все еще вылавливала Клинекс из сумочки, она прыгнула на заднее сиденье.

Бред уставился через сиденье на неё, управляя машиной вполборота.

– Теперь твоя кошка пускает слюны у меня в машине. Это здорово. Просто здорово. Застрять в машине с бешеной слюнявой кошкой!

– Ты знаешь, на текущий момент я думаю, что у нас гораздо больше шансов умереть в

автокатастрофе, чем подвергнуться нападению бешеной кошки. Почему бы тебе просто не посмотреть, куда едешь?

Таким образом мы припарковались к ветеринарной клинике. Мы орал друг на друга по поводу того, как мы умрем.

Бред и я выбрались из машины, и я открыла ближнюю к кошке дверь. Игрунья зарылась в пространство под водительским сиденьем, и я не была уверена, стошнило её там или она просто залила все слюной. Я не собиралась совать руку под сиденье, чтобы это проверить. Я пыталась изменить тон с орущего на "киса-киса-я-твой-настоящий друг".

– Иди сюда, Игрунья, – проворковала я. – Все уже хорошо. Нечего бояться.

Игрунья не купилась.

Очевидно, у неё с телепатическими способностями было все в порядке, и она не собиралась нам позволять затащить себя в ветеринарную клинику.

– Иди сюда, Игрунья, – снова сказала я.

Бред стоял сзади меня, глядя через мое плечо:

– Просто нагнись и возьми её.

Да, конечно. Он стоял, засунув руки в карманы, и хотел, чтобы я взяла злую бешеную кошку. Как по-джентельменски с его стороны.

Я осторожна наклонилась, больше опасаясь полупереваренных мышей, чем укусов, но прежде, чем я смогла даже дотронуться до Игруньи, она метнулась мимо меня через открытую дверь.

– Держи её! – я закричала Бреду.

У него не было времени протянуть руку, даже если бы он хотел, но я была уверена, что нет.

Я могла это понять по тому, что его руки были все еще в карманах, и по тому, как он проигнорировал кошку и устоял на заднее сиденье.

Я бы не подумала, что Игрунья способна на такой выброс энергии, но за секунды она пронеслась по тротуару, прыгнула с мусорного контейнера на дерево и потом на крышу ветеринарного офиса. Добравшись туда, она села и устоялась на нас из-за водосточного желоба.

Я со стоном подошла к знанию:

– И что нам теперь делать?

Бред не последовал за мной.

– Я не знаю, что нам делать, но я собираюсь домой почистить машину. Она странно пахнет, и кто знает, что твоя сумасшедшая кошка наделала у меня под сиденьем.

Я повернулась к нему:

– Ты собираешься оставить меня здесь с кошкой, которая застряла на крыше?

– А что ты хочешь, чтобы я сделал? Полез туда за ней? Может быть, я сломаю шею в качестве прекрасного завершения вечера, – он распахнул дверцу машины и прыгнул на водительское сиденье. – Мне нужно избавиться от запаха, пока он не въелся.

Он захлопнул дверь, завел машину и поторопился с парковки.

– Придуток, – покричала я ему вслед. – Придуток! Придуток! Придуток!

Он исчез в потоке машин, даже не бросив на меня взгляда.

Я вернулась обратно и посмотрела вверх на Игрунью.

– И ты тоже придутошная кошка! Тебе мало того, что ты будишь меня каждое утро, ходя по моему лицу – теперь ты рушишь мою личную жизнь! Я...

Я остановила свою тираду, когда осознала, что несколько людей на парковке только что вышли из машин и все пялятся на сумасшедшего подростка, который кричит на стену здания.

Не взглянув на кошку, я прошла в клинику и на удивление доходчиво объяснила ситуацию администратору.

Она сочувственно пожала плечами, но не сдвинулась из-за стола.

– У нас нет приставной лестницы, но обычно кошки спускаются, если их достаточно долго зовут.

Правильно. Предполагалось, что я буду стоять на тротуаре бог знает сколько и выглядеть как идиотка, пытаясь урезонить кошку.

Я вышла наружу. Игрунья спокойно обозревала парковку со своего желоба. У неё определено не было намерений спускаться вниз. Я произнесла еще несколько угроз в её адрес, потому вытащила телефон из сумочки и позвонила домой. Пусть мама разбирается с кошачьим кризисом. Я хотела пойти куда-нибудь, где я смогла бы вытереть кошачьи слюни с джинсов. Кроме того, нужно было, чтобы она меня забрала, потому что Бред бросил меня около клиники.

Придурок.

Мама взяла трубку. Я хотела бы, чтобы она сожалела – нет, была подавлена – в этой ситуации, потому что это случилось по её вине. Вместо этого, она казалось раздраженной.

– Игрунья на крыше? Почему ты разрешила ей туда залезть?

– Я не разрешала. Я не давала ей позволения. Я ни разу не сказала её, что это хорошая идея. Попробуй поймать нервную напуганную кошку.

Мама вздохнула:

– Я сейчас приеду.

И она повесила трубку.

Я ждала на тротуаре с руками, сложенными на груди, время от времени поглядывая на Игрунью, я хотела еще немного поорать на неё, но не осмеливалась. Человек может вынести ограниченное количество чужих людей, считающих его сумасшедшим, и на сегодня я уже достигла своей квоты.

Наконец-то мама припарковала наш минивен. Она вышла из него, игнорируя меня, и подошла прямо к стене здания.

– Игрунья, пора кушать.

Кошка один раз мяукнула – своим нормальным голосом, а не голосом одержимой кошки, которым она общалась со мной, и спрыгнула с крыши.

Мама взяла её на руки и почесала под подбородком.

– Извини, что обманула, – сказала она кошке. – Но тебе нельзя ничего есть до операции.

Потом мама повернулась ко мне:

– Видишь, было не так уж трудно, правда?

Я смотрела на неё. Просто смотрела довольно долгое время.

– Мам, ты знаешь, что каждый раз, когда я хочу сказать как я благодарна за то, что мы моя мама, ты сообщаем мне о том, как ты со мной трудишься по восемнадцать часов в день?

– Да.

– Ну, теперь я могу этим хвастаться. В следующий раз, когда ты мне расскажешь, насколько болезненны были роды, я расскажу тебе о том, как ты заставила меня отвезти кошку к ветеринару, и меня высмеяли, оцарапали, облюнявили и я провела большую часть времени в машине с к бешеной кошкой на голове.

– У Игруньи не может быть бешенства, дорогая. Ей сделали прививки.

– Мне наплевать! – орала я. – Я все равно её ненавижу!

Мама нежно погладила кошку, будто бы осознав, какие переживания выпали на долю Игруньи. Я протопала к машине, но я все еще могла слышать, как мама негромко говорит кошке: – Не слишком расстраивайся из-за операции, Игрунья. Поверь мне, ты не хочешь детей. Конечно, они милые, пока маленькие, но они вырастают и становятся подростками.

Вернувшись домой, я прямиком пошла в ванную и обработала царапины антисептиком. Я хотела бы обработать и другие свои раны, но в аптеке ничего не продавали для лечения унижения. Или разочарования. Или страха того, что парень расскажет всем своим друзьям как ты провела вечер, измазавшись в кошачьей слюне.

Пока ветеринар сажал Игруню в клетку для животных, он рассказал, что у кошек часто идет пена изо рта, когда они нервничают. Этого факта я не знала. Какой же это оказался информативный день. Я скажу Бреду об этом, если когда-нибудь с ним снова заговорю.

Почему каждый раз, когда мне начинал нравиться парень, все поворачивалось печально? Хотеть, чтобы парень был заботлив – это значит просить слишком много? Или понимающе? Или достаточно ответственным, чтобы вести машину не так, словно она самолет?

Я ждала, что Бред позвонит мне в выходной. Он не позвонил. Ни звонков, ни сообщений.

Я бы хотела, чтобы парни объясняли, почему они не звонят. Это бы сделало мою жизнь настолько проще, если бы я знала, что он не звонит (а) он решил, что любая вероятность того, что он проведет какое-то время в окрестности кошки, которую тошнит, слишком рискованна, (б) ему было стыдно потому, что он накричал на меня, обругал моё домашнее животное, и оставил меня на произвол судьбы в ветеринарной клинике, и сейчас думает об идеальном способе заслужить моё прощение, или (с) не звонит, потому что по кабельному идут интересные игры, которые срочно надо посмотреть.

К тому времени, когда наступил понедельник, я все еще не знала, что чувствовать по поводу него и не могла больше ни о чем думать.

Я приехала в школу раньше обычного, чтобы быть уверенной в том, что у меня полно времени, чтобы обсудить Бреда с подругами. Каждое утро до начала занятий я встречалась с Рашель, Челси и Обри. Мы состояли в команде чирлидеров с первого года в старшей школе, и хотя баскетбольный сезон закончился, мы все еще каждое утро встречались на лестничной площадке, чтобы наблюдать за проходящими людьми.

На самом деле, на этом настаивала Рашель. Она хотела строить глазки старшим мальчикам.

Рашель была красивой брюнеткой, и она умела наклонять голову под правильным углом, чтобы выглядеть исключительно привлекательно. Парни не могли сопротивляться ей.

Челси тоже специализировалась в стрельбе глазами, но она наблюдала за всеми для того, чтобы критиковать их одежду. Она была утонченной блондинкой и планировала стать дизайнером одежды, поэтому наблюдать за тем, как одевались другие, было хорошей профессиональной практикой для неё.

Обри и я просто стояли на площадке за компанию. Обри была уверенной в себе девочкой, которая знала всех в школе по именам. Она обычно листала миллионы сообщений или помогала Челси критиковать.

– Полосатая рубашка Оливии слишком вольная, – говорила Челси. – И моряцкие штаны определенно о чем-то говорят.

– Да, – добавляла я. – Но они говорят "Пожалуйста, выбросьте меня за борт".

– Хотя рубашка Эшли правильно подчеркивает её оттенок кожи, она ей мала на два размера.

– Но с другой стороны, она никогда не истечет кровью. Рубашка сойдет за повязку.

Обычно в итоге мы смеялись так сильно, что проходящие мимо люди начинали на нас подозрительно смотреть, и мы были вынуждены критиковать шепотом.

Я не пыталась быть грубой. Мои комментарии были просто игрой, в которую я играла, чтобы провести время в течение этого модного разбора.

Сегодня, прислонившись к перилам в фойе, мы обсуждали с кем проще – с парнями или домашними животными.

– Домашние животные более верные, – сказала Рашель.

– Но не надо волноваться, что парень стошнит у тебя в машине, – возразила Обри.

– Только если он не пьяный, – сказала Челси.

– Ага, – добавила Рашель. – Помните, когда Даррен выпил полбочки пива и его стошнило на танцах? – она вздрогнула. – Лучше бы в этот момент он был в своей машине, а не пытался перебежать танцпол.

– Еще одно очко в пользу животных, – сказала Обри. – Они знают, как держать в себе жидкости.

– Вернемся к Бреду, – сказала я. – Предполагалось, что мы пойдем вместе на выпускной, но я даже не знаю, разговариваем мы или нет. Я имею в виду, что теперь с этим делать?

Челси нахмурилась.

– Уже поздновато искать другую пару. Танцы меньше, чем через три недели. Тебе нужно проглотить гордость и помириться с ним.

Обри кивнула.

– Вы хорошо проведете время. Просто не бери с собой кошку.

Я усмехнулась, представив Игрунью, втиснувшуюся между мной и Бредом на фотографиях с выпускного.

– Парни пахнут лучше, чем животные, – сказала Челси.

– Не всегда. Зависит от парня, – сказала Рашель.

– Парни лучше целуются.

– Тоже зависит от парня, – сказала Рашель.

Обри склонила голову.

– С кем ты целовалась?

Рашель неприлично хихикнула. Рашель была в своем репертуаре.

Челси сложила руки и её лицо приняло отстраненное выражение.

– Разве будет не волшебным, если Бред напьется на выпускном и его стошнит в собственной машине?

– Ему лучше не пить на танцах, – сказала я. – Я видела как он водит, когда он трезвый.

Обри посмотрела вверх в задумчивости.

– Лесси никогда бы не оставила Саманту на произвол судьбы на парковке. Я думаю, животные выиграли.

– Твой парень прежде всего никогда бы не залез по стене и не сидел бы на крыше ветеринарной клиники, – сказала Челси.

Рашель значительно подняла брови:

– Он бы так сделал, если бы знал, что ветеринар собирается его поправить.

Потом все мои подруги рассмеялись и стали перечислять положительные стороны кастрации.

– Ладно, забудем ветеринарные процедуры. – сказала я, желая сменить тему прежде, чем услышу еще больше анатомических подробностей. – Школьные выборы через неделю после выпускного. Вы когда-нибудь думали баллотироваться на какой-нибудь пост?

Рашель пожала плечами, её взгляд вернулся к потоку учеников текущему по фойе.

– Нет, А что?

– Я просто подумала, что это должно быть весело.

Челси фыркнула:

– Что именно должно быть весело? Планировать мероприятия с учителями? Как будто мы

редко их видим и без этого.

– Я говорила не об этом, – сказала я. – Я просто имела в виду, ну, быть лидером.

Рашель потрясла головой.

– Быть чирлидером для меня достаточно, и нас за это даже не благодарят, – она оторвала взгляд от проходящих учеников. – Ну, ты знаешь, то печенье, которое мы всегда печем для команды? Я думаю меня поблагодарил за него целый один человек.

Обри кивнула с согласием.

– Парни не говорят "спасибо". Поэтому, в конце концов, они и женятся, чтобы кто-то заполнял благодарственные открытки вместо них.

– И чтобы кто-то выбирал для них одежду на каждый день, – добавила Челси.

– Как думаете, это Y хромосома мешает им выбирать детали одежды сочетающихся цветов?

– Еще одно очко в пользу животных, – согласилась Челси. – Они никогда не носят дурацкую одежду.

Я попыталась перевести беседу обратно на меня.

– Но быть в студенческом совете было бы весело, как думаете?

Челси прислонилась обратно к перилам и послала мне подозрительный взгляд:

– Ты думаешь выставить свою кандидатуру?

Я не сразу ответила. В эту секунду я еще могла изменить мнение и передумать.

Еще одну секунду мне не нужно было волноваться насчет планирования, кампании, или, что более важно, проигрыша.

– Да, я думаю баллотироваться на президента.

– Президента? – спросила Обри.

– Да, президента, – я думала, если я хочу показать задатки лидера, нужно стать президентом. Я не знала, насколько сильно университеты ценят вице-президентов и секретарей.

Рашель подмигнула Обри:

– Я думаю, кто-то должен сказать Саманте, что у школьных президентов не бывает стажеров.

– Или полномочий сбрасывать ядерные бомбы на учителей.

Я посмотрела на Челси и Рашель.

– Что, – сказала Рашель. – Ты же не серьезно?

– Почему нет?

Рашель подавила улыбку.

– Потому что ты всегда говорила, что школьный совет для тех, у кого нет таланта к спорту или чувства ритма, чтобы быть чирлидером. Ты внезапно потеряла чувство ритма?

– Нет. Я внезапно получила оценки по АОТ, – я не хотела рассказывать им о причинах, но никто из них не выглядел шокированным. – Я подумала, что мое заявление в колледж нуждается в усилении, например с помощью словосочетания "школьный президент".

Все молчали какое-то время, потом Обри сказала:

– Ну, насколько всё плохо?

– Восемьсот десять.

Челси вздрогнула.

– Ну, возможно у тебя есть чувство ритма, но очевидно у тебя нет склонности к математике и языку.

– Я не знаю, что случилось, – сказала я. – Я уверена, что в следующем году сдам лучше, но все еще думаю, что выставить кандидатуру на пост президента – хорошая идея. – Я посмотрела на них по очереди. – Вы ведь поможете мне с кампанией, правда?

– Конечно, – сказала Рашель, уже озаботившись. – Конечно, мы поможем тебе. Что тебе

нужно? Плакаты? Листовки? Грязные сплетни об оппонентах?

Я подумала, что она шутит, но была не уверена. Рашель знала много грязных подробностей обо многих.

– Я не хочу распространять сплетни. Это было бы нечестно.

Челси фыркнула:

– Честно? Это политика. Если ты собираешься играть в эти игры, ты должна сделать все, что потребуется, чтобы победить.

– Я собираюсь сделать всё, что потребуется, – сказала я. – И прямо сейчас я думаю, что потребуются плакаты.

– Мы можем сделать плакаты, – сказала Обри, и мы провели время до звонка, обсуждая возможные девизы кампании.

Я время от времени кивала, но я слушала только вполуха. Слова Челси висели в воздухе передо мной, и я не могла их забыть. Ты должна сделать всё, что потребуется, чтобы победить. Что она думала потребуется?

У Бреда обед был в то же время, что и у меня, и он обычно подходил к моему столу, чтобы поболтать. Мне было интересно покажется ли он сегодня и что он скажет.

Я хотела дать ему еще один шанс, и сделать это было проще, чем порвать с ним. Я даже могла бы забыть, что он оставил меня на парковке, если он извинится. Искренне.

Но Бред не появился. Я только один раз увидела его в другом конце кафетерия. Он быстро вышел из комнаты, даже не остановившись, чтобы бросить взгляд в моем направлении.

Ну и что это значило?

Он ожидал, что я сделаю первый шаг и заговорю с ним? Это не я бросила его.

Я пошла на свое занятие по английскому и размышляла по поводу Бреда вместо того, чтобы слушать лекцию о страдательном залоге.

Я постоянно думала о выпускном. Помиримся ли мы с Бредом до этого, или это будет просто долгое, неловкое испытание, прерываемое танцами? Должна ли я постараться сгладить углы? Хотела ли я вообще идти на бал с Бредом? Я обдумывала этот вопрос вместо того, чтобы слушать лекцию о правильном использовании запятых.

Что будет хуже: проглотить гордость и вести себя, словно я виновата – и потом помириться с парнем, который думал что так оно и есть – или провести выпускной вечер с тем, с кем я едва разговариваю? Какие прекрасные картины танцев это рисует.

После школы, когда я забирала книги из шкафчика, подошла Челси. Она положила руку на дверку и наклонилась ко мне ближе.

– Ты слышала про Бреда и Уитни?

– Нет, что с ними?

– Он пригласил её на выпускной.

Я стояла с открытым ртом, ожидая, что Челси скажет что она шутит. Но она не сказала.

Наконец я повернулась к шкафчику.

– Что ж было бы мило с его стороны проинформировать меня, что мы не идем вместе, прежде, чем приглашать кого-то еще.

– Абсолютный неудачник, – согласилась Челси. – Тебе будет лучше без него.

– Конечно, – она была права, но это не большое утешение, когда тебя бросили в такой отвратительной манере. Я с усилием сглотнула, чувствуя, как сжимается горло. Я абсолютно не собиралась из-за этого плакать. Он того не стоил.

Челси прислонилась к шкафчику рядом с моим.

– Сегодня мы выйдем на улицу, найдем всех бездомных кошек в городе и засунем их в машину Бреда.

– Это будет жестоко. Я имею в виду, по отношению к кошкам.

– Или лучше, скажи Бреду, что оказалось, что у Игруньи действительно бешенство и его салон теперь заражен опасными бактериями.

Я улыбнулась, но очень слабо.

– И машину нужно уничтожить ради безопасности.

– Точно. Он и Уитни могут пойти пешком на выпускной.

Я засунула остальные книги в рюкзак.

– Мы сделаем Уитни одолжение. Так для неё будет гораздо безопаснее.

Голубые глаз Челси наполнились сочувствием.

– Ты найдешь другую пару на бал. Ты пойдешь с парнем получше.

– Правильно, – и кто это мог бы быть? Оставалось три недели до танцев, и у большинства людей уже были планы. Мой желудок сжался в узел. Я должна была пойти на танцы. Я уже купила платье и туфли. Я была в комитете выпускного. Кака я могла украшать танцпол и потом не пойти?

Я попрощалась с Челси и молчаливо пошла на парковку к своей машине. Мной овладело мрачное настроение.

Я всегда могла пойти с Дугом.

Нет. Я не настолько отчаялась. Кроме того, Дуг скорее всего придет на бал в наряде борзой.

Еще был Логан.

Я простонала и рывком распахнула дверцу машины. Почему его имя всплыло у меня в голове, когда я подумала о паре на выпускной? Мы с Логаном не могли спокойно общаться в течение вечера, даже если бы мы оба отчаялись. Скорее всего, он лучше съест скобки для степлера, чем пойдет со мной. Я бы выбрала скобки.

Так кто?

Я забралась в машину и глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Кто-нибудь меня пригласит.

Кто-то должен. Как я могла надеяться, что буду настолько популярной, чтобы баллотироваться на президента, если меня никто даже не пригласит на выпускной?

Эта мысль преследовала меня весь остаток дня.

Во вторник я болтала, флиртовала и улыбалась самой своей бодрой улыбкой всем симпатичным парням в классе. Бодрость говорит о том, что ты уверена в себе. Бодрость говорит о том, что тебе все равно, что тебя только что бросил парень.

В обеденный перерыв, когда я клала учебники в шкафчик, ко мне подошел Бред. Он проехал по полу к шкафчику рядом с моим так же, как и в любой другой день.

– Я хотел бы поговорить насчет выпускного...

– Хотел? Ты уверен, что не хотел бы поговорить с Уитни насчет выпускного?

Я захлопнула дверку и посмотрела ему в лицо.

– Почему бы тебе просто не сказать ей то, что ты хотел, и подождать, пока это не дойдет до меня через испорченный телефон? Это очень хорошо сработало в последний раз.

По шее Бреда поднялась краска:

– Извини, но после того, как ты в пятницу накричала на меня...

– Ох. Как я накричала на тебя в пятницу? Это ничто в сравнении с тем, как я накричу на тебя через две секунды.

Очевидно, для него две секунды были слишком долгим промежутком времени, чтобы оставаться рядом со мной. Он что-то промямлил себе под нос, усомнился, к какой породе я принадлежу, потом повернулся и поторопился по коридору.

– Неудачник! – я крикнула его удаляющейся спине. – Ты такой подонок, Бред!

В этот момент я заметила Логана и нескольких его друзей, идущих по коридору и ставших свидетелями сцены, которую я закатила. Логан поднял бровь и повернулся обратно к друзьям. Когда они проходили мимо меня, он сказал голосом громче обычного: – И что на самом деле удивительно, это то, как Саманта разговаривает с парнями, которые ей нравятся.

Я сделала вид, что не расслышала.

Приехав домой из школы, я обнаружила маму, замешивающую полную миску теста. Она раз в неделю брала уроки французской кухни, поэтому каждый вторник она одаривала нас каким-нибудь странным и экзотическим блюдом на ужин. Потом мы все должны были притворяться, что мы действительно объелись, а не просто недостаточно рафинированы, чтобы наслаждаться фаршированными телячьими почками.

Однако, хлеб выглядел неплохо. Я глубже зашла в кухню, готовясь увидеть на столе кучу сырых ингредиентов, которыми она планировала испортить хлеб. Но не было ни признаков улиток, ни трюфельной пасты, ни печеночного паштета.

Мама ударила тесто и облака муки взлетели в воздух.

– Саманта, у меня липкие руки. Ты не вынешь масло из холодильника?

Масло это хорошо. Оно входило в обычный набор продуктов. Я вынула его из холодильника и положила на стойку рядом с ней.

– Что ты готовишь?

– Круассаны.

– Отлично. Я обожаю круассаны.

– Они для сендвичей с гусиной шейкой и чесноком.

– Гусиная шейка? Люди правда это сознательно едят? Я всегда думала, что это один из субпродуктов, которые идут в корм для собак.

Мама убрала прядь волос, упавших ей на лицо, оставив мучной след на щеке.

– Гусиная шейка – это деликатес. Ты должна по меньшей мере это попробовать. В дорогих ресторанах за неё люди платят по пятьдесят долларов за порцию.

А в нашем доме её заставляли есть бесплатно. Еще одна ирония судьбы.

Я подождала, пока мама не начала посыпать стол мукой, потом взяла рогалик из хлебницы. Я исподтишка откусила от него и стала продвигаться в сторону двери. Мама плюхнула тесто для круассанов на стол и спросила: – Есть что-нибудь хорошее в почте?

– Нет, если только мы на самом деле не выиграли в лотерею.

– Твои оценки по АОТ сегодня не пришли?

– Нет, – технически, это не было ложью. Они сегодня не пришли. Мама вытащила скалку и расплющила тесто в круг. – Я сегодня разговаривала с Линдой Бенсон. Она сказала, что Элис получила оценки – суммарно тысячу двести. Ты можешь в это поверить?

Элис была девочкой моего возраста, плохое поведение которой нейтрализовывало её красоту. Элис делала и говорила все, что хотела, в том числе – и особенно – издевательства надо теми, кто ей не угодил. В прошлом году мы ездили в один и тот же лагерь для девочек, и она в среднем производила два розыгрыша в день – три, если принимать в расчет те случаи, когда она разыгрывала вожатых. Если она не зашивала дверь в чьей-нибудь палатке, она прятала пластиковых жуков в спальнях мешках. Я ежедневно становилась жертвой её шуток. Мой шампунь был выкрашен в оранжевый, мой спальный мешок самостоятельно разгуливал по лагерю несколько раз, а однажды утром я проснулась с сиреневыми линиями, нарисованными маркером у меня на щеках. Все звали меня Пока-Саманта весь остаток отдыха.

Все это было бы не так уж плохо, если бы у Элис были из-за этого проблемы. Но никто и никогда не мог её поймать. Однако, я знала, что она была виновна. Я могла это сказать по тому, как она невинно улыбалась, когда это происходило.

В любом случае, я бы никогда не подумала, что Элис школа заботила настолько, что она смогла набрать 1200 очков АОТ. Я на самом деле слушаю учителя большую часть времени и у меня 810. Жизнь так несправедлива.

Мама сказала:

– Не волнуйся насчет оценок. Я уверена, ты сдала отлично. Я просто хочу, чтобы их прислали, и можно было начать ими хвастаться.

Нет, подумала я. На самом деле ты не хочешь.

– Могу поспорить, они придут завтра.

Я готова была поспорить. На самом деле, я готова была поспорить, что они никогда не придут. Они необъяснимо потерялись на почте. Возможно, их даже по ошибке отправили в маленькую деревеньку в Албании. Забавно, как такие вещи иногда происходят.

Я решила сменить тему.

– Приближаются школьные выборы. Я подумала, что могла бы баллотироваться на президента.

Мама распределила тонкий слой масла по тесту и сложила его.

– Это прекрасно. Ты будешь отличным президентом.

– Ну, для начала я должна выиграть.

– Кто будет твоим вице-президентом?

– Тот, за кого проголосует общество. Мы не выдвигаемся парой.

Мама еще раз провела скалкой по тесту и покачала головой.

– Это не очень эффективно. Что если у твоего вице-президента будут противоположные политические взгляды?

– Я думаю, мы в основном будем планировать танцы, благотворительные вечера и всё такое.

– У тебя должен быть какой-нибудь план. На чем будет основываться твоя кампания?

– Плакаты. Листовки. Может быть, значки, если это будет не слишком дорого.

– Я имела в виду, какие идеи ты будешь продвигать?

Идеи? Какой смысл в идеях, если всё, что ты делаешь – это планирование танцев и благотворительности? Я представила себя стоящей перед сообществом студентов и говорящей свою речь.

– И, если меня выберут, я обещаю не нанимать группы, которые до этого играли только у себя в гаражах, и которые пишут песни, состоящие из скребущих звуков вместо музыкальных аккордов.

Более того, если меня выберут, я обещаю, что когда мы будем проводить ежегодную благотворительную мойку машин, вам не придется соскребать жуков с решеток радиатора незнакомых людей. Мы заставим это делать младших учащихся.

Никто не обращал внимания на идеи. Я пожала плечами.

– Скорее всего, я шокирую школьное общество.

Мама произвела низкий звук, похожий на "хम्म" и еще раз сложила тесто, что значило, что ей не нравилось школьное общество как идея и она была готова разразиться лекцией о политике, избирательных кампаниях или Конституции. Возможно, обо всем сразу.

Или может быть она хотела попросить меня вынуть гусиные шейки из холодильника.

Я засунула остаток рогалика в карман и сказала:

– Ну, мне лучше начать домашнее задание, – и удалилась с кухни так быстро, как могла.

На следующий день, когда я направлялась на первый урок, я решила начать вербовку для своей кампании. В частности, я хотела завербовать Кессиди Вудрафф. Она общалась с отличниками, и мне нужны были свои люди среди них. Я была уверена, что умные дети тоже голосовали.

Кессиди жила на моей улице и в детстве мы часто играли вместе. Став старше, мы отделились, и в прошлом году мы обнаружили еще один большой камень преткновения.

Похоже, когда я с кем-то ругаюсь, это всегда из-за парней, и этот случай не исключение.

Когда Элис Бенсон переехала в Пулман на втором году старшей школы, Кессиди и я соревновались из-за её старшего брата, Джоша.

И Кессиди выиграла.

Не имело значения то, что Кессиди была со мной мила после этого или что она написала мне записку, в которой говорила, что хочет быть друзьями. Это все еще беспокоило меня каждый раз, когда я видела Кессиди и Джоша вместе. Каждый раз, когда я проходила мимо них, я чувствовала, что Кессиди как будто думает "Я лучше, чем Саманта. Поэтому она не получила Джоша. Она – второй сорт."

Когда Джош окончил школу и отправился в колледж, это стало облегчением, потому что я перестала видеть этих двоих повсеместно.

Я неторопливо вошла в класс искусств и вынула свой полу-законченный коллаж из кладовки. Кессиди и Элис уже сидели за своим обычным столом в углу. Коллажи, картинки и слова, вырезанные из журналов, были разбросаны перед ними.

Вы никогда бы не подумали, что Кессиди и Элис смогут поладить, не то что стать лучшими подругами, но они стали. Элис была... ну, Элис, а Кессиди была абсолютно благоразумной и милой. Если бы в школьном альбоме была для этого категория, я уверена, что за Кессиди проголосовали бы как за девочку, портрет которой будет напечатан на коробке с яблочным пирогом. Она была веселой, дружелюбной и достаточно симпатичной, чтобы Джош выбрал её вместо меня.

Мне нужно было прекратить об этом думать.

Я подошла к столу Элис и Кессиди, сжимая свои картинки и вырезки из магазинов, чтобы они не упали на пол. Если не принимать во внимание прошлогоднюю историю, у меня был хороший шанс заполучить Кессиди к себе в команду. Она была слишком милой, чтобы кому-либо

отказать. После инцидента с Джошем, я думала, что она мне должна.

Я бросила свои вещи на стол, улыбнулась и сказала примет. Кессиди ответила мне испуганным приветствием, а Элим просто подозрительно меня разглядывала – совершенно нетипично для неё, поскольку мы иногда разговаривали.

Я все равно села. Никто мне ничего не сказал, поэтому я тихо распределяла наклейки по своему листу. Нам предлагалось создать коллаж, который представлял "квинтэссенцию нашей жизни". Никто из нас точно не знал, что это значило, поэтому мы просто наклеивали свои фотографии и фотографии вещей, которые нам нравились, на плакаты. Элис добавила слова "Красивая и энергичная" в одном углу и "супер-кокетка" на другом.

Очень похоже на Элис. На её фотографиях была только она сама, но почти на всех фотографиях Кессиди была её новая младшая сестра Катя.

Кессиди была единственным ребенком, пока несколько месяцев назад её родители не удочерили двухлетнюю девочку из русского приюта. Мама Кессиди постоянно сияла с этого момента, и Кессиди тоже, поэтому я знала, что нужно сказать, чтобы установить контакт.

– Как поживает твоя младшая сестренка?

Кессиди поместила фотографию Кати в розовой пижаме по центру коллажа.

– Она очень хорошо справляется. Я имею в виду, временами ей бывает нелегко, но по большей части она привыкает к американской жизни.

Элис не подняла голову от своего листа.

– Не хочу тебя расстраивать, но эти "нелегкие моменты" не имеют ничего общего с тем, что она теперь американка. Ей просто два года. Если ты думаешь, что сейчас всё плохо, то тебя ждет сюрприз.

– Она очень милая большую часть времени, – ответила Кессиди.

– Подожди, пока она не найдет, где ты хранишь косметику, – сказала Элис.

Мы нашли общую тему и беседа продолжилась вокруг Кати.

– Я выучила много русских фраз, – сказала Кессиди. – Я уже знаю, как сказать "не кидай это", "иди обратно" и "пожалуйста, хватит плакать, я дам тебе всё, что ты хочешь".

Элис приклеила фотографию шоколадного печенья на плакат.

– Лучше научись говорить "нет, тебе нельзя надевать мою одежду".

Я не знала, как направить беседу в сторону школьных выборов. В итоге я решила действовать прямо. Во время следующей паузы в беседе я сказала: – У вас отлично получились коллажи. Готова поспорить, ты так же хорошо справишься и с плакатами для выборов.

Обе девочки посмотрели на меня с удивлением.

– Мне нужны люди, которые сделают плакаты для меня, потому что я выставила свою кандидатуру на должность школьного президента.

Я подождала несколько секунд, чтобы информация усвоилась и потом улыбнулась им.

– Как насчет этого? Я была бы рада, если бы вы работали над моей кампанией.

– Очень мило с твоей стороны попросить нас, – сказала Кессиди извиняющимся тоном. – Но ты же знаешь нашу подругу Эми Сток? Она сказала нам, что может быть будет участвовать и мы скорее всего будем помогать ей.

– Эми Сток? – я знала, что у меня будут конкуренты в моей борьбе за пост президента, но я первый раз услышала кто именно.

Могло бы быть и хуже. Эми была такой девочкой, которая со всеми дружелюбна, но не очень популярна. Она носила очки в толстой оправе, невыдающуюся одежду и её окружал дух непогрешимой серьезности. Она была умной – тип человека, которого любой учитель был рад видеть в своем классе, но не обязательно человеком, которого ученики хотели бы видеть своим президентом. Поэтому я не стала паниковать по поводу этой новости, и я не хотела просто так

отдавать ей Кессиди и Элис.

– Ой, ладно, вы же на самом деле не хотите помогать Эми вместо меня, – я повернулась к Кессиди, постукивая бутылочкой с клеем по мере того, как я говорила. – Подумай о том, через что мы прошли. Как мы строили снежные крепости, как учились кататься на роликах, как ходили на литературу Мистера Свенсона в седьмом классе... Ты знаешь меня гораздо лучше.

Кессиди улыбнулась мне одной из тех натянутых неудобных улыбок.

– Извини, мы уже сказали Эми, что поможем ей, если она будет участвовать.

Совершенно в духе всего того, что она сказала мне в прошлом году насчет того, что она хочет быть друзьями. Я снова оказалась вторым сортом. Я пожалала плечами: – Ничего, – потом я взяла ножницы и злобно обрезала уголки фотографии.

Элис и Кессиди обменялись взглядами и вернулись к своим коллажам.

Я приклеила фотографию своей семьи в угол постера. Я не собиралась дуться. Если ты натыкаешься на преграду, нужно просто найти обходной путь. И как раз это я и собиралась сделать. Я буду милой и любезной и буду надеяться, что когда Кессиди и Элис будут агитировать за Эми, одна из них или даже обе вдруг внезапно онемеют.

Элис приклеила фотографию Джоша и остальной своей семьи на свой лист. Похоже, это было недавнее фото, возможно снятое прямо перед тем, как он уехал из Пуллмана.

Я ничего не смогла поделаться с собой и уставилась на него. Он был не просто привлекательным, сочетание почти черных волос и голубых глаз приковывало к нему взгляд.

Элис заметила моё внимание, поэтому я сказала:

– Это хорошая фотография Джоша. Как у него дела в колледже?

– Очень хорошо.

Я взглянула на Кессиди с вымученной улыбкой:

– Должно быть тяжело, когда он не рядом с тобой.

Кессиди не взглянула на меня. Фактически, она целеустремленно смотрела на обертку от Milky Way, которую приклеивала рядом со словом ШОКОЛАДОГОЛИК. Ровным голосом она сказала: – Джош и я разошлись.

– Вы разошлись? – я пыталась не выказывать слишком много энтузиазма, но я была действительно удивлена.

– Они не разошлись, – сказала Элис. – Они просто сделали паузу в отношениях.

– Мы разошлись, – сказала Кессиди.

Элис закатила глаза и вздохнула. Очевидно, они расходились во взглядах на этот предмет ранее.

– Он никогда не говорил, что хочет порвать с тобой.

– Он сказал, что нам стоит встречаться с другими людьми. Это одно и то же.

– Нет, не одно и то же, потому что он сказал это только затем, чтобы ты не чувствовала себя так, словно обязана ждать его, пока он в колледже.

Кессиди понизила голос:

– Ну, это было бы очень заботливо со стороны Джоша, если бы это не включало то, что он встречался с полудюжиной разных девчонок.

Элис отмахнулась от её слов.

– Потому что он не мог встречаться с тобой. И кроме того, они просто друзья с теми девушками.

Кессиди выдавила каплю клея на бумагу и потом шлепнула большую фотографию книги на свой коллаж.

– Ты, из всех людей, не должна быть такой наивной.

– Что ж, по меньшей мере поговори с ним, – сказала Элис. – Он будет дома каждый день, и

ни одна из тех девушек из колледжа не придет с ним.

Я пыталась убрать оживление из голоса.

– Он скоро возвращается? Зачем?

– У него закончились занятия. Единственная причина, почему он еще не дома, это то, что ему надо починить машину перед поездкой. Джош летом собирается работать в магазине моих родителей.

– Это прекрасно, – сказала я. – Я имею в виду, это действительно хорошо, что он возвращается, чтобы помочь вашим родителям.

– Ему нужны деньги, – Элис послала Кессиди взгляд. – И кроме того, я думаю, он хочет быть рядом с Кессиди.

Кессиди закатила глаза, но ничего не сказала.

Элис разгладила фотографию на плакате.

– Ну, он мог бы так же легко найти работу и там.

– Кроме того, что у твоих родителей нет там магазина.

Элис уставилась на меня. Я проигнорировала её и вернулась к работе над своим коллажем.

Джош возвращался на лето. Темноволосый, голубоглазый, великолепный Джош. Ладно, он не был совершенством. У него была Элис в качестве сестры, но я могла не обращать внимания на эту деталь. Они и Кессиди разошлись, и это значило, что у меня был с ним шанс, шанс перестать быть вторым сортом.

Я села за столик в кафетерии, чтобы пообедать, и взглянула туда, где ели Кессиди и Элис. Эми даже не было с ними. Она сидела за столом на другом конце комнаты, что показывало какими они были близкими друзьями.

Я старалась об этом не думать.

Когда я уже наполовину съела свой сэндвич с тунцом, Дуг Кэмптон и его друг Мэтт остановились рядом с нашим столиком. На Дуге была слишком большая футболка и пара мешковатых джинс.

Он выглядел так, словно расчесал волосы на неделю назад и считал, что приложил огромные усилия к заботе о своем внешнем виде. И Мэтт, ну Мэтт выглядел как хуже одетая версия Дуга.

Дуг засунул руки в карманы и покачивался на пятках.

— Привет Саманта. Я слышал, что ты участвуешь в гонке на президента.

— Ты слышал правду.

— Ну, надеюсь, ты его поймаешь, — Мэтт и Дуг рассмеялись шутке.

Я все равно продолжала улыбаться им:

— Вы же собираетесь голосовать за меня, правда?

— Это зависит, — сказал Мэтт. — Если это будет стоить нашего потраченного времени.

Внезапно я поняла, почему люди говорят, что у политиков нет совести. Пока я сидела и улыбалась Мэтту и Дугу, я чувствовала, как моя совесть убегает на спасательной шлюпке. Мне нужно было не только страдать от дураков, чтобы выиграть выборы, мне нужно было притворяться, что они мне нравятся.

Все еще улыбаясь, я сказала:

— Я думаю, что это будет стоить усилий, когда заседание совета учеников пройдет гладко.

— Расскажи нам еще про учеников, — сказал Дуг, подняв брови. — Я бы хотел посмотреть, как это гладко проходит.

Челси со стуком положила вилку на стол:

— Может быть, ты хотел бы посмотреть, как она даст тебе пощечину?

Я рассмеялась, как будто это была приятная шутка. Помимо всего прочего, мне нужны были все голоса, которые я могла получить:

— Прекрасно, что вы заинтересованы школьным советом. Я организовала много событий за последний год, но мне важны любые предложения.

— У меня идея, — сказал Мэтт. — Я думаю, что студенческий совет должен выставлять бесплатное пиво после каждой игры, которую мы выиграем.

Дуг покачал головой:

— Не, наша команда — неудачники. Лучше пусть будет после каждой домашней игры.

— Ага, — сказала я.

— Хорошо, — сказал Дуг, когда я больше ничего не добавила. — Мы лучше пойдем поедим. Мы просто хотели пожелать тебе удачи.

— И помни про бесплатное пиво, — добавил Мэтт.

После того, как они ушли, я медленно покачала головой. Внезапно мне показалось, что выборы займут долгое-долгое время.

Рашель смотрела в их удаляющиеся спины и тихим голосом сказала:

— Эти парни идиоты или как?

Я пожалала плечами и глотнула молока из упаковки.

— Как можно ожидать кого-то приличного с такими именами? Дуг всего в одной букве от "теста", а мат — это то, чем ты обычно вытираешь грязь с ботинок. Нужно винить в этом их родителей. [\[1\]](#)

Челси и Рашель захизикали, а Обри подавилась чипсом и начала кашлять.

Я наклонилась через стол поближе к подругам:

— Логан сказал, что Дуг хочет со мной встречаться. Что если он узнает, что мы с Бредом разошлись и пригласит меня на выпускной?

— Не отвечай на звонки дома, — сказала Рашель. — И обходи его подальше в школе.

— Он не побоится подойти и поговорить со мной, — сказала я. — Он только что это сделал.

Обри сделала большой глоток, чтобы перестать кашлять:

— Ему не хватит такта пригласить тебя на выпускной перед твоими друзьями.

Мы просто смотрели на неё какое-то время, и потом я сказала.

— Мы говорим о Дуге Кэмптоне. Тактичность не входит в его генетический код.

Рашель показала на Обри:

— В следующий раз, когда он к нам подойдет, устрой диверсию прежде, чем он заговорит с Самантой. Притворись, что ты умираешь или что-нибудь наподобие.

Я вздохнула и откинулась в кресле.

— Это сработает только один раз. Мне просто нужно найти еще одну пару на выпускной. Быстро.

Я обвела взглядом кафетерий. Должен быть кто-то приличный, кто хотел бы меня пригласить.

Пожалуйста, думала я, пусть кто-нибудь найдется.

Когда я вошла в книжный магазин после школы, Логан стоял на коленях рядом с витриной с изображением ножа. Он оторвал взгляд от мистических романов, которые расставлял.

— Ты рано. По какому поводу?

— Не могу дождаться встречи с тобой, конечно. Твой шарм и доброта привлекают к тебе людей.

Он положил остатки книг на витрину:

— Да, я знаю.

Мне пришла в голову мысль, что для пользы моей кампании я должна быть обходительной с Логаном.

Он тоже общался с умными ребятами и у него было много друзей, а значит, и потенциальных голосов. Я обдумывала это, когда проверяла тележку с книгами. Быть милой с ним это полхо. Он сразу же догадается, что я что-то затеваю, если я буду милой. Стоит ли смириться с потерей его голоса или заключить с ним сделку? Если я соглашусь пойти на свидание с Дугом один раз после выпускного, куда-нибудь в совершенно непримечательное место, тогда Логан будет мне должен огромную услугу в качестве благодарности. И сколько пользы для своей кампании я могла бы из этого извлечь? Плакаты? Значки? Может быть, от согласится вытатуировать на лбу "ГОЛОСУЙТЕ ЗА САМАНТУ"?

Расставив пачку романов, я подошла и встала рядом с ним в секции вестернов, где он выкладывал книги. Я постучала пальцем по корешкам и подождала, пока он меня заметит. Я сказала: — Итак... как дела в мире вестернов?

Логан поднял брови.

— Зейн Грей написал что-нибудь новенькое?

— Зейн Грей мертв.

— Правда? Он много пишет для мертвого человека.

Логан плотнее сдвинул книги на полке, чтобы освободить место и попыталась засунуть туда

несколько книг. Он только наполовину слушал, о чем я говорю.

— Гм, насчет Дуга... — сказала я. — Возможно, я хочу сделать тебе одолжение, если ты сделаешь одно мне.

Книги Логана сдвинулись обратно. Он с улыбкой повернулся ко мне:

— Какое одолжение?

— Я решила выставить кандидатуру на школьного президента, и мне нужны лди, чтобы помогать мне с кампанией...

Я не успела продолжить, потому что Логан закашлялся смехом. Я выразительно смотрела на него и ждала, пока он остановится.

— Ты мог бы просто сказать нет.

— Я не то, чтобы не хочу тебе помочь. — сказал он, еще немного покашляв. — Просто мысль о твоей избирательной кампании смешна сама по себе.

— Ты думаешь, я не смогу?

— Для того, чтобы вести кампанию, ты должна разговаривать с людьми вне своей тусовки.

Я сложила руки на груди:

— Я умею быть дружелюбной.

Логан наклонился ко мне, используя свой рост как аргумент:

— Саманта, ты не можешь войти в комнату из шести людей, не оскорбив пять из них.

— Забудь, что я тебя о чем-то просила. Я надеюсь, что вы с Вероникой проживете долгую несчастную жизнь и умрете в одиночестве. — я повернулась и пошла обратно к тележке с книгами длинными быстрыми шагами.

Логан следовал за мной.

— Я не сказал, что не буду тебе помогать.

— И каким ты будешь отличным помощником. Я могу представить твои плакаты "ГОЛОСУЙТЕ ЗА САМАНТУ, ОНА ПОВЕРХНОСТНАЯ И ВРЕДНАЯ, НО ОНА НУЖНА МНЕ, ЧТОБЫ ОРГАНИЗОВАТЬ СВИДАНИЕ. Просто забудь об этом, Логан.

Я попыталась взять книгу с тележки, но он тоже держал её и не отпускал. Он выглядел так, будто снова хотел рассмеяться, но отчаянно пытался подавить эмоции.

— Извини, но ты должна это признать. Обижать людей — твое любимое времяпрепровождение.

— Нет, неправда, — я вырвала книгу из его руки. — Тебе только так кажется, потому что тебя легко оскорбить.

— Я даже не считал все твои оскорбления в мой адрес. А если бы посчитал, ты была бы в Олимпийской категории по оскорблениям.

— Логан, ты бредишь, — я моментально остановилась и подняла руки в притворном ужасе. — Я полагаю, я сейчас выиграла золотую медаль, правда?

Не ожидая его ответа, я подобрала свои книги и направилась в секцию фантастики. Логан следовал за мной. Когда мы пришли, он положил руку на книжную полку, что сделало довольно трудным игнорировать его. Но я все равно пыталась.

— Хорошо, — сказал он. — Ты не согласна со мной. Давай посмотрим, готова ли ты поставить на то, что выйдет из твоего маленького едкого ротика.

— Это было оскорбление? — я передала ему половину книг, пытаясь впихнуть остальные на полку.

— Давай заключим пари. Я говорю, что ты не сможешь прожить неделю не оскорбив кого-нибудь. Если я выиграю, ты должна будешь пойти на свидание с Дугом.

— А если я выиграю?

— Тогда ты пойдешь на свидание со мной.

Я взяла оставшиеся книги из его рук и покровительственно на него посмотрела:

— Предполагается, что это большая награда для меня?

— Ну, я не думал о награде для тебя. Я больше думал о наказании для меня.

Я не сказал ему гадость, хотя хотела, просто чтобы доказать, что я могу упражняться в самоконтроле.

— Отлично, если ты отведешь меня в ресторан Хиллтоп, где я закажу лобстера, и будешь стоять на школьном крыльце, раздавая листовки и призывая всех проходящих голосовать за меня.

Логан сомневался, но только пару секунд:

— Хорошо. Заключаем пари.

— Отлично. Я не буду никого обижать до... — я посмотрела на часы — четырех сорока пяти следующего четверга, а потом расскажу тебе в подробностях о чертах твоего характера. И выдам тебе листовки.

— Даже на минуту не думай, что я поверю твоему слову насчет твоего поведения, — сказал он. — Я найму шпионов.

— Отлично. Нанимай.

Мистер Дональдсон вышел из своего кабинета и посмотрел в нашем направлении. Я сказала:

— К вопросу о работе... — и послама ему взгляд, говорящий что за нами наблюдают. Он повернулся и отправился обратно к тележке, а я расставляла книги, которые кто-то перепутал, в правильном порядке.

Тяжело вспоминать алфавит, когда ты мысленно ругаешь кого-то, поэтому я заменяла книги медленно. На самом деле, Логан никогда не переставал меня удивлять. Он серьезно думал, что я не смогу прожить неделю, никого не обидев. Как будто мне больше нечего было делать, кроме как критиковать всех подряд. Я покажу ему и всем ему шпионам. Я буду образцом доброты и шарма всю следующую неделю. И это не потребует больших усилий с моей стороны. И это будет как кусок торта — в моем случае, большой, сочный лобстер.

Во вторник в школе администрация объявила, что те учащиеся, которые хотят выставить свою кандидатуру на выборы в исполнительный совет школьников, должны придти в офис и взять бланки петиций. Каждый кандидат должен набрать по меньшей мере пятьдесят подписей учеников. Я зашла в офис во время обеда.

Когда секретарь подала мне бумаги, мой желудок опустился. Что, если я не смогу найти пятьдесят людей, которое подпишутся за меня? Как это будет смешно.

Но опять же, я была чирлидером последние три года. Я годами давала поддержку, одобрение и печенье баскетбольной и футбольной командам. Они были мне должны. Если они не подпишут мою петицию, то в следующем году им будет нечего взять в автобус на гостевую игру, кроме горелых тостов. И я им об этом скажу. Даже сделаю это слоганом кампании.

Я не хотела целый день ходить и собирать подписи, поэтому я скопировала бумаги и дала здание подругам собрать по тринадцать подписей на следующий день. В какой-то момент я увидела Логана, вынимающего вещи из своего шкафчика, и, просто чтобы досадить ему, я подошла и попросила оставить за меня подпись: — Для тебя будет лучше, если ты это подпишешь, — сказала я ему. — Поскольку на следующей неделе ты будешь за меня агитировать.

Он взял бумагу и ручку, потом скептически на меня посмотрел:

— Ты сегодня еще никого не обидела?

— Ну, только тебя. Но это было только мысленно, поэтому не считается.\

Он постукивал ручкой по бумаге, но не подписывал её:

— Хм-м-м. Не хочешь немного поболтать? Скажи мне, как ты думаешь, кто самая популярная девочка в школе, и что ты о ней думаешь?

Я указала на строчку в документе.

— Просто подпиши вот здесь.

— Как думаешь в вашей четверке Рашель лучший чирлидер, или это Обри?

— Это не сработает. Я само воплощение доброты и нахожу, что неопишимо легко никого не обижать.

— Увидим, — сказал он и подписал петицию.

Я улыбнулась и положила бумагу на учебник по математике.

— Кстати, я бы хотела заказать тот дорогой пломбир со взбитыми сливками из десертного меню.

— Я скажу Дугу, — сказал Логан и повернулся обратно к своему шкафчику. Это тоже меня раздражало в Логане. Он всегда оставлял за собой последнее слово. Когда он поведет меня на свидание, я заставлю его съесть каждое гнилое слово, которое он когда-либо говорил обо мне, но этот вечер скорее всего не будет приятным. Он найдет способ разрушить это. Логан каким-нибудь способом лишит меня удовольствия от мести.

Я дружелюбно сказала ему до свидания и продолжила свой путь по коридору.

Я не слышала, чтобы Логан кого-то пригласил на выпускной, и меня осенило, что я могла бы заставить его повести меня туда на свидание. Ему надо будет арендовать фрак, купить корсажный букет и сфотографироваться со мной. Годы спустя, его дети будут листать его школьный альбом и найдут фотографии с выпускного.

— Кто эта потрясающая женщина, на которой у тебя не хватило мозгов жениться? — спросят они его, и он с уколом стыда вспомнит, как проиграл наше пари.

Это будет справедливо. За исключением того, что это значило страдать весь выпускной, и я не хотела этого сделать. У меня была возможность посетить только два выпускных в жизни. Я

хотела чтобы оба были прекрасными, волшебными — как будто Золушка отправляется на бал. Это никогда бы не смогло осуществиться, если бы я пошла с Логаном.

После ланча, когда я вынимала учебники английского из шкафчика, я увидела Эми, разговаривающую с группой парней с петицией в руке.

— Но это же красота демократической системы, — сказала она. — Вы можете что-то изменить.

— Ничего никогда не меняется, — один из парней говорил ей, растягивая слова. — Студенческий совет делает одно и то же каждый год. Какая разница, кто победит?

— Если вы хотите другой план, относитесь к этому как к политической гонке, а не к конкурсу популярности. Проголосуйте за кого-то, кто знает, что делает.

И что это была за критика?

Как будто я не знаю, что делаю. Ну, хорошо, у меня не было опыта в студенческом совете, но это не значило, что я не могла в этом разобраться. Мы говорим не о Верховном Суде. Это просто школьные выборы.

Эми подала ручку парням. Мне бы понравилось, если бы они отказали ей или по крайней мере заставили объяснить, почему она считает, что знает что делает, в то время как остальные были просто сборищем бестолковых болванов, но они просто взяли её петицию и подписали её.

Я с трудом удержалась, чтобы хлопнуть дверкой шкафчика.

Я знала, что делала. И я не собиралась позволять Эми победить меня.

В пятницу мы с подругами задержались после уроков, чтобы сделать плакаты и сложить вместе наши петиции. Поскольку мы делали тысячи плакатов для чирлидинга, у нас была разработана система. Рашель и я изготавливали рамки, подкрашивали вырезки и другие украшения. Обри и Челси писали слоганы по трафарету.

Пока я раскладывала бумагу и другие материалы, который я вытащила из машины, Челси просматривала петиции. Она покачала головой, переворачивая страницы.

— Я не могу поверить. Некоторые из этих придурков подписали несколько наших листов. О чем они думали? Ха-ха, у тебя будет только один голос?

Рашель усмехнулась нам.

— Вы что, собирали подписи у двоечников?

Я почти оступилась и добавила собственное оскорбление, но закрыла рот, прежде чем из него вылетели слова. Вместо этого, я сказала:

— Очевидно, некоторые люди полны энтузиазма по поводу моей кандидатуры.

— Ну, благодаря их энтузиазму, у тебя теперь только сорок шесть подписей вместо пятидесяти.

Я села и вытащила бумагу, которую мы использовали для рамок.

— Все еще есть время. Мы просто поймем кого-нибудь, кто будет проходить мимо.

Рашель взяла один из бланков:

— Пойду найду кого-нибудь.

Она слишком рьяно взялась за дело. Я понимала, что она хочет болтать с людьми, а не делать плакаты, но я не остановила её.

Обри села скрестив ноги перед одним из листов для плаката и сняла колпачок с маркера.

— Угадай, кто еще твой оппонент по моим сведениям, Саманта? — не дав мне времени ничего сказать, она продолжила. — Рик Деброк.

— Рик Деброк? — повторила я. — Почему он хочет стать президентом?

Рик был одним из тех мятежных студентов, чьи экстремальные стрижки абсолютно сочетались с их странной одеждой. Время от времени я видела его с булавкой в ухе вместо

серьги. Насколько я могла сказать, он никогда серьезно не относился к школе, и тем более не выказывал интереса к школьному совету. Его единственным беспокойство по поводу занятий было высидеть школьные дни, чтобы иметь возможность отрываться на вечеринках в выходные. В прошлом году у нас были с ним занятия, и каждый понедельник он приходил и громко всем рассказывал о своих похождениях в выходные. Большинство из его приключений состояли из того, что он пил пиво и вырубался.

— Рик Деброк? — снова повторила я. — У него достаточно хорошие оценки, чтобы участвовать?

— Наверное, — сказала Обри. — Они дали ему контрольную. Слоган его кампании "Веселись, веселись, веселись с Риком".

Я взяла ножницы, но ничего не вырезала.

— Думаешь, он наберет много голосов?

Обри наклонилась над плакатом и вывела "С" по трафарету.

— Большинство людей не примут его всерьез. Но опять же, многие не принимают всерьез совет, поэтому они могут проголосовать за него просто по этой причине.

— Он не настолько дикий, как кажется, — сказала Челси, положив трафарет на свой плакат. — Он просто создает видимость.

Мы обе посмотрели на неё скептически, и она добавила:

— Моя сестра несколько раз ходила с ним на свидания. Она клянется, что он на самом деле очень умный.

Младшая сестра Челси, Адриана, проходила через то, что мы называли "бешеный этап".

Казалось, у неё было намерение проколоть каждую часть своего тела, и не носила ничего, кроме черного, целый год. То, что она встречалась с Риком совершенно не подтверждало его нормальность.

Я положила кусок бумаги для рамок на плакат и отрезала нужную длину.

— Ну, я думаю, я не могу рассчитывать на голоса готов, любителей вечеринок и тех-кто-ненавидит-школу-из-принципа.

— Может быть, если мы немного подправим твой образ, ты сможешь рассчитывать и на них тоже.

Челси помахала ручкой в моем направлении, как будто она была феей-крестной, превращающей меня из посудомойки в приемлемого кандидата. — Попробуй почаще бурчать и повторяй слова всех хеви-металл песен, которые ты знаешь.

Я сосредоточилась на плакате.

— Большая часть людей не будут голосовать за Рика Деброка. Он половину времени настолько пьян, что не может найти школу.

Голос у меня за спиной сказал:

— Это было оскорбление?

Мне не нужно было оборачиваться, чтобы знать, что Логан стоит сзади меня. Я сжала зубы. Сколько времени он подслушивал и, что более важно, почему подруги не сказали мне об этом? Я подрезала уголки бордюра и сказала ровным голосом: — Это не было оскорблением. Это было наблюдение.

Логан плюхнул рюкзак на пол и сел рядом со мной, почти светясь от счастья.

— По-моему, это звучало как оскорбление.

— Ну, я полагаю, это еще одна область, в которой мы расходимся во мнениях.

Он наклонился ко мне и, голосом таким тихим, что могла слышать только я, сказал:

— Перестань выкручиваться, ты, плутовка. Ты проиграла пари.

— Это не было оскорблением, — настаивала я. — Рик много пьет. Это подтвержденный

факт и одна из тем его кампании. И как это может считаться оскорблением? Я не проиграла пари.

Я взяла несколько вырезок в форме звездочек и взглянула на подруг. Они быстро перевели взгляды с меня на свои плакаты, работая над ними с таким усердием, как будто они совершенно не подслушивали, но я знала, что они будут пытаться меня по поводу этой маленькой перепалки, как только Логан уйдет. Это был еще один луч солнечного света, который он внёс в мою жизнь.

Логан постучал пальцами по полу.

— Я предполагаю, что, возможно, ты не понимаешь что такое оскорбление. Кроме того, ты плевалась оскорблениями так долго, что, вероятно, ты их уже не замечаешь. Примерно так же, как с духами, которые ты пользуешься.

— Ясно, — прошипела я. — Может быть, ты тогда прояснишь это для меня. Например, если я велела бы тебе... скажем, упасть замертво, это было бы оскорбление или просто инструктаж?

— Видишь, ты не можешь прожить и трех секунд, не начиная снова.

— Я не проиграла.

Он поднял одну руку в знак протеста и уронил её себе на колени.

— Хорошо. Я могу закрыть глаза на это, но ты должна начать заново. Ты должна продержаться неделю с этого момента, никого не оскорбив.

— Я проведу так две недели.

— Отлично. Две недели.

Я сразу же пожалела, что добровольно вызвалась на дополнительную неделю, но я не пыталась взять слова обратно.

— Давай установим правила, — продолжил он. — Просто чтобы мы с тобой пришли к пониманию касательно определения оскорбления. Если это не добрая вещь, и не то, что бы ты хотела услышать о себе, то это оскорбление и ты проиграла пари. Согласна?

Я хотела сказать ему, куда он может пойти со своими правилами и своим дурацким пари, но он никогда не позволил бы мне пережить это. Он бы все еще звал меня плутовкой и пронырой на праздновании десятилетия с окончания школы. Этот спор задел мою гордость.

— Согласна.

— Итак, куда ты хочешь пойти с Дугом на свидание?

Он ждал оскорблений. Я со собиралась так просто сдаваться.

— Раз уж ты здесь сидишь, почему бы тебе не помочь мне с плакатами? Я уверена, ты прекрасный художник, и, кроме того, ты скоро будешь работать на меня.

— Я не могу. У меня тонны домашних заданий, — он подобрал рюкзак, встал и направился к дверям. Я наблюдала, как он удаляется, и когда он уже почти вышел из зоны слышимости, я сказала: — Реверсивная психология — замечательная вещь.

Это было не оскорбление. Технически, нет.

Как я и подозревала, с момента ухода Логана не успело пройти и тридцати секунд, а подруги уже начали меня допрашивать.

— Что это было? — спросила Обри.

Я прижала еще одну звездочку к плакату.

— Просто глупое пари, которое мы заключили. Он думает, что я не смогу прожить двух недель, никого не обидев.

— И ты согласилась? — спросила Челси, и это показало что она на самом деле обо мне думает.

— Да, я согласилась. Я смогу.

Обри и Челси посмотрели друг на друга и рассмеялись. Я бросила в них звездочкой.

— Я смогу, — снова сказала я.

Обри сжала губы и знающе улыбнулась.

— Я думаю, он с тобой флиртовал.

— Когда? Когда он назвал меня плутовкой или сказал, что я слишком сильно надушена?

— Нет, — медленно сказала Обри. — Дело в том, как он на тебя смотрел.

Я наклеила еще одну звездочку на плакат.

— Сомнительно. Он просто хочет, чтобы я пошла на свидание с Дугом. Дуг сведет его с какой-то девицей по имени Вероника.

— Возможно, это предлог, — сказала она.

Я почти назвала её сумасшедшей, но подумала, что это может быть классифицировано как оскорбление.

В этот момент к нам вернулась Рашель.

— Я собрала еще шесть подписей, чтобы точно хватило, — она положила бумаги рядом со мной, села и вытянула ноги. — Я что-нибудь пропустила?

Обри подмигнула ей:

— Только то, что Логан Хансен заигрывал с Самантой.

— Он со мной не заигрывал. Он старался усложнить мне жизнь.

Челси улыбнулась и бросила Рашель маркер.

— Некоторые парни не различают эти понятия.

— О! — Рашель подняла руку, как будто что-то вспомнила. — Эми и её друзья наверху делают плакаты для её кампании. Это выглядит как вандализм на бумаге. Я имею в виду, они просто пишут глупости.

Она повернулась ко мне в ожидании комментариев, и я пыталась придумать что-то, что не было бы недобрым и я не возражала бы, чтобы кто-то так сказал обо мне. Рашель ждала, и её замешательство росло.

Наконец, Челси сказала:

— Не обращай внимания на Саманту, она на диете без оскорблений.

Я закатила глаза, потому что правила Логана ничего не говорили о выражениях лица.

Обри посмотрела на Рашель и рассказала ей:

— Логан поспорит с Самантой, что она не сможет выдержать двух недель, никого не обидев.

— Ох, — сказала Рашель грустно. — Надеюсь, твоя ставка не очень высока.

Я приклеила последнюю звездочку к своему плакату, прижав её так сильно, что из-под кромок выступил клей.

— Ваша вера в меня так трогательна.

Меня действительно начала раздражать, что никто не думал, что я смогу выиграть спор. Кроме всего прочего, я не оскорбляла людей направо и налево. Нет. Ну, я не оскорбляла людей больше, чем остальные.

— Вернемся к плакатам, — сказала я. — Как думаете, сколько нам нужно сделать?

Обри обвела еще одну букву по трафарету:

— Я думаю, нам нужно сделать кучу, и занять все хорошие места в коридоре.

Челси наклонилась над плакатом, раскрашивая моё имя.

— Я думаю, нам нужно подождать, пока Эми развесит свои плакаты, и повесить наши рядом с ними.

— Давайте просто снимем её плакаты, когда мы их увидим, — добавила Рашель. — Назовем это "представление Эми избирателям из мусорного бака".

Я передала плакат Челси, чтобы она сделала надписи:

— Это будет нечестно.

— Саманта права, — согласилась Обри. — Это будет нечестно.

Челси пожалала плечами:

— Вы же знаете как говорят: "В любви, на войне и в школе все средства хороши".

Я покачала головой.

— Если нас поймают, будут проблемы. Меня выкинут из гонки.

— Тогда ты не будешь их снимать, — сказала Рашель. — И мы сделаем так, чтобы нас не поймали. Это просто.

Я не была уверена, серьезны они или нет, но не хотела выяснять:

— Я не хочу грубо играть. Я могу выиграть у Эми и Рика честно.

Подруги обменялись взглядами, но никто не возразил.

— Ладно, — сказала Челси. — Мы будем хорошими девочками.

В сумме мы сделали шесть плакатов, и для первого дня это было хорошо. И они выглядели свежо и профессионально. У меня будут самые лучшие плакаты. Рашель уже сказала что плакаты Эми были ужасны, а Рик не сможет придумать ничего хорошего. Он скорее всего не знает как правильно пишутся два из трех слов в предложении "Голосуйте за Рика".

Мы развесили плакаты и коридорах, и потом я сказала всем, что сама уберу оставшиеся материалы, а они могут идти домой. Мне было неудобно из-за того, что они задерживались из-за меня.

Я запихнула в рюкзак что смогла, сложила стопкой все, что мне надо было нести в руках, и потом собрала обрезки бумаги, чтобы выбросить. Когда я выбрасывала мусор, Кессиди прошла мимо.

Увидев меня, она остановилась:

— Привет, Саманта.

— Привет, — я бросила остатки обрезков и в контейнер и постаралась отскрести высохший клей с рук.

— Я видела несколько твоих плакатов. Они очень красивые.

— Спасибо. Ты помогала Эми с её?

— Да. Но наши не могут с твоими сравниться. Ты должна быть рада, что я не помогала тебе их клеить.

Если бы она не сказала это, я бы вероятно никогда не подняла бы эту тему, но каким-то образом увидеть, как она стоит и болтает со мной, словно она действительно была моей подругой, подействовало на меня раздражающе.

— Знаешь, Кессиди. Я все еще помню записку, которую ты написала мне в прошлом году. Там говорилось, что тебе жаль, что мы поругались и что ты надеешься, что мы можем быть друзьями. Я думаю ты действительно имела это в виду, правда?

Она моргнула с ошеломленным выражением лица:

— Да, я имела это в виду.

— Тогда как получилось, что ты помогаешь моему оппоненту?

— Потому что Эми тоже моя подруга. Кроме того, ей моя помощь нужна больше, чем тебе. У тебя куча друзей, которые тебе помогут.

Я умоляюще вытянула руку, покрытую клеем, в сторону Кессиди:

— Мне твоя помощь нужна больше, чем кому-то еще. Я действительно, действительно хочу выиграть выборы. Я имею в виду, какая разница для Эми выиграет она или нет? У неё такие оценки, что она может поступить куда угодно.

— Она может поступить куда угодно? — повторила Кессиди.

Сначала я ничего не сказала. Я просто стояла рядом с контейнером для мусора и колебалась между здравым смыслом и надеждой. Это было опасно — самой давать конкуренту

информацию, которая может быть использована против тебя, но я доверяла Кессиди. Если бы она поняла, что стояло на кону, если бы я дала ей хорошую причину, она оставила бы штаб Эми и помогла мне.

— Ты всегда планировала пойти в хороший колледж, да? — спросила я.

— Ага.

— Ну, и я тоже, но мои оценки очень средние и я провалила АОТ.

Она перевесила рюкзак с одного плеча на другое.

— В следующем году ты можешь пересдать лучше.

— Я собираюсь, но в этом году у меня восемьсот десять. Мне нужно стать президентом, чтобы повысить шансы на поступление туда, куда я действительно захочу.

Кессиди протестующе открыла рот. Я продолжила прежде, чем она успела что-нибудь сказать.

— Я знаю, это выглядит расчетливо, но в долгосрочной перспективе для Эми неважно, выиграет она или нет. Эти выборы могут решить моё будущее.

На несколько мгновений между нами воцарилась тишина. Я положила свой аргумент на чашу весов и ждала, чтобы она положила свое решение на другую.

Пожав плечами, она сказала свой вердикт:

— Я не уверена, что участвовать в выборах это ответ на твои проблемы с поступлением. Я имею в виду, разве ты не должна участвовать в выборах потому, что ты на самом деле хочешь стать президентом?

— Я хочу стать президентом, — сказала я. — Ты не слушала, о чем я говорила?

— Нет, я имею в виду, Эми хочет в будущем заняться политикой. У неё есть несколько хороших идей по поводу управления школой и проведения общественных мероприятий. Она очень организована и все такое.

Я не могла этому поверить. Я излила душу Кессиди, а она ответила мне зажигательной речью в поддержку Эми.

— Большое спасибо, — сказала я. — Теперь ясно, как сильно ты хочешь быть моим другом.

Потом я повернулась и ушла от неё.

Придя домой из школы, я положила сумку на кухонный стол и открыла холодильник. Целая сковородка чего-то, что выглядело как сгоревший горошек в мелких камушках, лежала на верхней полке.

Мама сидела за столом и помогала Энди с домашним заданием. Она крикнула мне:

— Сегодня на десерт *creme de poire*. Не ешь его прямо сейчас.

Как будто я собиралась.

Почему моя мама не могла быть одной из тех, кто печет печенье? Когда хочешь утопить в чем-нибудь печаль, *creme de poire* приходит на ум в последнюю очередь. Я сдвинула сковороду в сторону в попытках найти что-нибудь съедобное. Горчица, соевый соус, маринованные анчоусы. Я даже не хотела спрашивать, что она планирует с ними сделать. Я взяла яблоко из ящика и закрыла холодильник.

— Мне кто-нибудь звонил? — я надеялась, правда надеялась, что звонил парень и у меня появилась бы причина исправить настроение. Если у парня не было номера сотового, он звонил домой.

Мама сказала, не отрываясь от домашней работы Энди:

— Нет, кого ты ждешь?

— Никого. Я думаю, что не жду ни от кого звонка.

Мама повернулась на стуле, чтобы посмотреть на меня:

— Вы с Бредом еще не помирились?

— Нет, и свиньи тоже все еще не летают.

Мама что-то промямлила Энди насчет его работы, потом встала и подошла ближе ко мне.

— Мне жаль, Саманта, но ты найдешь кого-нибудь на его место.

— Я не знаю. В наше время так трудно найти мужчину, которому нравится работать кошачьим такси.

Она вздохнула:

— Ты никогда об этом не забудешь, да?

Я откусила от яблока.

Мама взяла кухонное полотенце и вытерла стол рядом со мной:

— Если ты слишком сильно стараешься привлечь внимание парня, это его только пугает. Не волнуйся насчет этого, и все пойдет гораздо лучше.

Мама обожала давать мне советы про парней. Она не была на настоящем свидании больше двадцати лет, но она все еще считала себя экспертом во всех аспектах отношений. Обычно, я вполуха слушала, что она говорила, но сегодня я хотела, чтобы она убедила меня, что все наладится. Я хотела, чтобы она пообещала мне, что я не буду сидеть дома в вечер выпускного и не делать ничего, кроме как заедать свои печали странной французской кухней.

— Выпускной через две недели, — тихо сказала я ей.

— Так почему бы тебе кого-нибудь не пригласить?

— Так не делают, — сказала я, но внезапно я уже не была так уверена. Помимо прочего, девочки приглашали своих парней если они жили в другом городе, или были младше, или уже окончили школу.

Я взяла яблоко наверх и подумала о парне, который уже окончил школу — парне с темными волосами и бездонными голубыми глазами, который возвращается в Пуллман на днях и будет работать в магазине своих родителей.

Джош оставался в моих мыслях на протяжении всех выходных. К утру понедельника я не только хотела пойти с ним на выпускной, но я хотела медовый месяц с ним в Испании. Джош был не только привлекательным, он был джентльменом. Такой парень всегда откроет для женщины дверь и будет вежлив со своей матерью. В прошлом году, когда я поддерживала футбольные игры, я видела, как он несколько раз катал свою маленькую сестренку на спине.

Боже, как это было мило! Джош никогда не бросил бы свою девушку на произвол судьбы на парковке. И даже его имя имело романтический оттенок. Можно было сколько угодно раз страстно шептать "Джош" и язык не устывал.

Я была в хорошем настроении по поводу такой возможности повести выпускной, что я даже не разозлилась, когда заметила, что один из моих плакатов был заклеен кучей наклеек "голосуйте-за-Рика". На них значилось одно и то же "Рик рулит". Очевидно, он брал количеством, а не качеством. Или его грамматические способности были более ограничены, чем я предполагала.

Это не имело значения. У меня было полно времени, чтобы сделать плакаты и мои будут уникальными.

Сложив вещи, я нашла подруг, которые стояли в нашем месте около кафетерия. Челси была занята своими обычными придирками к тому, как были одеты люди, но, просто чтобы сохранить себе хорошее настроение, я делала бодрые комментарии. После каждого ехидного замечания Челси, я говорила: — Но я уверена, она в любом случае хороший человек.

В итоге Челси повернулась ко мне и сказала:

— Саманта, прекрати.

— Прекратить что?

Она наклонила голову с покровительственным видом:

— Я осуждаю не характер людей, а только их способности следовать основным модным правилам.

— Я должна думать позитивно, — сказала я. — Или я забудусь и проиграю пари.

Рашель закатила глаза и фыркнула:

— Знаешь, на свете есть вещи и похуже, чем сходить на свидание с Дугом Кэмптоном.

— Например?

— Например, сводить нас с ума своей новой личностью а-ля маленькая мисс солнечный свет.

Обри кивнула:

— Если бы ты была повеселей, детский канал украл бы тебя и заставил вести слащавое детское шоу.

— Они бы не стали, — это показывало, что ты не можешь угодить всем. На прошлой неделе Логан настаивал, что я могла бы участвовать в олимпиаде по ехидству, а сейчас мои подружки обвиняли меня в том, что я могла бы вести собственное детское шоу.

Челси толкнула меня локтем.

— Вон идет Эми, она выглядит так, как будто она оделась, чтобы убивать, или по меньшей мере, убила семь гномов, чтобы собрать этот наряд. Давай, скажи все что ты о ней думаешь. Тебе станет лучше.

Я помотала головой:

— Я не собираюсь этого делать.

-Ну же, давай, — сказала Рашель. — Мы не скажем Логану. Ты можешь доверять нам.

— Ни за что, — сказала я. — Ты сказала, что я должна встретиться с Дугом. Ты очевидно не заботишься о моих интересах.

Челси хмыкнула:

— Ладно, если ты хочешь продолжать эту эскападу, хорошо. Просто не делай этого так явно когда ты с нами.

Как будто делать комплименты это какой-то изъясн характера.

Не смотря на то, что думали мои подруги, я должна была выиграть спор. Я не хотела признаться в том, что не смогу прожить двух недель, никого не обидев, ни себе, ни, конечно, Логану.

Смотреть, как он злорадствует по этому поводу будет хуже, чем пойти на свидание с Дугом.

Гораздо хуже.

Мои подруги не понимали ничего насчет Логана. Они привыкли к моим цепким комментариям насчет общественной жизни в старшей школе, как к части распорядка дня. Все вернется на круги своя, когда закончатся эти две недели. До этого я должна делать вид, что готовлюсь вести детскую передачу.

Я правда повторяла слова "комплименты, комплименты, комплименты" самой себе, когда шла по коридорам между занятиями. Я должна была это делать, потому что боялась, что Логан просил людей шпионить за мной, и я не была уверена, кто донесет ему о моих действиях.

Логан поймал меня, когда я шла на обед. Он шагал рядом со мной с улыбкой.

— Как проходит твой день?

— Отлично. Лучше не бывает, — я набрала скорость, но Логан держался рядом.

— Мистер Петерсон читал тебе лекцию о Фрейде на социологии?

— Да. Мистер Петерсон, как всегда, прекрасный лектор.

— Итак, ты думаешь, у женщин на самом деле есть тайное желание быть мужчинами?

Только в сумасшедшем извращенном мире Фрейда.

— Вероятно, нет, — сказала я.

— Тогда, как ты думаешь, почему Фрейд разработал эту теорию?

Я уже видела кафетерий. Он был всего в нескольких шагах. Однако, я не могла не ответить на вопрос Логана.

— Фрейд очевидно слишком много проводил время с мужчинами.

— Это оскорбление?

— Только если ты считаешь, что слово "мужчина" оскорбительно.

Он подозрительно смотрел на меня, но я уже достигла столика, где сидели подруги, и отодвинула для себя стул. Я помахала Логану с улыбкой и сказала: — Приятного аппетита!

Он прошел мимо стола, трясая головой.

— Приятного аппетита? — спросила Рашель. она закатила глаза. Я взяла свой сэндвич из пакета и посмотрела на неё. — Ты могла бы по меньшей мере попытаться поддержать меня. Быть милой не так просто, как кажется, знаешь ли.

Мы ели в тишине в течение нескольких минут и, возможно, это продолжалось бы бесконечно, если бы перед нашим столом не остановился Рик. Он не спеша подошел к нам. На нем была надета футболка с надписью "АНАРХИЯ". Он доброжелательно улыбался.

— Привет, девочки.

— Привет, Рик, — сказала я, потому что знала, что он на самом деле разговаривает со мной.

Он повел рукой по своим торчащим предположительно-покращенным-в-блонд-новыглядящим-как-ярко-желтым волосам.

— Я устраивают пред-победную вечеринку у себя дома в пятницу. Конечно, вы приглашены, потому что я играю честно.

В моем мозге возникла тысяча ответов для Рика, но я не произнесла ни одного из них. Исходя из того, что я знала, это подстроил Логан.

— Спасибо, Рик, но я не уверена, что мы соберемся.

— Очень жаль, — сказал Рик. — Там будет много твоих друзей.

Челси покачала головой:

— Прекрати быть таким болваном и проваливай.

Рик приложил руку к груди, как будто его это задело.

— Эй, не поймите меня неправильно. Если бы я мог выбирать оппонентов, я бы выбрал тебя, Саманта. На самом деле у меня есть хороший девиз для тебя, — он сделал движение рукой, как будто писал каждое слово на невидимом плакате. "Саманта Тейлор. Она придумала слово кандидат"^[2].

— Спасибо за помощь, — сухо сказала я. — Но почему бы тебе не заняться своей собственной кампанией. И может быть ты мог бы придумать слоган без участия слова "рулит".

— Нет, я очень рад помочь тебе, — сказал он. — Потому что, я думаю, чирлидеры должны пользоваться любой помощью, которую они могут получить.

Я улыбнулась ему:

— Как насчет "Рик..." — я почти добавила "добавил 'боль' в слово 'большинство' ", но осеклась как раз вовремя. Я уставилась на него, ища что-то, что имело бы смысл, но не было оскорбительным. Я не смогла ничего придумать.

Рик ждал, что я закончу предложение, но когда я этого не сделала, он сказал:

— Как насчет Рик. Это сильно, Саманта. Ты должна заниматься рекламой.

Он рассмеялся собственной шутке и удалился.

Челси покачала головой:

— Ты должна была послать его.

Обри потянулась и хлопала меня по руке.

— Я скажу за тебя. Как насчет: Рик — абсолютный, величайший, жалкий придурок.

— Это было неплохо, — сказала Рашель. — Но не хватает фирменного хмыканья Саманты.

Я взяла картофельный чипс из коробки с обедом и злобно вгрызлась в него.

— Все, что я хочу сказать по теме — мне будет приятно победить Рика. Хмыканье будет чуть позже.

Во время занятия по английскому я думала о речи, которую скажу на собрании учеников перед выборами. Я сделаю акцент на том, что нудно выбрать кого-то ответственного. Я подчеркну, что школьные события — это не вечеринки, и школьному обществу нужен кто-то без камней в голове, чтобы быть за них ответственным.

Но эта речь звучала не только глупо, я боялась, что она сработает против меня. Если я буду говорить об ответственности, люди начнут думать про Эми, разве нет? Она была таким учеником, к которых домашняя работа аккуратно сложена в папку и они никогда никуда не опаздывали.

Я должна была подчеркнуть то, что у меня хорошо получалось, например создавать дух единства и... гм... способность представить школу в хорошем свете. Я имею в виду, школьному сообществу должно быть стыдно избрать кого-то, кто засовывает булавки себе уши.

Я думала об этом довольно долгое время, но не смогла изобрести способ вставить это в речь так, чтобы это хорошо звучало. Вы же не можете просто сказать: — Если меня выберут, обещаю усердно работать, сплачивать коллектив и не засовывать швейные принадлежности в части своего тела.

Поэтому я какое-то время просто думала обо всем, что скажу Рiku после того, как он проиграет выборы. В моем воображении я была надменной и отчужденной. Единственной

проблемой было то, что чего бы я ни говорила Рикю, его ответ всегда был одним и тем же. Он пожимал плечами и отвечал: — Мне плевать, что я проиграл. Я всегда относился к этому как к большой шутке.

И это подводило черту под ситуацией с Риком. Все знали, что ему плевать, и я не должна тратить свое время, беспокоясь из-за него. Велики были шансы на то, что он устанет от этой шарады и выйдет из гонки, или его временно исключат из школы, или, наконец, выступит с очень глупой речью, в которой пообещает продавать виски в кафетерии и спалить учителей.

Рик не был моей проблемой. Эми была. Она была единственным реальным конкурентом в гонке, и мы обе это знали. Я не могла позволить себе снова об этом забыть.

После английского я направилась на следующее занятие. Я только зашла на лестницу, как Дуг появился рядом со мной. Он сжимал стопку книг в одной руке и одновременно размахивал руками так, что это заставило меня поверить, что все учебники в любой момент улетят в воздух.

— Привет, — сказал он мне. — Что такая девочка, как ты, делает в таком месте, как это?

— В данный момент, биологию, — я не замедлила шаг.

— Ах-х-х, биологию. У меня она была первым уроком, — он кивнул со знающим выражением лица. — Ничто так не заряжает оптимизмом на весь день, как изучение брачных повадок канадских оленей.

И потом, прямо там, в холле, Дуг испустил душераздирающий звук, что-то среднее между йодлем (манера пения у тирольских горцев) и гориллой, которую душат.

Все в окрестности уставились на нас. Я пошла быстрее прижимая книги к груди, как будто Дуг перешел границу сумасшествия и в любой момент набросится на меня или залезет на шкафчики с намерением полетать.

Он улыбнулся, безразличный к вниманию окружающих:

— Это был брачный крик канадского оленя.

Ох. Как романтично. И какой реакции он от меня ожидал? Что я заору в ответ или пристрелю его?

Я продолжала быстро шагать.

— Какой у тебя сейчас урок? И разве ты не должен сейчас направляться туда, вместо того, чтобы пытаться привлечь самок оленей?

— Математика.

Бам. Это было в том же направлении, что биология. Это значило, что мне предстояло еще несколько минут беседовать с Дугом. В это время он мог устроить еще несколько представлений.

Время, за которое он мог спросить меня о чем угодно.

Знал ли он, что у меня не было пары на выпускной?

Думай. Думай. Думай. Мне нужно было что-нибудь сказать, что-нибудь, что не позволит ему увести беседу в ненужном направлении.

— Математика, — сказала я. — Математика хороший урок. Её никогда не бывает много.

Он хрюкнул:

— Бывает, — и он уставился мне в глаза. — Вместо этого я бы лучше сделал миллион других вещей.

Ой, это утверждение могло привести куда угодно, например к тому, что мы будем стоять вместе перед фотографом на выпускном.

— Ну, конечно математика — не самая веселая вещь. Если говорить начистоту, мой любимый урок — английский. Миссис Мортенсон такой хороший учитель. Я имею в виду, она так много знает о предмете, структуре произведения, символизме... кто бы мог подумать, что книги могут быть такими захватывающими?

Пока тема касалась школы, я была в безопасности, и я приготовилась говорить об уроках безостановочно, даже не дыша, если необходимо, в течение остатка пути в класс.

— Я думал, ты видишь достаточно книг на работе.

— На работе? — он знал о моей работе? Что он еще знал обо мне?

— Логан сказал, ты работаешь с ним в Книжном?

— Правильно.

Логан рассказывал ему обо мне. Как мило. Нужно поблагодарить Логана в следующий раз, когда его увижу.

Дуг обвел шкафчики ничего не выражающим взглядом.

— Должно быть, это скучная работа. Вроде как работать в библиотеке. Ты должна все время молчать, — его взгляд вернулся ко мне. — Могу поспорить, что когда твоя смена заканчивается, ты умеешь отрываться и веселиться.

И снова мы отдалялись от школьных тем и приближались к местам, где нужен был корсажный букет.

— Большую часть времени мне нравится моя работа. Бывают проблемы, но они есть в любой работе. И конечно, работать с Логаном — это самое большое... — я остановилась, прежде чем сказать "недоразумение". Я не могла позволить ни одному оскорблению выползти из моего рта и доползти до Логана.

Вместо этого, я улыбнулась, как будто я пыталась найти правильное существительное и сказала — удовольствие.

Дуг склонил голову набок:

— Работать с Логаном это удовольствие?

Никто так не умеет складывать и расставлять книги как он. Это лучший из его талантов, — с той же улыбкой на лице, я добавила. — Ты должен попросить его как-нибудь разобрать в твоём шкафчике. Правда. Он с удовольствием сделает это.

Дуг поднял бровь, но прежде чем он мог прокомментировать способности Логана к упорядочиванию, или что-либо еще, я увидела шанс на побег. Ванная комната для девочек была слева от меня.

Я резко повернула в этом направлении, помахала Дугу и сказала:

— Увидимся позже.

Оказавшись в ванной, я прислонилась к стене и уставилась в зеркало. Я не хотел больше беспокоиться о таких вещах. Я не хотела бегать по коридорам от Дуга. Мне нужна была пара на выпускной. И быстро.

Я не могла думать больше ни о чем до конца дня, поэтому, когда занятия закончились, я направилась вниз по лестнице и почти подумала, что у меня галлюцинации.

Там, стоя на школьной лестнице, стоял Джош и выглядел так, как будто только что вышел из мечтаний любой девочки-подростка.

Я почти споткнулась при виде его. Я остановила себя от падения — и это было хорошо, потому что, я думаю, самый худший способ произвести впечатление на парня — это пролететь по лестничному пролету, размахивая руками и раскидывая книги по всем направлениям.

Джош вполборота разговаривал с кем-то, поэтому он не видел, как я замешкалась. Еще одна хорошая вещь. У меня было несколько секунд, чтобы собраться, прежде чем я подойду к нему.

И я собиралась подойти к нему. Я собиралась подойти и сказать что-нибудь очаровательное и остроумное. Я не была уверена что, но у меня была дюжина ступенек, чтобы придумать.

Одна.

Две.

Три.

Четыре.

Ладно, я не могу придумать ничего очаровательного и остроумного, но я все равно подойду, поздороваюсь и поприветствую его в Пуллмане.

Теперь я увидела, с кем разговаривает Джош — с Логаном. Я хотела остановиться.

Вместо этого, я сказала:

— Привет, Джош! Что привело тебя обратно в школу?

Он взглянул наверх и послал мне улыбку, от которой я почти слетела вниз по лестнице.

— Я встречаю Элис, чтобы отвезти её в наш магазин. Она поможет мне сделать инвентаризацию.

Отлично, если я останусь поболтать с Джошем, мне нужно будет терпеть не только Логана, но и Элис.

Однако я улыбнулась Джошу и осталась. Настолько он был хорош.

Логан проигнорировал меня и продолжил беседу с Джошем:

— Итак, кого еще из Пуллмана ты видел в колледже?

— У нас с Бобом вместе химия, и я не пережил бы её без его помощи. Он отлично сдал все экзамены. Он был одним из немногих первокурсников, у которых на самом деле было время для общения.

Я немного ближе склонилась к Джошу:

— Почему-то я не могу представить себе, что ты каждый вечер сидел дома.

— Нет, конечно нет, — сказал он. — Я проводил все вечера в библиотеке.

Я рассмеялась и Логан поднял на меня бровь. Ему было интересно, почему я была здесь, и я хотела, чтобы он ушел. Я хотела, чтобы он растворился, и Джош нежно на меня посмотрел и сказал, что он был дураком в прошлом году, и подхватил меня в объятия. Мы оба продолжали стоять. Я не обращала внимания на Логана и наблюдала, как говорит Джош, наблюдала, как его голубые глаза отражают солнечный свет, как будто они были двумя кусочками неба.

Мы не только проведем медовый месяц в Испании, мы купим там маленькую виллу и вечерами будем слушать музыку кастаньет и танцевать под звездами.

Логан сказал:

— Но ты всегда ненавидела уроки биологии, разве нет, Саманта?

Я не представляла, о чем они разговаривали, и я отчаянно пыталась придумать ответ, который бы это не показал.

— Есть уроки, которые мне нравятся больше.

Логан щелкнул пальцами.

— Помнишь то стихотворение, которое ты сочинила про мистера Джонса? Что-то насчет недостающего звена?

На самом деле в стихшке говорилось, что у мистера Джонса нет ни одного звена, но я не поправила Логана:

— Это было так давно. Я на самом деле не помню, — потом я добавила с улыбкой — Мистер Джонс действительно хороший учитель и приятный человек.

Джош кивнул:

— Иногда, чем они строже, тем больше ты узнаешь.

— Ага, — глаза Логана сузились. — А что насчет партнера по лабораторным, с которым ты застряла на весь прошлый семестр? Помнишь, как он поджег твой учебник? Как ты всегда его называла на работе?

— Адам, — сказала я. — Его звали Адам.

— Ага, — снова сказал Логан.

Я улыбнулась Джошу.

— Так ты рад вернуться домой?

Он перевел свои небесно-голубые глаза на меня:

— Конечно, и становлюсь все более и более рад.

Он флиртовал со мной или просто рад, что не нужно ходить на уроки биологии? Я еще блуде наклонилась к нему.

— Может быть сейчас ты сможешь восполнить пробелы в твоей общественной жизни.

Он рассмеялся:

— Скорее, мой отец наконец-то закончит обустройство заднего двора, которое он начал в прошлом сентябре.

Джош не понял мой намек или решил игнорировать его?

Логан, однако, понял. Он посмотрел на меня, потом закатил глаза, как будто он не мог поверить, что я заигрываю с Джошем прямо на школьной лестнице.

Джош не заметил обмен взглядами между мной и Логаном. Он поднял руку и помахал кому-то на лестнице, потом позвал:

— Элис, иди сюда.

Не только Элис, но и Кессиди подошли туда, где мы стояли. И Кессиди метнула мне острый взгляд.

Кессиди, лицо которой всегда принимало святое выражение доброты, выглядела так, словно она хотела сжечь мою виллу в Испании.

Итак, она не забыла Джоша, несмотря на то, что она утверждала обратное.

Элис остановилась перед Джошем:

— Что ты здесь делаешь? — и потом добавила, — Ох, да. Я забыла что ты приедешь забрать меня.

Элис не сдала бы экзамен по актерскому мастерству. Она даже не смогла притвориться удивленной. Она очевидно не сказала Кессиди, что Джош заедет после школы, и она симулировала забывчивость в качестве извинения, что поставила подругу в неловкое положение. Она улыбнулась Кессиди и добавила: — Хочешь, мы подбросим тебя до дома? Будет как в старые добрые времена.

Кессиди прижала свои книги крепче к груди.

— Нет, все нормально. Вам не по дороге.

— Мне не трудно, — сказал Джош.

— Нет, правда, — сказала Кессиди. — Увидимся завтра.

Потом она пошла вниз по ступенькам.

Джош смотрел ей вслед, а я смотрела, как Джош смотрел ей вслед. Логан должно быть смотрел, как я смотрела, как Джош смотрит ей вслед, потому что когда я повернулась обратно к компании, Логан снова закатил глаза.

Джош засунул руку в карман и вытащил ключи от машины:

— Ну, я думаю, лучше не заставлять папу ждать.

Элис просто вздохнула.

— Ладно, поехали.

Когда они шли вниз по ступенькам, Джош посмотрел через плечо и сказал:

— Было здорово снова увидеться, — но он смотрел на меня, когда говорил, и улыбался. Это был хороший знак, не правда ли?

Я стояла на лестнице, не желая следовать за ним, это было бы неловко, потому что он только что со мной попрощался, но у меня не было больше причин оставаться на ступеньках.

Логан сложил руки и медленно покачал головой:

— Так скажи мне, ты флиртуешь с каждым парнем, которого видишь? Или это мания, с которой ты ничего не можешь поделать?

— Я не флиртую с тобой.

— Значит, ты говоришь, что думаешь об этом заранее. Ты плетешь свою паутину, как паук, ожидающий жертву.

Я прикусила губу, прежде чем сказал ему, к какому виду в царстве животных он принадлежит. Compliments... compliments... один быстрый толчок и он полетит по лестнице...

Я призвала свой самоконтроль.

— Почему я не могу оскорбить тебя, а ты без зазрения совести оскорбляешь меня?

— Ну, я думаю, это потому что мы не спорили на то, что я не смогу прожить две недели, никого не обидев, — он улыбнулся, показывая ряд белоснежных зубов. — У тебя еще десять дней. — он сам пошел вниз по лестнице. — Знаешь, это будут забавные десять дней.

На следующий день в школе я постоянно думала о Джоше.

Я особенно думала о нем между занятиями, когда бегала от Дуга по коридорам.

Я бы предпочла наталкиваться на Джоша то тут, то там в городе, и ждать, что между нами что-то произойдет. Так развиваются идеальные романы, но выпускной был близко. Мне нужно было проявить инициативу.

Только я не была уверена в том, как её проявить. Написать ему чтобы поболтать, и увидеть как он ответит? Сразу пригласить его? Может быть зайти в канцелярский магазин и невозмутимо купить тысячу стикеров, пока я вырабатываю смелость? Что говорят парню, который отверг тебя год назад?

Уверенный способ:

— Так что, ты стал умнее насчет женщин, чем в прошлом году?

Остроумный способ:

— Я вижу, ты сильно изменился. Твой вкус в девушках тоже изменился?

Или может быть, я могла воспользоваться только отчаянным способом:

— Пожалуйста, скажи мне, что я больше не второй сорт.

Когда прозвенел последний звонок, я пошла за потоком учеников в дверь, все еще обдумывая это. Я не добралась до парковки. Рашель и Обри перехватили меня на половине лестницы.

— Вот ты где, — сказала Обри.

— Нам нужно поговорить, — Рашель посмотрела вокруг, как будто пыталась найти место получше. — Давай зайдем обратно.

— Что такое?

Никто из них не отвечал до тех пор, пока мы не зашли обратно по лестнице и не оказались рядом со спортзалом, подальше от главного потока людей. Потом Рашель развернула кусок желтой бумаги и показала мне.

— Кто-то положил листовки на лобовые стекла машин.

Большими буквами были написано:

"Голосуете за Саманту Тейлор? Она получила 810 на АОТ. Будьте умнее и проголосуйте за другого."

Как только я прочитала это, мой желудок подпрыгнула и схватил меня за горло. Я не знала, что сказать. Я просто стояла, сжав листовку и повторила "О нет" около семнадцати раз.

Прежде, чем я дошла до восемнадцати, Рашель сказала:

— Кому ты рассказала об оценках АОТ?

Вычислить преступника было несложно:

— Кессиди Вудрафф, — Рашель уперлась руками в бока и склонила голову. — И почему ты была настолько глупа, что сделала это?

— Я доверяла ей. Я думала, я смогу убедить её перейти на нашу сторону.

— Как? Позволив ей узнать, что ты идиотка?

Я смяла листовку, пытаюсь стереть слова с бумаги.

— Могла бы не напоминать.

Я шагнула к корзине для мусора и сунула бумагу внутрь. В это время Рашель взяла меня за руку и попыталась остановить.

— Эй, стой, нам нужны улики.

Было слишком поздно. Я уже положила листовку в мусор и не собиралась засовывать туда

руку, чтобы достать её.

— Не волнуйся, — хмуро сказала Обри. — Снаружи их тонны.

Я застонала. Желудок не только схватил меня за горло, но теперь пытался залезть выше. Обри и Рашель отправились на улицу и я пошла за ними. Мне провели следующие несколько минут, собирая листовки с машин, которые все еще были на парковке. Однако таких было немного. Большинство учеников не задерживались надолго после того, как звенел звонок.

Срывать листовки с лобовых стекол — это действительно постыдный опыт. Каждый раз, когда я видела на них свое имя, я чувствовала удар ножом в то место, где раньше был желудок.

Сколько учеников видели послание? И что они сейчас обо мне думают? Меня запомнят как лидера или только как тупого чирлидера? Я желала, чтобы я никогда не баллотировалась на президента. Я хотела, чтобы в следующий раз Кессиди кому-то невинно улыбнется, её лицо разорвалось пополам.

Закончив с машинами, мы осмотрели оставшуюся парковку. Смятые листовки лежали по всей площади. Я предполагала, что большинство людей просто сняли их со стекол и оставили на земле, что, в каком-то смысле, было для меня хорошим знаком. По меньшей мере это значило, что никто не забрал их домой и не поместил в памятный альбом. Может быть, некоторые их даже не читали. Может быть, это будет совсем не большой проблемой.

Я вцепилась в стопку листовок. Кого я хочу обмануть? Это война, и со мной сейчас разобрались самым безнравственным способом. Но я не собиралась признавать, что сражение закончено. О нет. Я только начала сражаться. Я сожалела о том, что у меня была только одна жизнь, чтобы отдать её делу, и как там еще говорят... что-то насчет торпед. В любом случае, если Эми хотела драки, она её получит.

После того, как мы собрали все листовки, мы уселись на травянистом холмике рядом с парковкой, чтобы спланировать контратаку.

— Я говорю, что нам нужно отнести эти листовки в администрацию и пусть Эми исключат из гонки, — сказала я.

Обри покачала головой.

— Они ничего не сделают. Мы не сможем доказать, что это была она.

— Они могут сравнить почерк.

Рашель хмыкнула.

— Это не почерк Эми. Она не настолько глупа, чтобы самой писать их, — она подняла одну из листовок, чтобы осмотреть. — Кроме того, это мужской почерк.

Теперь и я изучала бумаги. Это действительно было похоже на мужской почерк. Слова не текли, они просто застряли в высоких, неровных строчках, как будто тот, кто писал их, торопился. Мужской почерк всегда так выглядит.

Поэтому у Эми должно быть был друг, или брат, или поделец из её второй преступной жизни, который написал это за неё. Кто-то, кого невозможно найти. Однако я изучала каждую букву на листовке, надеясь, что узнаю почерк, когда увижу его снова.

По большей части, это мог быть чей угодно почерк, но буквы "е" были особенными. Их петельки были тонкие, как игольное ушко, как будто они были неряшливыми i. Я снова буду искать это "е", возможно, до конца своей жизни. Когда-нибудь в доме престарелых мужчина, сидящий рядом со мной напишет такие "е". Тогда я протяну руку и ударю его своей тростью.

Рашель кивнула в сторону школы.

— Я говорю, давайте сорвем плакаты Эми.

Я на секундочку подумала об этом, но только на секундочку. Эти речи о честности и о том, как я не хотела проводить грубую кампанию, казались очень далекими, их слова были

призрачными. Гораздо более призрачными, чем слова передо мной.

— Да, — мягко сказала я. — Это поднимет мне настроение.

Мы оставили парковку и пошли обратно к школе. Несколько людей все еще спускались по ступенькам. Сколько еще учеников, и, что более важно, сколько учителей оставалось внутри?

Если бы мой желудок уже не ушел в самоволку, он бы сбежал сейчас. Я хотела, чтобы с нами была Челси. Она ничего не боялась, и я могла бы занять у неё немного смелости.

Но она ходила домой пешком каждый день и, должно быть, не видела листовок. Я завидовала её неосведомленности.

Я прошептала остальным:

— Мы просто забираем вещи из шкафчиков. Ведите себя обычно.

— Ты думаешь? — спросила Рашель. — Я планировала подозрительно метаться туда-сюда по коридору.

Я пошла быстрее. Мне не нужен был её сарказм. Я хотела сказать ей, чтобы она всё забыла. Я позабочусь о плакатах сама. Но правда заключалась в том, что мне нужна была помощь подруг. Я не могла рисковать тем, что меня поймают, когда я сама срываю плакаты.

Мы зашли в коридор, в котором два плаката Эми висели на стенах.

Я сказала:

— Я посторожу, если кто-то придет, я начну кашлять.

Обри посмотрела поверх моего плеча:

— Что, если кто-нибудь зайдет с другого конца коридора?

— Никто не зайдет, — сказала Рашель и потащила Обри к плакатам. Я догадывалась, что Рашель просто скорее хотела покончить с этим. Может быть, она хотела этого так сильно, что она не будет осторожна. В конце концов, не её президентство стояло на кону. Я надеялась, что она по меньшей мере посмотрит вокруг, прежде, чем начнет срывать плакаты.

Я взглянула на них, когда они подходили к плакату, потом повернулась в другую сторону. Я была бы плохим сторожем, если бы не обращала ни на что вокруг внимания.

Коридор передо мной был тихим и пустым, но что если кто-нибудь придет? Услышат ли Рашель и Обри мой кашель? Может быть, я притворюсь, что у меня сердечный приступ, и это вызовет переполох, в котором никто не заметит, что Рашель и Обри суют большие куски плаката в контейнер для мусора.

Я изучала коридор перед собой примерно с минуту и прислушивалась к тихому коридору сзади себя. Когда они закончат? Казалось, что они уже должны, но я не хотела оборачиваться, чтобы не пропустить чье-нибудь приближение.

Я ждала.

И ждала.

Когда я была готова повернуться и поверить, как дела у подруг, парень из класса испанского вышел из-за угла и пошел по коридору.

Я не очень много знала о Бентли Робертсе, кроме того факта, что он хорошо говорил по-испански и всех этим раздражал. Он провел прошлое лето в Южной Америке, по студенческой программе обмена, и сейчас считал себя экспертом во всех вещах, касающихся испанского. Он время от времени поправлял наши ударения на уроке, и говорил, что наши "д" недостаточно мягкие. Я избегала его, когда могла. И сейчас он шел прямо ко мне.

Я кашлянула, потом снова кашлянула. Я ничего не слышала сзади, поэтому я закашлялась громче, стуча себя в грудь для эффекта.

Бентли остановился, дойдя до меня.

— С тобой все хорошо?

— Да, — я снова закашлялась, — У меня просто — я кашлянула еще несколько раз —

аллергия.

Он нахмурил брови, как будто ожидал, что я в любой момент упаду.

— С тобой все будет в порядке?

Будет, если Рашель и Обри внезапно появятся. Чего они ждут? Скорую помощь?

— Конечно, — кхе-кхе. — Это начинается и проходит.

Я постучала по своей груди, чтобы кашель прошел.

Бентли кивнул, но не пошел дальше. Он все еще выглядел обеспокоенно.

— На что у тебя аллергия?

— Гм, — это был ответ, который я должна была знать. Я несколько секунд искала в памяти что-нибудь, на что у людей может быть аллергия. — Пыльца, — сказала я, и потом, потому что он, казалось, начал искать в коридоре цветущий куст, добавила — Иногда у меня приступы ни с того ни с сего.

— Ох.

Я пыталась придумать еще что-нибудь, чтобы задержать его.

— У тебя есть аллергия?

— Нет, но если я выпью молоко, то у меня несварение желудка.

— Ох. Жаль это слышать, — я не могла придумать абсолютно больше ничего, что можно было бы на это ответить, поэтому я просто стояла и пялилась на него. Когда он собирался пройти мимо меня, я выплюнула: — Это должно быть тяжело. Я имею в виду, как ты ешь готовые завтраки о утрам?

— Я обычно не ем. Я обычно ем тост.

Я кивнула, как будто нашла это удивительным фактом:

— Думаю, мне повезло, потому что пыльца не является пищей.

— Есть безмолочное молоко, которое можно добавить в хлопья, но оно хуже на вкус.

— Ох, — это все, куда я смогла завести беседу.

— Ну, надеюсь, тебе лучше, — сказал он и прошел мимо меня.

Я повернулась и посмотрела вдоль коридора. За исключением Бентли он был пуст.

Их даже здесь не было? Я обсуждала расстройство желудка с Бентли ради ничего? Я смотрела на коридор и думала, что делать дальше.

Мог ли кто-то, кто пришел с другой стороны коридора, поймать моих подруг? Возможно прямо сейчас секретарь жевал их в кабинете.

Я прошла по коридору и заглянула в следующий. Он тоже был пуст. Я нервно топала ногой, осматривая ряды шкафчиков.

Проходили секунды, минуты и тысячелетия. Я пошла обратно в первый коридор. И там я нашла Рашель и Обри. Они с естественным видом подошли ко мне, как будто слоняться по школьным коридорам после занятий было обычным делом.

Когда они подошли ближе, я прошептала:

— Где вы были?

— Снимали плакаты, — прошептала Рашель. — Мы закончили с этим коридором и подумали, что будет быстрее перейти в следующий, не возвращаясь за тобой.

Я не понимала, что меня трясет, но внезапно я это почувствовала и обхватила себя руками.

— Спасибо большое. Я здесь выкашливала свои легкие.

— Ну, ты можешь быть счастлива. Все сделано, и нас не поймали.

— Пока что, — сказала Обри.

Рашель и я обе поняли намек. Мы быстро направились к передним дверям.

Я не могла легко дышать до тех пор, пока мы не дошли до парковки. И там я сделала несколько глубоких вдохов. Это было сделано. Отмщение не казалось равноценным тому, как

Эми запятнала моё имя, но, по меньшей мере, она теперь дважды подумает, прежде чем грязно вести борьбу.

Обри вытащила ключи от машины из рюкзака.

— Теперь мы можем пойти домой и расслабиться.

— Ага, — сказала я и внезапно поняла, что я не могла. Я должна была быть на работе в 3:45.

Я посмотрела на часы. Они показывали 3:42. У меня не только не было времени зайти к Джошу в магазин, у меня не было времени заехать домой и что-нибудь съесть. Обычно я ела сендвич или что-нибудь наподобие, потому что я работала в обеденные часы.

Сегодня мне придется удовлетвориться автоматом с конфетами у стойки. После напряженного дня это было как раз то, что нужно моему желудку — обед, состоящий из брелков и жвачки.

Я попрощалась с подругами, бросила рюкзак в машину, и уехала с парковки так, как будто я была Бредом и полдюжины кошек бегало по моему переднему сиденью.

Когда я зашла в книжный магазин, я увидела Логана, стоящего рядом с тележкой. Он всегда ездил в школу на машине, и это значило, что он был одним из счастливых получателей листовки с моими оценками АОТ. Он скорее всего лучился радостью и будет злорадствовать по этому поводу всю смену.

Мне нужно было пойти домой и притвориться больной.

Я скользнула к гардеробу и вытащила жилет. Логан неторопливо подошел ко мне, когда я надевала его.

— Привет, Саманта.

— Просто заткнись, — сказала я ему.

— Что? — он с удивлением поднял брови — Что я сказал?

Я застегнула пуговицы на жилете, желая, чтобы мои пальцы перестали трястись.

— Это не из-за того, что ты сказал, а из-за того, что ты собираешься сказать.

— Откуда ты знаешь, что я собираюсь сказать? Ты теперь экстрасенс?

— Нет. Я очевидно не экстрасенс. Экстрасенс бы справился лучше, скажем... с АОТ.

— Ох, — он кивнул с беспечным видом. — Так в записке была правда?

— У меня был плохой день, когда я писала тест, — солгала я. — У меня болела голова и я не могла думать.

Логан пожал плечами:

— У тебя лучше получится, когда ты его перепишешь.

— Да, конечно.

Я ждала, что он скажет что-нибудь еще, какую-нибудь насмешку или остроту, какой-нибудь комментарий по поводу моих умственных способностей. Но он этого не сделал. Он просто отошел обратно к тележке с книгами. Я еще немного подождала.

Почему он был со мной милым именно сейчас — когда у него действительно появилось что-то, что можно использовать против меня? Я решила не жить в неопределенности.

Я подошла к тележке и взяла несколько книг.

— Ты не собираешься сказать несколько шуток о тупых блондинках?

Он с улыбкой взглянул на меня:

— Неа, я подумал, что ты их все уже слышала.

Это было больше похоже на Логана, которого я знала.

— Полагаю, ты отлично сдал тест, — сказала я.

— Даже если и нет, я достаточно умен, чтобы не рассказывать об этом всем подряд.

Я засунула еще одну книгу под мышку:

— Я не рассказывала всем подряд. Я просто сказала Кессиди Вудрафф. Я не думала, что она такая мстительная, — я помедлила некоторое время и добавила. — Ты же заметил, что я не рассказала тебе.

Он перегнулся через тележку в моем направлении и снова улыбнулся:

— Это было оскорбление?

— Нет. Это было завуалированное предположение. Не моя вина, что ты достаточно умен, чтобы его понять.

Я думала, он будет спорить с этим утверждением, но. вместо этого, он выпрямился и отсутствующе постукивал книгой по тележке:

— Кессиди Вудрафф. Она будет рассовывать листовки на лобовые стекла?

— Она проводит кампанию для Эми.

— Она не похожа на человека, который будет распускать грязные сплетни.

— Твое знание женщин опять тебя подвело.

Он продолжал постукивать книгой, как будто не слышал меня.

— Кессиди бы не стала этого делать. Она могла случайно проболтаться кому-то, кто мог бы это сделать. Но она бы не стала делать этого специально.

Типичный Логан. Он абсолютно ничего не знал о ситуации, но стоял и защищал Кессиди.

Я взяла еще несколько книг.

— Я скажу тебе все, что думаю о Кессиди, когда закончится спор.

— Ты правда думаешь, что она замешана? Ну же, Саманта, ты когда-нибудь слышал, чтобы Кессиди сказала грубую вещь? Держу пари, у неё нет ни одного врага в целой школе.

Я ничего не сказала.

— Она всегда помогает людям с домашним заданием и все такое.

Я не знала, пытался ли он добиться, чтобы я сказала гадость, или он просто был увлечен Кессиди. Я великодушно улыбнулась ему:

— Давай, пригласи её на свидание. Вы будете отличной парой.

— Неа, я думаю, она близка с Джошем Бенсоном, — Логан подобрал остатки книг. — Я подожду Веронику. Помимо всего прочего, ты не сможешь прожить еще девять дней, не сказав ни одной гадости.

Я могла бы внести ясность по поводу Кессиди и Джоша. Он все равно выяснит, что они расстались, и, возможно, откажется от действий, вынуждающих меня кого-нибудь обидеть, если узнает, что Кессиди свободна.

Но я ему не сказала. Почему-то я не захотела. Я не хотела увидеть, как его лицо засветится от перспективы свидания с ней. Я не хотела выслушивать новости о Кессиди, когда мы с Логаном будем вынуждены вместе работать. Я не хотела давать ему еще один способ раздражать меня.

Вместо этого, я сказала:

— Ты не только отведешь меня в ресторан Хиллтоп, я заставлю тебя открывать для меня двери и подвигать стул.

Он рассмеялся и ушел. Даже это раздражало.

В течение нескольких часов Логан и я не разговаривали. Если я не помогала покупателям, то это делал он. Когда наконец-то всё замедлилось, я подошла к стойке с конфетами, чтобы посмотреть что из того, что там можно купить, могло заменить настоящую еду.

Когда я выбирала между Milky Way и Corn Nuts, вошел Дуг. Я выбрала Milky Way и понадеялась, что он просто пройдет мимо меня, но он подошел и стал рядом. Когда я повернулась к кассе, то практически наткнулась на него.

Он посмотрел на конфету у меня в руке:

— Привет, Саманта. Ты знаешь, что шоколад — это афродизиак?

— Должно быть, поэтому я люблю свою работу.

Вместо того, чтобы куда-нибудь уйти, Дуг стоял рядом со мной, когда я платила за Milky Way.

— Да, готов поспорить, здесь скучища, но тебе идет жилет.

— Ох... спасибо, — я взяла чек и сунула его вместе с конфетой в карман жилета. Сейчас я хотела только разорвать обертку шоколадки и проглотить его за два укуса. Но, казалось, что это грубо пока Дуг стоит и смотрит на меня.

Я пошла обратно к книгам. Дуг шел рядом со мной.

— Ты ищешь что-нибудь определенное? — спросила я, помня, что должна обращаться с ним как с покупателем.

— Нет, я просто пришел посмотреть, — он быстро оглядел магазин. — Эй, у вас есть выпуск журнала "Горячие Штучки" с купальниками?

Я взглянула ему в лицо, чтобы понять, серьезен ли он, но не смогла определить. Он глупо ухмылялся, и это могло значить что угодно.

— Я не знаю, — сказала я. — Я не очень обращаю внимание на журнал "Горячие Штучки".

Его ухмылка стала шире.

— Ну, ты здесь работаешь. Разве ты не должна знать такие вещи?

Я выдавила улыбку и пыталась говорить терпеливо:

— Ты — парень, который украшает комнату плакатами, на которых едва одетые женщины обвиваются вокруг спортивных машин?

— Неа, — сказал он. — Я не фанат спортивных машин.

Пока мы шли, он взял роман о Джеймсе Бонде с полки и показал мне обложку. На ней была изображена женщина в шортах, которые были бы малы даже Дюймовочке.

— Она бы хорошо смотрелась на спортивной машине.

Я оглянулась в поисках другого покупателя, любого покупателя, которому нужна была бы помощь.

К несчастью, все, кто проходил мимо, казались полностью довольными. Логан, должно быть, заметил мой яростный взгляд и неторопливо подошел к нам с широкой улыбкой.

— Привет, Дуг, — счастливо сказал Логан. — Что привело тебя в литературный мир?

— Я шел мимо и решил зайти поздороваться.

— Он спрашивал, есть ли уже у нас номер журнала "Горячие Штучки" с купальниками.

Логан поднял бровь, а Дуг только улыбался.

— Хочу купить, прежде, чем его распродадут. Кстати, когда у вас будет календарь "Горячие Штучки" на следующий год? Я пытался купить его в прошлом декабре, но они уже закончились. И чувак, если бы ты увидел, в какой позе стояла Мисс Январь, ты бы понял, почему я его хочу.

Логан сказал:

— Дуг... — и я подумала, что Логан собирается прокомментировать выбор Дуга насчет месяцев, или по меньшей мере его неумение флиртовать с девушками, но предложение пропало, а его улыбка снова появилась.

— Тебе нравится делать все заранее, — сказал он вместо этого. — Не откладывая в долгий ящик.

Логан взглянул на меня:

— Разве это не прекрасное качество, Саманта?

Я сымитировала бодрый тон Логана:

— Почти такое же прекрасное, как уважение к женщинам.

Логан хлопнул Дуга по плечу.

— И люди, у которых есть календарь, обычно организованы и пунктуальны.

— Так и есть, если они когда-нибудь смотрят на то место, где напечатаны дни, — сказала я. Дуг или устал, или не понимал, куда направляется беседа, поэтому он вмешался с вопросом:

— До сколько ты здесь работаешь?

Я не знала, кому адресован вопрос, но боялась, что мне.

Поскольку я не хотела, чтобы за этим вопросом последовали предложения провести время вместе после работы, я выбрала расплывчатый ответ:

— Магазин открыт до семи.

— Но мистер Дональдсон не заставляет нас закрывать магазин на неделю, — вставил Логан.

— Потому что он знает, что мы сразу идем домой и делаем домашнее задание, — добавила я.

Дуг склонил голову в мою сторону:

— Ты часто делаешь домашнюю работу?

Я почувствовала, как покраснела. Он сомневался в моем уме? Он намекал на мои теперь знаменитые оценки АОТ?

— Мне нужно начать делать больше, — сказала я напряженно. — Не буду мешать вам разговаривать. Мне нужно работать.

Я прошла в заднюю комнату, села на один из табуретов, которые мы использовали, чтобы достать высокие полки, и разорвала обертку на шоколадке.

Я бы лучше умерла, чем пошла на свидание с Дугом.

Поглощая шоколад, я думала, знает ли Дуг о моем споре с Логаном. Может быть поэтому он упомянул о "Горячих Штучках". Может быть, он пытается обхитрить меня.

И опять же, казалось более вероятным, что Дуг видел женщин только как материал для календаря.

Съев шоколадку, немного прибрала в комнате, просто для того, чтобы снова не выходить в зал. Я сложила все заблудившиеся на стойке книги, и подбирала мусор с пола, когда зашел Логан.

— Ты не можешь прятаться вечно, — сказал он.

— Нет, могу, — я увидела уголок бумаги, который выглядывал из-под одной из полок и нагнулась, чтобы подобрать его.

Логан наблюдал за мной несколько секунд, потом сел на стойку и сложил руки.

— Он проделал такой путь в магазин, чтобы поздороваться с тобой. Я подумал, что с его стороны очень внимательно.

Бумага застряла и порвалась, когда я потянула.

— Он сказал слова "горячие штучки" при мне.

— Поэтому, будет хорошо, если ты сходишь с ним на свидание. Ты сможешь просветить его, как правильно разговаривать с женщинами, — Логан держал значок мира. — Ну, знаешь, женская сила и все такое.

— Еще девять дней? У меня еще девять дней до того, как я смогу сказать тебе гадость, так?

— И я сделаю их чертовски трудными для тебя.

— Ты уже это сделал, — я не стала жать, что он скажет еще что-то. Я просто промаршировала из комнаты обратно в зал.

Я отчасти боялась, что Дуг все еще шныряет где-то неподалеку. Но я его не увидела.

Может быть, ему надоело пялиться на обложки Джеймса Бонда и он пошел домой.

Я взяла несколько книг и с усилием запихнула их на полку.

Мужчины. У них были тупые календари, тупые споры, они тупо водили машину, и тупо рвали с тобой отношения, и у них был тупой почерк.

Мысль о почерке больно кольнула меня, потому что она напонила инцидент с листовками. Я была слишком занята своим отмищением, потом волновалась насчет Дуга, и я забыла, что нужно волноваться по поводу завтра, когда мне нужно встретиться с учениками, которые думали что я не смогу не то что сдать АОТ, но и правильно написать это слово.

Конечно, я не могла винить только парней в этой ужасной ситуации. В конце концов, Кессиди разболтала о моих оценках, и Эми сделала листовки, и они обе принадлежали к моему полу. Это сделало предательство еще более противным.

В следующий раз, когда я увижу Кессиди, я расскажу ей в деталях все, что думаю о её предполагаемой дружбе, и потом я — Бам! Это попадет в категорию оскорблений. Если бы мне не было так противно встретиться с Дугом, я бы проиграла пари с удовольствием. Я бы даже пригласила Логана засвидетельствовать это событие. Но учитывая то, как обстояли дела, лучшим выходом казалось ничего не говорить до тех пор, пока не закончится спор. Ничего сейчас и всё потом.

Я поставила остатки книг на полку и вздохнула. Нет ничего сложнее.

Следующий день в школе был путешествием на каторгу. Каждый раз, когда я шла по коридору, каждый раз, когда я садилась за стол, я чувствовала вес сотни взглядов на плечах. Я говорила себе, что это происходит только в моем воображении. Не все наблюдали за мной, не все сомневались насчет моих умственных способностей.

Может быть.

Только несколько человек упомянули листовки при мне. Каждый раз, когда кто-то касался этой темы, я просто качала головой, как будто я думала, что это забавно, и говорила: — Почему люди распространяют эти сплетни? В следующий раз они скажут, что я агент ФБР под прикрытием и слежу за террористическими группировками.

Тот, с кем я разговаривала, смеялся и потом я добавляла:

— Только между нами, я планирую захватить мир.

Еще смех. Я тоже смеялась. Удивительно, как твое лицо может это делать, когда тебе хочется плакать.

Я ходили из класса в класс и внимательно слушала учителей. Я хотела не только выглядеть усердной, но я хотела быть усердной. Я хотела сдать АОТ на отлично в следующий раз, потом скопировать результаты и приклеить их на лобовое стекло каждому, и потом посмотрим, поверят ли они Мистеру Тонкие Е снова.

После обеда секретарь позвал Эми, Рика и меня в кабинет, чтобы обсудить неспортивные события, которые случились за день до этого.

Она разглядывала Рика, сидя за своим столом с хмурым выражением лица.

— Если бы я знала, кто изготовил листовки про Саманту и сорвал плакаты Эми, я бы дисквалифицировала его, — она щелкнула пальцами. — с такой же легкостью. Поэтому, кто бы это ни сделал, ему лучше следить за собой, или он обнаружит, что его выкинут из гонки и временно исключат из школы.

Она снова взглянула на Рика. Этого было достаточно, чтобы я почти пожалела его. Почти.

Мы поклялись, что не имеем к этому отношения и обещали быть примерными кандидатами. Она отпустила нас обратно на занятия.

Наконец, день закончился. Я продержалась семь часов без кровопролития и нервного срыва. Я была рядом со своим шкафчиком, поздравляя себя с этим фактом, когда Кессиди появилась рядом со мной.

На ней были светло-голубой свитер и джинсы. Челси назвала бы это простым, ничего не выражающим и не креативным, и всё же Кессиди выглядела так, как будто она только что вышла из рекламы дорогого мыла.

Я ненавидела девочек, которые не старались быть красивыми и были такими.

Кессиди прислонилась к шкафчику рядом с моим, прижимая несколько тетрадей к груди, и нервно теребила бумагу, которая торчала из них.

— Привет, Саманта.

— Привет.

Она откашливалась и переминалась с ноги на ногу.

— Я просто хотела, чтобы ты знала, что не Эми сделала те листовки про тебя.

— О? — я засунула остатки книг в рюкзак. — А почему я должна подозревать её?

Она наклонилась ближе к моему шкафчику и понизила голос:

— Логан сказал мне, что ты думаешь, что я рассказала Эми о твоих оценках.

— Тебе сказал Логан? — Отлично. Он не только был занозой у меня в боку, но еще стал

моим пресс-секретарем. Теперь, не смотря на шутки про ФБР, скоро станет известно, что это мои настоящие оценки. Почему я вообще кому-либо что-либо рассказываю?

Кессиди пожала плечами.

— Да, Логан волновался потому, что ты расстроена.

— Да-да, — конечно Логан часто волнуется о моем самочувствии.

В любом случае, я никому не рассказывала о твоих оценках, но даже если бы Эми знала об этом, она не стала бы делать эти листовки.

Я захлопнула дверцу шкафчика.

— Ох. Ну, это очень утешительно. Я думаю, Злая Фея Листовок нанесла визит на нашу парковку.

Кессиди невинно моргнула:

— Почему ты так уверена, что это была я?

— Потому что ты была единственной, кому я рассказала насчет АОТ. Я доверяла тебе, Кессиди, и вот что я получила.

Она выглядела немного смущенной, как будто она понимала мои доводы, но все еще не могла в это поверить.

— Ну, должно быть, кто-то нас подслушал.

— Да, возможно, это были гномы школьных коридоров.

Выпрямившись, я увидела что она вся напряглась.

— Мне жаль, что ты мне не веришь.

— Я тоже сожалею обо многих вещах.

Это была бы отличная прощальная фраза, если бы мы с Кессиди больше никогда не увиделись.

К сожалению, мне пришлось увидеть её в тот же день. Я совершенно забыла, и моя мама мне напомнила, что я согласилась помогать на увеселительной ярмарке.

С тех пор как Катя приехала в Пуллман, мама Кессиди занималась сбором средств для помощи её старому приюту. Однажды устроила то распродажу тувель. В другой раз все женщины с нашей улицы собрались, чтобы сшить лоскутные одеяла. На Хэллоуин несколько детей помогали собирать деньги на витамины. Сейчас это была увеселительная ярмарка.

Пятнадцатилетний брал Элис, Ден, должен был организовывать мероприятие. Он делал это для своего скаутского проекта, но каким-то образом женщины нашего района взяли почти всю организацию на себя, и мама уговорила меня помогать в палатке, где нужно было бросать мармелад.

Предполагалось, что дети будут бросать маленькие кубики мармелада на тарелки, и если мармелад попадет на них, они получали приз. Дети обычно любят кидаться едой, но я была гораздо менее увлечена этой идеей. Было слишком легко представить, что наименее меткие дети, или гораздо хуже, наиболее меткие дети, будут попадать в меня мармеладками.

В ярмарке был только один плюс — она проводилась в парке рядом с домом Джоша. Если Судьба сделает свою работу, Джош придет на ярмарку, наткнется на меня, и мы проведем большую часть времени разговаривая и глядя друг другу в глаза. Одно потянет за собой другое, и я обычным тоном приглашу его на выпускной.

Даже для меня это походило на принятие желаемого за действительное, а я не любила полагаться на случай, чтобы достичь результатов. Было бы гораздо проще, если бы Джош первым пригласил меня на свидание, или хотя бы казался заинтересованным.

В назначенное время мама, Энди, Джо, Девид и я направились в парк. Папа не пошел, потому что он сказал, что должен заменить масло и резину в своей машине, как будто мы не понимали, что это предлог. Он просто не хотел застрять в палатке с детьми, которые будут

бросать в него едой.

Мои братья должны были продавать шарики, наполненные гелием, хотя, судя по их хихиканью на заднем сиденье, они планировали высосать пол-баллона с гелием и петь бурундучьи песни весь день.

Приехав в парк, я заметила, что Кессиди и её мама распаковывают краски и кисти для рисования на лице. Элис стояла рядом с качелями, толкая свою трехлетнюю сестру Эбби и Катю туда и обратно.

Кессиди и Элис. Ещё лучше. Ден возвышался над столом с выпечкой, и родители Элис считали билеты в палатке с кассой. Джоша, конечно, нигде не было видно. У Судьбы, скорее всего, был обеденный перерыв.

Я помогла маме приклеить номера на землю для прогулки за пирогами, потом пошла к ближайшему столу для пикника, чтобы нарезать мармелад для своей палатки. Пока я занималась этим, Логан и его младший брат приехали к парку на его древней Тойоте пикап. Я узнала огромные шины и двухцветную, белую и почти белую, краску оттуда, где я стояла.

Логан постоянно возвращал свой грузовик к жизни из состояния кучи мусора, и в нем, возможно, не было ни одной оригинальной детали, за исключением зеркала заднего вида. Но вместо того, чтобы чувствовать себя униженным из-за такого куска мусора, Логан постоянно хвастался улучшениями, которые он сделал. Разбирая книги, я слышала больше о мощности двигателя, чем человеку нужно слышать за всю жизнь.

Я взяла первый поднос мармелада и нарезала его кубиками. Почему Логан здесь? Он жил не в нашем районе.

Может быть, он проверял меня. В любую секунду он мог подойти и спросить, как я прожила день без критике и всего такого. Потом он задаст мне какой-нибудь нестерпимый вопрос, например, почему, если они такие умные, женщины решили выщипывать брови или носить трусики танга.

Я приглядывала за ним, но вместо того, чтобы пойти в моем направлении, Логан и его брат направились туда, где стоял Ден.

Должно быть, Ден и младший брат Логана были друзьями, и он попросил их помочь. По меньшей мере, я надеялась, что Ден попросил их помочь. Я надеялась, что Логан будет слишком занят, чтобы устроиться перед моей палаткой с мармеладками и забрасывать меня или на протяжении всей ярмарки.

После того, как Логан несколько минут поговорил с Деном, он оставил брата и пошел туда, где стояла Кессиди.

Хм-м-м-м.

Возможно, он что-то замышлял. Может быть, он думал, что меня будет раздражать то, что он общается с Кессиди, и я с большей вероятностью кого-нибудь обижу.

Или может быть она ему просто нравилась.

Ох, это так раздражало.

Я нарезала остатки мармелада и насыпала цветные кубики на тарелки. Каждые несколько секунд я смотрела туда, где стояли Логан и Кессиди. Они разговаривали, стоя близко друг к другу и смеялись.

Я хотела выцарапать ей глаза.

Было совершенно нелогично чувствовать себя таким образом, но так и было.

Я говорила или не говорила Логану, что не хочу, чтобы он встречался с Кессиди? Ну, ладно, может быть я на самом деле сказала, что он должен пригласить её куда-нибудь, что я думала, что они будут очаровательной парой, но он знал, что это был сарказм. Если он хотел с кем-то встречаться, то ему стоило выбрать кого-то вроде... я несколько секунд пыталась придумать

подходящую пару для Логана, но не смогла.

Я не стала на этом задерживаться. помимо всего прочего, меня не интересовал Логан. Я пришла сюда увидеть Джоша, или, как оказалось, увидеть фасад дома Джоша. Логан мог встречаться с кем хотел. Я желала ему всё счастье мира.

Я бросила остатки мармеладок на тарелки так сильно, как могла, конечно это не произвело никакого эффекта, только заставило остальные мармеладки немного заколыхаться. Сложно выместить злобу на мармеладках.

Я отнесла тарелки маме и спросила её что еще могу сделать. Она поговорила с мамой Кессиди и сейчас обходила парк.

— Похоже, мы почти готовы. Думаю, ты можешь делать что хочешь до тех пор, пока не начнется ярмарка.

Я взглянула на часы. Оставалось еще пятнадцать минут. Я могла или бесцельно гулять, пообщаться с братьями или встрять в беседу Логана и Кессиди.

Потом я обратила внимание на свои руки. Красные потеки покрывали их. Они остались от того, что я поймала упавшие мармеладки. Я действительно должна была их помыть, и было ли для этого более подходящее место, чем дом Джоша?

Если я пройду три улицы до своего дома, я возможно опоздаю, а я не хочу разочаровать детишек, которые хотели раскидать мармеладки. Я думала только о них.

Я подошла к качелям, где Элис развлекала маленьких детишек и показала ей свои грязные руки.

— Ничего, если я зайду к тебе домой помыть руки?

— О, конечно, — сказала она. — Просто зайди внутрь.

Потом она улыбнулась мне. Большой дружелюбной улыбкой.

Только одно это должно было включить сигнализацию.

Я направились на другую сторону улицы к её дому, но задержалась на ступеньках. Было странно просто войти в чей-то дом. Я почти нажала кнопку звонка, но потому подумала, что, возможно причина, по которой Элис сказала мне просто зайти, заключалась в том, что никого нет дома. Если я позвоню, то буду выглядеть как идиотка, стоя на крыльце и ожидая, что кто-то откроет дверь.

Я посмотрела на Элис через плечо. Она снова улыбнулась и помахала мне, убеждая зайти.

Так элегантно как я могла, стараясь не запачкать мармеладками дверную ручку, я открыла дверь и зашла внутрь. Я только закрыла за собой дверь, когда низкое "Гав!" разнеслось по комнате и гигантский Стафордширский терьер метнулся ко мне.

— А-а-а-а ха-ха! — сказала я, не потому что это имело какой-то смысл, а потому что мои связки работали отдельно от мозга.

Собака еще два раза гавкнула и обошла меня, обнюхивая. Очевидно, к нему не приходило много посетителей, пахнувших малиновым мармеладом, и это была угроза для него.

Не отводя глаз от собаки, я мелкими шажками начала двигаться к двери, и позвала:

— Здесь есть кто-нибудь?

Не успела я произнести эти слова, как в комнату вошел Джош. Он щелкнул собаке пальцами:

— Голиаф!

Собака повернулась, завиляла хвостом большими пушистыми взмахами и побежала к Джошу. Джош посмотрел вниз, но не очень далеко вниз, на собаку.

— Иди на кухню, — твердо сказал он.

Голиаф немедленно сел на пол и смотрел на Джоша снизу вверх, ожидая следующей команды.

— Ладно, тогда сидеть! — сказал Джош. Он повернулся и улыбнулся мне. — Извини, если он напугал тебя.

— Я просто зашла помыть руки, — я показала ему ладони в качестве доказательства. — Элис сказала мне зайти.

Джош кивнул, как будто для девушек было естественным появляться в его гостиной.

— Иногда Элис забывает, что людям может не понравиться наш собачий комитет по встречам.

Еще бы.

Он показал мне дорогу на кухню, и я пыталась придумать что-нибудь умное, пока мыла руки.

— Ты выглядишь старше, — сказала я, не будучи уверенной, почему я выбрала эту тему. — Думаю, это происходит со всеми.

— Да. Ты тоже выглядишь старше.

Беседа зашла в тупик. Я выключила воду и улыбнулась ему.

Может быть, стоило выбрать прямой метод. Может быть стоило просто сказать:

— У меня есть проблема, и я думала, не сможешь ли ты мне её решить.

— Ты собираешься в парк, я имею в виду на ярмарку, ну на мероприятие на улице?

— Да, Ден сделал меня ответственным за соревнование по поеданию пирогов, — Джош кивнул в сторону кухонного стола, где рядами стояли несколько дюжин пирогов. Они были куплены в магазине и не выглядели достаточно аппетитно даже для того, чтобы их в принципе есть, не то, что поглощать в больших количествах на соревновании.

С моих рук капало в раковину, пока я оглядывалась в поисках полотенца, чтобы их вытереть. Я наконец-то обнаружила одно, свисающее с холодильника, и подошла к нему. Голиаф увидел меня рядом с холодильником и подбежал ко мне. С наостренными ушами он внимательно смотрел на меня, как будто я собираюсь открыть холодильник и достать для него ветчину.

Джош подошел, чтобы снова оттащить собаку от меня. Он толкнул Голиафа и стал между мной и собакой. Джош был так близко, что я могла обхватить его руками, если бы хотела. Я хотела, но воздержалась.

— Тебе нужна помощь, чтобы вынести пироги? — спросила я.

— Нет, соревнование по поеданию пирогов будет примерно через час или что-нибудь около того, — он не сдвинулся от холодильника, или от меня. — С твоей стороны было очень мило предложить.

Не смотря на то, что мои руки были уже сухие, я не двигалась.

— Что ты делал с тех пор, когда приехал в Пуллман?

— В основном, стирал.

— Ох. Весело.

И это истощило мои запасы тем для светской беседы. Он возможно ждал, что я удалюсь, но я все еще не двигалась.

— Похоже, тебе нужен перерыв. Почему бы тебе не пойти на улицу? Я дам тебе скидку в палатку с мармеладками.

Он улыбнулся, посмотрев на часы.

— Хорошо. Я думаю, если не выйду в скором времени, Ден обвинит меня в том, что я не поддерживаю его.

Мы оба вышли через переднюю дверь. Голиаф пытался последовать за нами, но Джош закрыл дверь прежде, чем тот мог сбежать.

Я услышала, как Голиаф грустно лает за дверью, и когда я взглянула обратно на дом, он стоял в окне, на задних лапах, и его нос был прижат к стеклу. Это заставило меня улыбнуться.

— Он в своем роде симпатичный.

— Он все ее не простил меня за то, что я уехал в колледж. Он не хочет теперь выпускать меня из виду.

У меня было что-то общее с Голиафом.

Мы неторопливо шли по лужайке Джоша, и в это время появилась катя, бегущая по улице в нашу сторону, Кессиди бежала за ней.

Определенно, это была моя удача. У меня было четыре минуты наедине с Джошем, и теперь на картине появилась Кессиди. Очевидно, Судьба все еще где-то обедала, поглощая жареную картошку и запивая её темным пивом, вместо того, чтобы помогать мне с личной жизнью.

Кессиди догнала свою сестренку как раз в тот момент, когда она добралась до лужайки Бенсонов. Она подняла маленькую девочку и твердо сказала: — Нет, Катя. Тебя могла сбить машина.

Элис и Логан перешли улицу следом, оба запыхавшиеся и присоединились к Кессиди на лужайке Бенсонов.

— Этот ребенок умеет бегать, — сказала Элис.

Катя возилась в руках Кессиди, потом решила, что бусы Кессиди заслуживают её внимания и обхватила их пальчиками.

Джош подошел к группе, и я беззвучно последовала за ним. Он посмотрел на Катю в руках Кессиди, потом на Кессиди.

— Это твоя новая младшая сестренка? Она прекрасна.

— Спасибо, -сказала Кессиди, смотря на Катю, а не на Джоша.

катя опять начала возиться, и Кессиди поставила её на землю. В какую-то секунду она, казалось, была готова убежать еще куда-нибудь, но потом она заметила Голиафа, уставившегося в окно. Она склонила голову и изучала его: — Медведь!

Кессиди взглянула на дверь:

— Нет, Катя. Это Голиаф. Он собака.

— Медведь, — снова сказала Катя и направилась в его направлении.

Элис засмеялась и скрестила руки на груди:

— Видишь, у неё не такой уж и плохой английский.

Джош наблюдал за Катей, все еще улыбаясь.

— Она уже знает какие-нибудь предложения?

Кессиди не отвечала несколько секунд, потому что она отправилась за сестренкой. Вернувшись, она держала Катю на руках.

— Она может сказать "Я люблю тебя, мама", потому что они учили её это говорить в приюте. Я пыталась научить её говорить "Я люблю тебя, Кессиди" с тех пор, как она у нас появилась, но она просто не говорит.

— Дай я попробую, — Элис вытянула руки и взяла девочку у Кессиди. Она откинула Катини волосы с её личика и уверенно посмотрела на неё. — Повторяй, Катя, "Я люблю тебя, Кессиди".

Катя смотрела на неё большими немигающими глазами и ничего не сказала.

— "Я люблю тебя, Кессиди" — снова сказала Элис.

Катя положила руку на губы Элис, словно думала, можно ли их оторвать.

Элис усмехнулась и передала Катю брату.

— Держи Джош, попробуй.

Джош перевел взгляд от Кати к Кессиди и обратно к Кате. Он откашлялся и переступил с ноги на ногу:

— Скажи "Я люблю тебя, Кессиди".

— Попробуй сказать с чувством, -сказала Элис.

Он сказал немного эмоциональнее:

— Я люблю тебя, Кессиди.

Элис счастливо улыбалась.

— Дай мне попробовать, — Логан протянул руки Кате и она с хихиканьем пошла к нему.

Она очевидно думала, что это была веселая американская игра, в которую люди играли при встрече.

Голосом как у драматического актера, Логан сказал:

— Повтори "Я люблю тебя, Кессиди. Я правда, правда люблю тебя. Ты для меня дороже всех".

Катя смеялась, но я хотела дать Логану пощечину. Подумать только, он обвинял меня в том, что я флиртую со всеми подряд и вот он устраивает представление одного актера в честь Кессиди.

Мне должно быть все равно. Опять же, Логан был самым несносным из живущих парней. Я должна была надеяться, что он будет с Кессиди. Они заслуживали друг друга. Но пока Логан распространялся о своей вечной любви к ней, у меня в животе завязался злобный узел. Наконец, выражения Логана о любви истощились и он посмотрел на меня.

— Она не хочет повторять за мной, — сказал он и передал мне девочку. — Почему бы тебе не попробовать?

Он вероятно думал, что я не смогу ничего сказать Кессиди, кроме оскорблений. Он был почти прав. Я стиснула зубы в улыбку.

— Я... люблю... тебя... Кессиди.

Катя повернулась у меня на руках, чтобы посмотреть обратно в окно Бенсонов:

— Медведь!

Все засмеялись, и Кессиди потянулась и взяла Катю из моих рук.

— Думаю, на сегодня достаточно уроков английского.

Катя обхватила руками шею сестры и Кессиди прижала её к себе. Потом Кессиди нагнулась и поцеловала девочку в макушку.

Джош и Логан наблюдали за этой демонстрацией сестринской любви с восхищенным вниманием.

Логан даже сказах:

— Ох.

Итак. Очевидно, все это время, которое я потратила, изучая модные журналы, чтобы узнать, что привлекает мужчин, было потерянным. Парней действительно привлекала девочка, которая целует младшую сестренку. Мне внезапно захотелось сказать: — Если бы какой-нибудь из моих братьев был девочкой, я бы его тоже целовала.

Взгляд Джоша был прикован к Кате. Он вытянул руку и погладил её по щеке пальцем.

— Она действительно красивая.

Кессиди улыбнулась, напряжение спало с неё.

— Я тоже так думаю.

Кессиди еще раз улыбнулась сестрѐнке и осмотрела парк.

— Эми сказала, что постарается сегодня придти. Если её изберут президентом, то она хочет сделать что-нибудь в школе, чтобы помочь Катиному приюту. Разве это не здорово?

— Отличная идея, — сказал Логан и потом он посмотрел — все посмотрели — на меня.

— Я тоже думаю что это отличная идея, — сказала я.

Логан склонил голову в мою сторону.

— А какие у тебя политические планы, Саманта? Я имею в виду, что ты будешь делать, если выиграешь?

С Логана станется поставить меня в неудобное положение. Внезапно я должна была предложить что-то лучшее, чем помощь приюту.

— Я тоже хочу проводить разные мероприятия, — сказала я. — Я еще не выбрала ничего конкретного, но, знаете, собирать деньги для нуждающихся кажется хорошим занятием.

Они продолжали смотреть на меня, очевидно незаинтересованные этим предложением, но правда, что я должна была предложить, чтобы все были счастливы? Между пивом и сиротами я просто не могла выиграть.

Тема разговора сменилась, и все кроме меня продолжали говорить. Казалось, никто не заметил, что я не поддерживала беседу, и я не знала, почему я этого не сделала. Они неожиданно показались мне такой сплоченной компанией. Только я в неё не входила. Я предполагаю, что я всегда об этом знала, но мне было все равно. Сейчас это было неприятно.

На какой-то момент я задумалась, что было бы, если бы мы были друзьями с Кессиди, Элис и Логаном. Что если бы мы были всегда вместе, вот так, что если бы я всегда входила в их круг?

Потом я перестала об этом думать. Этого не случится. Ни сейчас, никогда.

Не после этих листовок.

Ден позвал нас из парка:

— Эй, ребята!

И он помахал нам, чтобы мы подошли ближе.

Приехало уже достаточно людей и он хотел начать ярмарку.

С палаткой всё получилось так, как я думала. Большинство детей с разной степенью успеха бросали мармелад на тарелки. Самые маленькие дети съели свои мармеладки, а потом плакали, потому что я не дала им приз. Друзья Джо и Дейва кидались мармеладом в меня, а потом притворялись, что промахнулись. Я взяла их четвертаки и надеялась, что дети в Катином приюте оценят мою жертву.

К сожалению, у меня больше не было возможности поговорить с Джошем. Прошло несколько часов, прежде чем друзья Дена освободили меня от обязанностей в палатке с мармеладом, а Джош закончил конкурс по поеданию пирогов и был занят, гуляя со своей младшей сестренкой Эбби вокруг палаток.

Я купила дорожный кусок пиццы на столе с закусками и съела его на поросшем травой холмике на краю парка. Логан подошел и сел рядом со мной, как только я закончила.

— Привет, — сказал он, вытягивая ноги. — Я подумал, что стоит подойти и поговорить с тобой немного.

— О, зачем?

Он сорвал травинку и начал крутить её между пальцев.

— Ну, знаешь. Просто узнать, как у тебя дела — и узнать, что ты думаешь о рэп-музыке, боях без правил и парнях, которые делают пирсинг в разных частях тела. Ну, как-то так.

Я забрала травинку у него из рук и потрясла её перед ним.

— Это не сработает. У меня огромная сила воли и я не собираюсь обращать внимания на то, что ты скажешь.

— Скажи мне тогда, как ты думаешь, кто самый классный — Леди Гага или Кейни Вест?

Как будто я попадусь на что-то такое очевидное. Все еще тряся травинкой, я сказала:

— Что ты наговорил Кессиди про меня?

— Когда? — спросил он, как будто они несколько раз беседовали обо мне.

— Когда ты рассказал её, что я думаю, что она рассказала Эми о моих оценках.

— Это практически все, — сказал он.

— Практически что?

— Практически все, что я сказал.

Пытался ли он быть трудным, или парни просто не умели разговаривать? Я бросила в него травинкой, и потом, поскольку этого было недостаточно, я схватила еще одну пригоршню и тоже бросила её в него.

Он сказал "Эй!" и стряхнул траву с рубашки, и конечно это было для меня приглашением бросить еще.

Я сорвала еще пригоршню.

— Это не оскорбление. Я бросаю в тебя травой с абсолютным уважением.

После того как я благословила его следующей пригоршней, он сам ответил несколькими бросками, и очень скоро мы уже вырывали большие куски из ландшафта и бросали друг в друга. Он пытался сунуть траву мне в лицо, и мне пришлось схватить его за руки, чтобы остановить. Он оттолкнул меня, и, возможно, дело закончилось бы полноценным матчем прямо там в парке, если бы моя мама неожиданно не появилась над нами.

Сурово нахмутив брови, она посмотрела на нас сверху вниз:

— Что вы делаете?

Мы с Логаном сели, промямлили извинения и стряхнули траву с одежды. Я заметила, что несколько людей наблюдают за нами, и почувствовала, что краснею до тех пор, пока они не

обратили свое внимание обратно на ярмарку.

После того, как мама ушла, Логан сказал мне одними губами:

— Это ты начала.

Я показала ему язык, что технически не было оскорблением, потому что не содержало слов.

Он отвернулся от меня, качая головой, но только для того, чтобы показать Логану, что я не забыла тему разговора, я сказала:

— Так что ты наговорил Кессиди обо мне?

Он вздохнул и откинулся обратно на траву.

— Мы просто разговаривали, и я ей сказал, что ты думаешь, что она замешана в истории с теми листовками, и потом она сказала мне, что не говорила никому о твоих оценках, в чем, если ты вспомнишь, я все время тебя убеждал.

— Правильно, — сказала я. Потому что он мог бы счесть оскорблением, если бы я назвала его наивным.

Он улыбнулся мне. У него была прекрасная улыбка. Она всегда выглядела так, как будто он собирается что-то предпринять.

— Это была твоя вина в том, что мы разговаривали.

— Моя вина?

— Да. Как ты знаешь, я потерпел неудачу с Вероникой. Поэтому, когда я обнаружил, что у Кессиди нет пары на выпускной, ну, мне просто показалось хорошей идеей пригласить её.

— Ты пригласил Кессиди на выпускной? Кессиди Вудрафф?

— Она не делала листовки.

Да, да. Он уже открыто заявил о её невиновности. Я хотела сказать " Я думала, мы друзья. Если тебе нужна была пара на выпускной, почему ты не пригласил меня вместо моего врага?"

Это была слишком глупая вещь, чтобы говорить это. Было слишком глупо даже так думать. Логан и я на выпускном — мы скорее всего подеремся на столе с пуншем. Кроме того, я не была уверена, что мы с Логаном друзья. Мы были вроде как взаимными мстителями.

Я хотела пойти на выпускной с Джошем. С Джошем, который на данный момент.. я осмотрела парк и увидел его. Джош, который на данный момент разговаривал с Кессиди и Элис рядом с надувным городком.

Я просто не могла выиграть.

Кессиди, очевидно, могла отобрать у меня что угодно одной силой воли. Школьное сообщество возможно вывинет её кандидатом и она вдобавок выиграет выборы.

Это было просто нечестно.

— Эй, Логан. — сказала я. — Кто-то заигрывает с твоей девушкой. Тебе лучше пойти защищать свою территорию.

Он посмотрел туда, где разговаривали Джош и Кессиди, но не выглядел обеспокоенным.

— Я сказал, что мы идем на выпускной, а не женимся.

— Конечно, ты сейчас так говоришь. Но вероятно скоро ты изменишь свое мнение.

Он наклонил голову в сторону и посмотрел на меня с загадочным выражением лица. Я не могла объяснить ему свое последнее утверждение, поэтому мило улыбнулась и перестала об этом думать.

— Хорошенько подумав, тебе лучше остаться здесь со мной. Я чувствую, что на грани того, чтобы оскорбить кого-нибудь, и ты не захочешь это пропустить, — помимо всего прочего, я не могла позволить Кессиди думать, что она может иметь и Логана, и Джоша. Поскольку она разговаривала с моей будущей парой на выпускной, я могла сидеть и разговаривать с её.

Логан кивнул со знающим видом.

— Ты опять пытаешься применить эту психологическую ерунду? — Он дальше откинулся

назад, его поза выглядела расслабленной. — На этот раз это не сработает.

— Хорошо. Ты просто слишком умен для меня.

Мы сидели и болтали на протяжении ярмарки. Логан поднял все ужасные темы, которые мог придумать, и я выжила только благодаря тому, что расточала комплименты всем, о ком хотела сказать гадость.

— Ведущие дневных ток-шоу? — спросил он.

— Модные платья, — ответила я.

Он много смеялся, и каждый раз, когда он это делал, я в глубине души хотела сказать:

— Видишь, ты хорошо проводишь со мной время. Почему ты пригласил Кессиди на выпускной?

Потом я хотела стукнуть сама себя за такие мысли.

Это было просто нелепо с моей стороны так думать о Логане, когда я хотела быть с Джошем. И я хотела быть с Джошем. Он был не только высоким, темноволосым и красивым, он был взрослым и немного загадочным — и у него под ногтями никогда не было машинного масла.

Я взглянула на руки Логана, чтобы доказать свое утверждение.

Они были абсолютно чистыми. как странно. Когда Логан начал заботиться о руках и почему я этого не замечала?

Это не имело значения.

Логан меня абсолютно не интересовал в романтическом плане. Этот парень сказал мне, что идет на выпускной с Кессиди.

— Школьные обеды? — спросил Логан.

— Очень, очень питательные, — сказала я.

Он откинул голову назад с недоверием и простонал. Я заметила, что его прическа не растрепалась. У него были отличные волосы — такие густые и волнистые.

Я снова захотела ударить сама себя.

— О, я нашел, — сказал Логан. — Ты не сможешь удержаться от гадостей. Скажи мне, Саманта, что ты думаешь обо мне?

— Слишком много.

— Слишком много? Что это должно значить?

Забудь о том, что это значит. Я не могла поверить, что сказала это, и я даже через миллион лет не объясню тебе это.

— No hablo ingles, — сказала я — Lo siento, senor. (Я не скажу ни слова, сеньор) — Не думай, что можешь оскорблять меня на испанском. Я могу уловить оскорбление на любом языке.

— Могу поспорить, что можешь. Уверена, у тебя в этом много опыта.

— Ты ходишь по тонкому люду, — сказал он, и потом с улыбкой добавил — Я знаю, что ты не можешь устоять передо мной.

Но я устояла. На протяжении остатка вечера я сопротивлялась ему. Я уничтожала все притяжение к нему, которое чувствовала, и это было сложнее, чем уничтожить оскорбления.

Когда ярмарка закончилась, мы загрузили наш минивен и направились домой. Мальчики сидели сзади, стреляя друг в друга пластиковыми лягушками, которых они выиграли в какой-то палатке, пока мама и я сидели спереди и изо всех сил старались не обращать на них внимания. Мама глубокомысленно вздохнула: — Ярмарка прошла хорошо, как думаешь?

— Конечно, — сказала я и повела рукой по своей футболке, которая теперь была в красных пятнах от мармеладок.

— Мы набрали больше трехсот долларов. Изабель Вудрафф в восторге. Знаешь, она так изменилась с тех пор, как они удочерили Катю. Она всегда на улице, всегда чем-то с ней занимается. Она стала гораздо счастливее.

Я никогда не обращала внимания на уровень счастья миссис Вудрафф, поэтому я просто сказала:

— Ох.

Мама взглянула на меня.

— Правда здорово, что она так увлеклась помощью детям?

— Конечно.

Мамин взгляд вернулся к улице и она покачала головой.

— Когда-то было время, когда ты разговаривала со мной предложениями, которые содержали больше одного слова.

Мама мне в последнее время часто на это жаловалась. Ей было недостаточно услышать "отлично" в ответ на вопрос, как прошел мой день. Она хотела устного сочинения.

Я пожала плечами.

— Конечно, я думаю что прекрасно, что Вудраффы так много делают для детей в России.

Мама ничего не говорила несколько минут, и я могла угадать, что она колеблется, поднимать тему или нет. Думаю, она решила поднимать, потому что, когда она заговорила снова, в её голосе снова были нормальные интонации.

— Я сегодня заметила вас с Логаном Хансеном. Что между вами происходит?

— Ничего.

— Ничего?

— Абсолютно ничего.

— Точно, — мама вздохнула и покачала головой. — Ты мне больше никогда ничего не расскажешь.

На следующий день вместо того, чтобы строить глазки парням, мы с подругами решили провести стратегическое собрание. Мы отправились в библиотеку, сели за стол в дальнем углу и воспроизвели все события предыдущего дня — что и что сказал насчет листовок и по поводу меня, и насколько сильно это повлияло на мои шансы быть избранной.

— Всё хуже, чем я думала, — сказала Челси, придвигаясь ближе к столу. — Эти листовки действительно увеличили шансы Эми на выигрыш. Многие думают, что ты не можешь серьезно относиться к президиентству, если ты не серьезно относишься к учебе.

Обри кивнула:

— А у Рика уже есть все эти голоса шутников.

— Ты теперь не сможешь победить с помощью интеллекта, — сказала Челси. — Твоя единственная надежда — это преподнести себя как среднего кандидата. Ну, не чрезмерно умная Эми, но и не король вечеринок Рик.

— Ладно, я буду средним кандидатом, — но я не имела представления, как создать такой образ. Если бы я всегда ходила по середине коридора, люди бы заинтересовались? — Когда я буду произносить речь, я постараюсь выглядеть... средне.

Рашель потрясла головой.

— Не средне, ты должна быть харизматичной.

— Ладно, я буду харизматичным средним.

— Никогда не знаешь, — сказал Обри, — может быть, ты сможешь повернуть ситуацию с листовками себе на пользу. Люди могут счесть тебя жертвой и захотеть тебя утешить. Постарайся сыграть на этом.

— Я буду харизматичной средней жертвой, — сказала я.

— И помни, что надо быть увлеченной, — добавила Рашель.

Я схватилась за край стола.

— У меня взорвется голова, если вы дадите мне еще хоть одно указание.

— Ты прекрасно справляешься, — подбодрила меня Обри. — Просто старайся вести себя более по-президиентски.

Взрыв казался неизбежным.

— И каким образом я должна это сделать?

Челси похлопала меня по руке, как будто я была ребенком.

— Нет необходимости расстраиваться. Все будет хорошо. Давайте сменим тему.

Никто ничего не говорил какое-то время, и потом Обри спросила.

— Итак, у тебя есть какие-нибудь новые планы на выпускной?

Выпускной. Отличная тема. Я начала обводить буквы на учебнике английского, глядя на неё, а не на подруг.

Как я могла пригласить Джоша, если я его не видела?

— Мне вроде как нравится этот парень, — сказала я медленно. — Но я не уверена, что он интересуется мной.

— Ох, я думаю, он интересуется, — сказала Рашель.

Я с удивлением моргнула:

— Что?

— Я думаю, достаточно очевидно, что ты нравишься Логану.

— Логану? — пробормотала я. — Что заставило тебя подумать, что я говорю о Логане?

Мои подруги обменялись знающими взглядами и потом Обри сказала:

— Ну, это заметно у вас обоих.

— Нет, — сдавленно выкрикнула я. — Все совершенно не заметно, я имею в виду мы не интересуемся друг другом! Я имею в виду, ну, вы знаете, что я имею в виду.

— Ох, да ладно, — сказала Челси. — Вы всегда болтаете в коридоре.

Я сложила руки:

— Это из-за дьявольского пари. А не потому, что он мне нравится.

Рашель усмехнулась:

— Тогда почему вы стоите так близко друг к другу, когда разговариваете?

— Мы не стоим.

— Стоите, — сказала Обри.

Действительно?

— Это должно быть из-за того, что в коридорах всегда толпа.

— Да-да, — сказала Челси. — Ты еще всегда смеешься, когда ты рядом с ним.

— Я нахожу забавными некоторые черты его характера.

Рашель снова усмехнулась:

— А какими ты находишь остальные черты его характера?

Я постукивала пальцами по учебнику английского, стараясь придумать правильную фразу, чтобы описать мои чувства к Логану.

— Он просто один из тех людей, которых я... терплю. И кроме того, он пригласил на выпускной Кессиди Вудрафф.

— Ох, — сказала Челси, как будто она теперь все отлично поняла.

— Но в любом случае я говорила не о Логане, я говорила о Джоше Бенсне. Он вернулся из колледжа и я несколько раз наткнулась на него. Я думаю о том, чтобы пригласить его на выпускной.

Подруги смотрели на меня, не говоря ни слова. Наконец Обри сказала:

— Это в отместку за то, что Логан пригласил Кессиди?

— Нет, — настаивала я. — Не в отместку. Это не имеет отношения к Логану. Просто забудь о Логане. Мне нравится Джош. Я просто не знаю как непринужденно пригласить его на выпускной.

— Не делай этого непринужденно, — сказала Челси. — Придумай что-нибудь милое, на что он не сможет ответить отказом, поющую телеграмму или что-нибудь вроде того.

Рашель положила локти на стол и наклонилась ко мне:

— Моя сестра пригласила парня на свидание, положив булочку с корицей в игрушечный самосвал и прикрепив записку "хочу пойти с тобой к Сейди Хокинс".

Обри кивнула.

— Моя кухня пригласила своего парня к Сейди Хокинс, пришив пару трусов с логотипом супермена на плакат и подписав: "буду краткой, пойдём со мной на танцы".

Челси ударила ладонью по столу, как будто её на ум пришла великолепная идея.

— Маленький цыпленок в корзине с запиской "Эта цыпочка хочет пойти с тобой на танцы".

— Хорошие идеи, — сказала я. — Но почему-то я не могу представить себя, дарящей ему нижнее белье, живую птицу или что-либо, что имеет отношение к его заду.

— Придумай что-нибудь, — сказала Челси. — Существуют сотни милых способов пригласить его на свидание.

Прозвенел первый звонок, и мы поднялись, чтобы пойти на занятие. Рашель сунула книги под мышку и сказала:

— Придумай приглашение с конфетами. Парни любят есть.

Я думала об этом по пути в класс, и с каждым шагом мое настроение улучшалось. Челси

была права. Существовали сотни милых способов пригласить Джоша на выпускной, и парни не отказывались от милых приглашений. Кроме того, если я отправлю ему Конфетогамму, я не должна буду встречаться с ним, когда буду приглашать его. Определенно плюс.

В течение дня я обдумывала все идеи, о которых я когда-либо слышала. В итоге я решила купить упаковки Mounds^[3], Big Hunks^[4], жевательной резинки и Starbursts^[5]. Я рассыплю их на полу в его комнате и приклею записку, на которой напишу: "Круто как горы, пойти на выпускной с таким лакомым кусочком как ты. Я взрываюсь от нетерпения услышать твой ответ. Не отказывайся, позвони мне." Потом я напишу свой номер.

Самой сложной частью будет найти время, когда я смогу зайти к нему домой, чтобы всё устроить. Я не хотела звонить его маме и просить разрешения зайти и оставить конфеты, но какой у меня был выбор? Я абсолютно не собиралась просить Элис впустить меня.

Кроме того, может быть его мама станет моим союзником в этой аванюре. Я почти видела, как она говорит ему:

— Ты же не собираешься отказать Саманте, да? Она такая хорошая девочка, и столько всего сделала...

Я позвонила ей, придя домой из школы, объяснила ситуацию и спросила, когда уйдет Джош, чтобы иметь возможность зайти.

— Он сегодня бдет в магазине до семи, — сказала она. — Остальные будут уходить и приходиться весь вечер. Элис будет на занятии по актерскому мастерству..

Она сказала что-то еще, но мой мозг остановился на том, что Элис не будет дома. Это было отличное время. Элис не будет, чтобы приставать ко мне, пока я рассыпаю конфеты на полу.

Миссис Бенсен закончила предложением: «Поэтому кто-нибудь должен быть дома, чтобы впустить тебя, но если нет, я оставлю дверь незапертой. Комната Джоша первая слева на втором этаже.»

— Гм... а ваша собака?

— Я сделаю так, что он будет на заднем дворе и не побеспокоит тебя, — её как будто что-то отвлекало во время разговора, как будто она уже переключилась на обдумывание своих планов на предстоящий вечер, поэтому я боялась, что она забудет эту маленькую деталь. Тогда вместо милого приглашения, Джош найдет на полу мой изжеванный труп.

Тем вечером я подошла к двери Бенсонов, сжимая свой пакет с конфетами, на случай, если нужно будет использовать его как оружие, и услышала, как Голиаф лает на заднем дворе. Мама Джоша вспомнила.

Никто не ответил на звонок, поэтому я уверенно открыла дверь и пошла в спальню Джоша. Было странно стоять в его комнате в одиночестве, глядя на доску со стикерами на комод и видеть шкаф с одеждой. Это казалось таким интимным. Таким личным. Я положила свои вещи на его кровать и не поддавалась искушению открыть ящики комода, чтобы посмотреть, что он там хранит.

Скотч. Мне нужно было приклеить куда-нибудь записку. Зеркало на комод? Дверь шкафа? Если я открою шкаф, то смогу провести пальцами по рубашкам, которые он будет носить на следующей неделе.

Я оторвала кусок клейкой ленты и прилепила её с обратной стороны записки. Мне нужно это сделать и быстро уйти. Я провела только несколько минут в комнате Джоша и уже начала думать, как преследователь. Кроме того, что если кто-нибудь зайдет, и найдет меня в комнате Джоша, ласкающей его майки?

Я прижала записку к полу и прилепила к ней конфету. Потом я засунула Starburst в рот и стала решать, как разложить остатки конфет на полу.

Сердечком? Слишком сентиментально. Беспорядочно разбросать? Слишком скучно.

Стрелка должна сработать. Я опустила на четвереньки и сложила конфеты в виде стрелки, указывающей на записку, потом я отошла назад, формируя хвост. Это был длинный хвост, потому что я купила слишком много конфет, и к тому моменту, когда я закончила, он вытянулся из комнаты Джоша в коридор.

Ну, хорошо, он в какой-то степени выглядел так, как будто задумывался в таком виде, как будто я хотела намекнуть ему о том, что его ждет, даже прежде, чем он зайдет в комнату.

Я собрала свои вещи, чувствуя себя немного Машей, и поторопилась уйти прежде, чем меня поймает какой-нибудь медведь.

В течение остального вечера, занимаясь домашним заданием, я слушала, не звонит ли мой телефон.

7:15 Конечно, он уже пришел. Почему он не позвонил?

7:30 Может быть, он еще не зашел в комнату. Может быть, он один из тех парней, которые любят приходить домой, есть и расслабляться перед телевизором.

7:45 Хорошо. Может быть, он все еще перед телевизором, но неужели никого больше нет дома? Никто не увидел мою стрелку и не позвал "Эй, Джош, ты наверное захочешь подняться и посмотреть на это".

8:00 Может быть Элис пришла домой и сделала что-то дьявольское с моим приглашением.

За ней не заржавеет.

8:15 Может быть, он не звонит, потому что не хочет идти со мной на выпускной.

8:30 Очевидно, он придумывает речь о том, что он решил стать монахом и перестал встречаться с девушками.

8:45 Джош ненавидит меня, и даже не собирается удостоить меня каким-нибудь прозрачным извинением. Я никогда больше его не увижу.

в 9:00 прозвонил дверной звонок и мама позвала:

— Саманта, здесь кто-то хочет тебя видеть.

Я прошлепала вниз по лестнице и обнаружила Джоша, ждущего у двери. Его волосы были растрепаны, как будто он проводил по ним пальцами(или пытался вырвать их?), и его выражение лица было беспокойным. (Ему было сложно придумать приличное извинение?) — Привет, Саманта, — медленно сказал он.

— Привет, Джош, — я схватилась за перила. Если это не могло быть безболезненным, я надеялась, что это будет быстро.

— Извини, что так долго добирался до тебя. Мне нудно было отвезти собаку к ветеринару.

Конечно, почему я об этом не подумала? Обычно, когда парень не звонит тебе в семь вечера, это потому, что ему нужно везти собаку к ветеринару. Это часы пик в ветеринарной клинике.

И потом ужасная мысль пришла мне в голову. В мыслях я внезапно увидела свою конфетную стрелочку на полу Джоша и Голиафа, бегущего к ней. Все эти конфеты были в зоне прямого доступа для собаки.

— Гм, почему ему был нужен ветеринар?

— Ну, он вроде как съел твое приглашение.

— Он его съел? Всё это?

— Не записку, но её было сложно прочитать, после того, как собаку на неё стошнило.

— Стошнило на неё? — на меня внезапно нахлынули воспоминания об Игрунье в машине Бреда. Еще одно домашнее животное стошнило на мою личную жизнь, и в этот раз по моей вине. Почему я не выбрала приглашение с нижним бельем?

— Шоколад плохо усваивается собаками, — сказал Джош устало. — И маленькие пластиковые обертки не улучшают ситуацию.

— Он съел обертки? — это был глупый вопрос. Чего я ожидала, что Голиаф сядет и будет

разворачивать каждую конфетку лапами? — Мне так жаль.

— Это не твоя вина. Мама впустила его внутрь, и она знала о конфетах на полу. Она просто не подумала, что Голиаф будет настолько глуп, чтобы всё это съесть, — его глаза приняли отчужденное выражение. — Хотя она могла бы догадаться после прошлого года, когда он съел всю деревню Полли моей сестренки Эбби.

— Голиаф съел деревню?

— Она была сделана из маленьких зефирок, приклеенных к картонке. Мы не нашли Полли. Ветеринар сказал, что она выйдет из из Голиафа в конечном итоге, но есть такие вещи, в которых не хочется копаться.

— Я сожалею, — сказала я снова. — С Голиафом будет всё в порядке?

— Да. Однако, ты не очень хотела бы оказаться рядом с девяностофунтовой собакой, которая под кайфом от сахара.

— Мне так жаль, — и потом, потому что извиниться три раза казалось недостаточно, — Мне правда жаль.

Отчужденное выражение ушло с лица Джоша, и, казалось, он вспомнил, почему стоял перед моим домом.

— Насчет твоей записки. Я не смог её почитать, но мама сказала, что она была от тебя. Что там было?

И это значило, что я должна в любом случае лично пригласить его на выпускной. Я с усилием сглотнула и попыталась повторить написанное.

— В записке было: "Круто как горы, пойти на выпускной с таким лакомым кусочком как ты. Я взрываюсь от нетерпения услышать твой ответ. Не отказывайся, позвони мне."

И хотя это мило выглядело в форме конфетогаммы, сообщение прозвучало действительно глупо, когда я сказала его вслух.

— Выпускной? — он неуверенно посмотрел на меня.

Неуверенность, это не то выражение лица, которого ожидаешь от парня, когда приглашаешь его на свидание, и я начала готовиться к еще одному отказу от Джоша.

Я была вторым сортом. Или еще хуже, третьим или четвертым, или даже в только-если-ты-будешь-последней-женщиной-на-земле категории.

Джош склонил голову.

— Но ты разве не идешь с Логаном?

— С Логаном?

— Да, я думал, что вы — пара.

— Мы не встречаемся. Почему ты так подумал?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Думаю, потому, что каждый раз, когда я вас вижу, вы все время вместе.

Ну, это объясняло, почему он не флиртовал со мной в ответ. Он думал, я была занята.

Теперь, когда недопонимание ушло, между нами всё будет по-другому.

Я попыталась не краснеть.

— Нет, сейчас я ни с кем не встречаюсь.

— Ох, — Джош слегка улыбнулся, и мне стало интересно, покраснела ли я, не смотря на все усилия.

— Ну, тогда я буду счастлив пойти с тобой.

Мы обсудили детали, день и время, и все время я продолжала слышать его ответ "Я буду счастлив пойти с тобой".

Он был счастлив. И я была благословенна.

В пятницу утром, когда я сунула булочку в тостер для завтрака, мама зашла в кухню и

прислонилась к столу.

— Нам надо поговорить.

Поговорить. О нет. Это всегда плохие слова, когда они исходят из уст родителей.

Прежде, чем я смогла что-либо сказать, мама продолжила.

— Во время нашей после-ярмарочной встречи, Изабель Вудрафф сказала мне, что она сожалеет о том, что кто-то сделал листовки о тебе. Она хотела узнать как у тебя дела, — мама выстукивала быстрый, злой ритм пальцами по поверхности стола. — Мне пришлось сказать ей, что я не имею представления, о чем она говорит.

Моя булочка выпрыгнула из тостера, но я не взяла её. В тот момент она была не единственной горячей вещью.

— Почему ты мне не рассказала об этих листовках? — продолжила мама. — Я имею в виду, если кто-то в школе распространяет о тебе грязные сплетни, почему ты даже не упомянула это при своих родителях? Мы любим тебя, Саманта. И мы хотим знать о таких вещах.

Грязные сплетни. Слова звенели у меня в ушах. Я открыла рот, чтобы сказать что-нибудь, но не смогла. Как я могла теперь, и вообще когда-либо сказать ей правду?

— Это просто избирательная кампания. Все ожидают чего-то подобного.

— Ну, надеюсь, ты пошла прямо в кабинет и пожаловалась?

Я взяла булочку из тостера и положила себе на тарелку, не смотря на то, что я больше не чувствовала себя голодной.

— Я позаботилась об этом.

— Любой, кто использует такие средства, должен быть исключен из гонки.

Я ничего не сказала. Я просто погрузила нож в масло и медленно распределила его по тосту.

Мама невидящим взглядом смотрела в пространство и качала головой.

— Конечно, я дала всем понять, что в этих листовках была неправда. Ты даже не получила свои оценки. Восемьсот десять, честное слово, — теперь мама посмотрела на меня. — Может быть, они придут сегодня.

— Может быть, — если у кого-то в комитете АОТ было действительно жестокое чувство юмора и он отправил вторую копию, то да.

В художественном классе учитель попросил нас найти журнальную картинку, которая выражает эмоции и нарисовать её. Пока я была в кладовке, листая журнал "Дом и Сад", зашли Кессиди и Элис. Элис бросила стопку журналов рядом со мной и прислонилась к стойке.

— Скажи мне, Саманта, когда ты пригласила Джоша на выпускной, ты пыталась убить нашу собаку или просто испортить ковер?

Я смотрела в журнал, а не на неё.

— Откуда я должна была знать, что ваша собака съест мое приглашение? Я рассыпала не собачий корм.

— Некоторые люди предпочитают беседовать по телефону. Так понятнее.

Я воздержалась от оскорбления. Это потребовало сверхчеловеческих сил. Кессиди с такой силой перевернула страницу журнала, что она почти порвалась пополам.

— Знаешь, Саманта, я не имею отношения к тем листовкам. Тебе не надо было идти и... — она не закончила утверждение. Она просто перевернула еще одну страницу.

— Идти и что? — спросила я.

— Идти, и нарочно делать вещи, которые меня расстраивают.

— Я пригласила Джоша не для того, чтобы тебя расстроить.

Элис проигнорировала меня и кивнула Кессиди со знающим видом.

— Видишь, тебя бы не беспокоило, что Саманта кидается на Джоша, если бы у тебя не было к нему чувств. Это доказательство.

— Это ничего не доказывает, — сказала Кессиди.

— Я не кидаясь на Джоша, — сказала я. — Я просто пригласила его на танцы.

Кессиди закатила глаза.

— Видишь, — сказала Элис. — Признай это. Ты расстроена.

— Я не расстроена, — сказала Кессиди, потом добавила для меня. — Если ты хочешь встречаться с ним, отлично. Можешь даже выйти за него замуж.

Элис повернулась ко мне и тихим голосом сказала:

— Тебе лучше не продолжать преследовать Джоша. Ему нравится Кессиди. И всегда нравилась.

— Спасибо за предупреждение, — мило сказала я. Если мы с Джошем когда-нибудь поженимся, я определенно не буду просить Элис стать подружкой невесты.

После обеда ко мне подошел Логан, когда я вынимала учебник по биологии из шкафчика. Он завел привычку проверять меня между уроками, и он теперь прислонился к шкафчику рядом с моим.

— Я слышал, ты и Джош Бенсон идете на выпускной.

— Ага, — я хотела увидеть намек на ревность на лице Логана, но он только кивнул. — Так что произошло между тобой и Бредом?

Как будто он не знал. К этому моменту все в школе знали, что Бред бросил меня.

Я просто улыбнулась Логану.

— Ничего не получилось.

— Но ты все еще увлечена Бредом, да?

— Я думаю, это было бы увлечением, если бы Бред... — я осеклась только за секунду до того, как успела выплюнуть оскорбление.

Он широко улыбнулся.

— Почти поймал тебя.

Я со стуком закрыла шкафчик.

— Знаешь, тебе действительно придется сдаться в этом глупом пари, потому что я сомневаюсь, что такие парни, как ты, нравятся Веронике.

— Почему нет?

— Потому что ты... — я снова осеклась, и потом просто покачала головой, чтобы показать ему, что больше не собираюсь с ним разговаривать. Я прислонилась к шкафчику и ждала, что он уйдет, но он остался там, где был и наблюдал за мной.

Его глаза прямо сверкали. Это было действительно странно, насколько он стал общительным с момента нашей сделки. Как будто мучить меня стало главным развлечением в его жизни.

Он наклонился ко мне:

— У тебя все еще одна длинная неделя до тех пор, когда ты сможешь сказать мне гадость. Почему бы не сдаться сейчас и не избавиться себя от беспокойства?

— Ты тот, кто должен сдаться. Знаешь, что люди говорят о нас?

Он пожал плечами:

— Что мы азартные?

— Нет. Что мы нравимся друг другу.

Он с изумлением отдернул голову назад.

— Почему?

— Потому что мы всегда разговариваем друг с другом и потому... смотри, ты сейчас это делаешь.

— Делаю что? — спросил он с неподдельной тревогой.

— Ты стоишь слишком близко ко мне.

Он посмотрел туда, где стояла я и на свои собственные ноги.

— В чем проблема с тем, как я стою? Я по меньшей мере в двух футах от тебя.

— Да, но ты наклоняешься ко мне.

— Только потому, что ты говоришь так тихо, и, кроме того, ты тоже наклоняешься ко мне.

Я не замечала этого раньше, и сейчас я выпрямилась, но не очень сильно.

— Тебе нужно прекратить провожать меня на занятия или сделать честную вещь и пригласить меня на свидание, потому что иначе люди будут думать, что ты играешь с моими чувствами.

— Играю с твоими чувствами? — он больше и больше удивлялся. — Никто так не подумает.

— Джош и все мои подруги сказали мне, что они думали, будто что-то происходит.

— Это всего лишь несколько людей.

— Если мои друзья так думают, то и остальные тоже... — я пожала плечами. — Просто мои друзья не держат свое мнение при себе.

Логан скрестил руки, но не отодвинулся от меня.

— Ну, скажи своим друзьям, чтобы они перестали распространять сплетни о нашей личной жизни.

Как только Логан сказал это, два парня из нашего класса обогнули угол и прошли мимо нас.

Они посмотрели на нас с поднятыми бровями, один ухмыльнулся, но никто ничего не сказал.

Я подождала, пока они не прошли, потом прошептала Логану:

— Видишь, еще два дезинформированных человека. И, кстати, ты опять ко мне наклонился.

Он встал прямо и отошел от меня на шаг.

— Нет, и эти парни дезинформированны, потому что я сказал насчет нашей личной жизни.

— Именно то, что я имею в виду. Тебе нужно прекратить это делать.

На какой-то момент он выглядел так, как будто не знал, что сказать, и потом погрозил мне пальцем.

— Ты говоришь это только потому, что не хочешь, чтобы я был рядом с тобой в школе. Потому что ты знаешь, что если я буду с тобой разговаривать, ты проиграешь спор.

— Я просто подумала, что будет лучше, если из-за этих сплетен тебя не будет рядом со мной в течение какого-то времени... скажем, неделю.

— Ни за что. Я буду твоей второй тенью, — и потом он нарочно сделал два шага ко мне и наклонился так, что почти стал касаться меня.

Я не знаю почему, но я почувствовала, что краснею. Я не была так близко к Логану с восьмого класса. Если я чуть-чуть вытяну пальцы, то смогу дотронуться до его руки. Я однажды держала его за руку на танцах, но, забавно, тогда я не краснела от этого.

Я не смогла побороть улыбку.

— Если ты перестанешь вертеться вокруг меня, я уверена, я скорее оступлюсь.

— Ни за что. Я буду так близко к тебе, что к концу следующей недели сплетни предскажут дату нашей помолвки, придумают имена детям и выберут для нас собаку.

Пока мы шли в кафетерий, я продолжала говорить Логану, что он должен оставить меня одну на всю неделю, а он продолжал настаивать, что не отойдет от меня ни на шаг. Это, каким-то образом, не казалось таким уж плохим.

Знаете, я никогда не увлекалась реверсивной психологией, но внезапно, внезапно я приобрела уважение к этому методу.

В понедельник девочка из класса журналистики сфотографировала кандидатов для школьной газеты. Она спросила каждого из нас, какой будет главная цель нашего президентства. Я сказала, что хотела развивать единение в школе.

Эми сказала, что она хочет организовывать учебные проекты, и потом продолжила объяснять необходимость быть платежеспособными и что наш долг — предоставлять услуги обществу. Технически, я подумала, что это может считаться двумя целями, но репортер деловито записала всё. Я хотела бы придумать что-то, что могло бы вылиться в другие цели, как у Эми, потому что казалось, что у неё запланирована активная программа, и, если обдумать это, так скорее всего и было.

Рик сказал, что если его выберут президентом, то его главной целью будет сменить наш талисман на что-то отличное от борзой, потому что борзые — это худые маленькие собачки, которых другие собаки могли бы побить при случае. Никто, настаивал Рик, не боится борзых, поэтому он думал что мы похожи на неуравновешенных почтовых работников. Типичный Рик.

Всю неделю Логан держал свое слово насчет того, чтобы стать мой второй тенью. Я видела его в обед, между занятиями и после школы. Во вторник и четверг я видела его не только в школе, но и на работе. Он постоянно был рядом со мной, задавая вопросы "У нас есть еще экземпляры этой прекрасной книги о борьбе?" или "Как думаешь, еще слишком рано, чтобы напомнить мистеру Дональдсону заказать календарь Горячие Штучки?"

Мне даже не хотелось сказать гадость. Мне на самом деле нравилось внимание Логана. Кроме всего прочего, он был парой Кессиди на выпускной, и он игнорировал её, чтобы быть со мной каждую свободную минуту. Кому бы это не понравилось? Все это время я внимательно подбирала одежду и укладывала волосы, но это было исключительно ради выборов.

В пятницу, просто чтобы позлить Логана, я начала называть его ласковыми именами каждый раз, когда я его видела. Я так же постоянно напоминала ему о том что это был последний день нашей сделки.

— Три часа до того момента, когда наше пари закончится, дорогой, — сказала я, когда мы шли на обед.

Он вздохнул:

— Я знаю.

— Ты можешь распрощаться с мыслью о Веронике.

— Я знаю.

— Она все равно была недостаточно хороша для тебя, скунсик.

— Да-да.

— Я упоминала, что на свидании я закажу несколько закусок?

— Шесть или семь раз.

— Увидимся после следующего урока, о посвященный.

Я села за свой стол и Логан прошел туда, где обычно сидел. Я взяла сендвич из коробки с обедом, подруги вопросительно уставились на меня.

— Что? — спросила я.

— О посвященный? — сказала Челси. — Мы только что слышали "о посвященный?"

Рашель откусила от морковки.

— И я думала, что те бодрые комментарии вроде "хорошего дня" были надоедливыми.

Я подняла сендвич и откусила корочку.

— Это последний день спора. Я собираюсь подождать до трех часов, а потом скажу Логану свое мнение о нем и о рэп-музыке.

Челси закатила глаза.

— Просто стань нормальной к завтрашнему дню, хорошо?

— Ох, определенно, — сказала я. — Я буду нормальной как всегда.

После школы я ждала у шкафчика Логана. Он собирал свои учебники, а я смотрела на часы и вела обратный отсчет.

— Пятнадцать минут и сорок пять секунд до того, как наше пари закончится. Пятнадцать минут и десять секунд до того, как наше пари закончится.

— Я не могу ждать результатов, — сказал он. — Просто расскажи, чем всё закончится.

— Что ты имеешь в виду, ты не можешь подождать? Ты ходил за мной постоянно в течение двух недель, и теперь ты не можешь подождать еще, — я посмотрела на часы — четырнадцать минут и пятьдесят две секунды?

— У меня есть дела. У нас с Кессиди двойное свидание с Элис и Тайсоном, и мне нужно забрать фраки. Но увидимся завтра вечером. Ты сможешь мне все рассказать.

— Ох, — я не была уверена. почему мне было неприятно это слушать. — Ну, почему бы тогда не считать, что пари закончится сейчас? Ты знаешь. что ты неудачник.

Его рот открылся.

— Я кто?

— Это было не оскорбление, а просто предсказание результата.

Он помотал головой.

— Саманта, ты такая врушка.

— Скажи это лобстеру, — ответила я и ушла.

В субботу я взяла выходной на работе, чтобы помочь организационному комитету превратить школьный кафетерий в бальную залу с настроением. Мы привезли шелковые деревья и поставили в углу фонтан. Мы оплели стекловолокном и лентами перила. Я лично развесила мерцающие гирлянды по всей комнате. Я даже позвала папу, чтобы он помог мне прикрепить их к потолку, чтобы они выглядели как звезды.

В шесть часов Джош заехал за мной, чтобы отвезти на ужин. Он стоял в нашей гостиной и выглядел так, как будто он только что вышел из рекламы красивых мужчин. Он приколот букетик розовых роз к моему платью. Потом я с трудом приколотла бутоньерку к его лацкану и при этом не уколола его, а мои родители сделали по меньшей мере дюжину фотографий, чтобы запомнить это событие.

Наконец, фотографирование закончилось и мы отправились на ужин в Базилос. Во время еды я узнала, что Джош изучает медицину в колледже. Очень впечатляюще. Он сможет себе позволить ту виллу в Испании.

Он спрашивал меня о школе, и забавно, но каждый раз, когда я хотела пожаловаться насчет учителей или учеников, я этого не делала. Я просто не могла себя заставить. Это было словно последние две недели без гадостей спали с меня, но все еще было неестественным сказать что-то плохое о ком-либо. Я боялась, что откуда-нибудь выскочит Логан, покажет на меня пальцем и закричит: "Ага!"

Логан. Он бы рассмеялся, если бы узнал, что со мной сделал этот глупый спор. И он бы смеялся, узнав, что я сижу здесь с парнем и думаю о нем. Я уверена, что там, где были они с Кессиди, он не думал обо мне.

Джош сделал глоток воды из своего стакана, но потом, вместо того, чтобы снова взять вилку, он улыбнулся мне.

— Ты действительно изменилась за последний год.

— О? — это была та часть, где он говорит мне, что он был дураком, что он должен был встречаться со мной вместо Кессиди, что я не второй сорт.

— В прошлом году... — он пожал плечами, как будто не знал, как это объяснить. — Ты была такой циничной.

— Циничной?

— Ты всегда всех критиковала.

Я уставилась на него, в горле появился ужасный комок.

Он, должно быть, подумал, что я не поняла его.

— Я имею в виду, что рад твоей перемене, потому что циничные люди всегда заставляют меня нервничать. Я думаю, что это только вопрос времени, когда они станут критиковать меня.

Я хотела сказать ему "Хватит объяснять, я всё поняла. Ты думаешь, я оскорбляла людей. Ты возможно думал, что я не смогу прожить две недели, не сказав никому гадость".

Логан был прав насчет меня. Ох, это причиняло боль.

Поэтому я ничего не сказала и продолжила есть свой ужин. Я пыталась успокоиться мыслью, что я изменюсь. Начиная с этого момента, я буду более доброй и мягкой Самантой. Я не говорила никому гадостей в течение двух недель, и я смогу это продолжить. Тогда комплимент, который сделал мне Джош, будет правдой. Я хотела, чтобы он был правдой.

Я улыбнулась Джошу в ответ.

— Я бы не подумала, что тебе стоит беспокоиться, что кто-нибудь будет критиковать тебя. Я имею в виду, что нечего критиковать.

Он рассмеялся и сказал:

— Очевидно, ты не проводила время с Элис за разговорами обо мне, да?

— Нет.

Он взял вилку, но потом помедлил.

— Вы не ладили в последний год. Я никогда не мог понять, почему.

Старая я подсказала бы несколько причин, начиная с того факта, что я слышала, что Элис, более чем один раз называла меня "её королевская блондинистость", но новая я сдержалась. Я улыбнулась и пожала плечами, как будто тоже считала этот факт загадочным.

После ужина мы поехали обратно в школу для Золушкиной части вечера. Пока мы поднимались по лестнице, я знала, что волшебство ждет нас на танцполе.

Джош будет обнимать меня, смотреть в мои глаза и все будет идеально.

В фойе музыка наполняла воздух и я чувствовала деликатный запах розовых лепестков вокруг. На самом деле, комитет купил дюжину освежителей воздуха "Весенний букет" и разложил их по комнате. Однако эффект был тем же самым — я вдыхала запах романтики.

Я взяла руку Джоша и мы зашли в танцевальную залу. Я прибыла на бал.

Было странно танцевать под рок-музыку в бальном платье. Казалось, мы должны вальсировать, но никто больше не выглядел обеспокоенным этим, поэтому через несколько минут я тоже расслабилась.

Обычно, когда я танцевала с парнем, он смотрел на меня. Джош оглядывал комнату.

Возможно, он скользил по волнам памяти. Началась следующая песня, но он продолжал осматривать помещение каждые несколько секунд. Возможно, он оценил мои усилия по декорированию.

Или может быть он кого-то искал.

Я получила ответ, когда Кессиди и Логан вошли в комнату. Взгляд Джоша перешел на неё и оставался там несколько секунд.

Правда, она выглядела симпатично. Она была одета в развевающееся светло-голубое платье, а волосы были подняты наверх и маленькие розовые розочки сидели в её причёске тут и там. Утонченно и невинно. Даже Челси бы оценила.

Джош, вероятно, смотрел на неё только потому, что она выглядела иначе, чем обычно. Через секунду его внимание вернется ко мне. Конечно.

В ожидании этого, я украдкой бросила взгляд на Логана. Стоя во фраке, он выглядел выше, старше и привлекательнее. Он взял руку Кессиди, улыбнулся ей и повел её на танцпол.

Песня закончилась и началась медленная композиция. Джош мягко притянул меня к себе. Я ждала этого момента, но почему-то не почувствовала волшебства. Я просто поняла, что мы были в положении для медленного танца. Мне было интересно, наблюдал ли он за Кессиди через мое плечо.

Я пыталась сменить тему, даже не смотря на то, что мы не разговаривали.

— Я думаю, школа не очень изменилась за последний год.

— Нет, до тех пор пока мигающие гирлянды — постоянный аксессуар.

— Эй, не смейся надо моими гирляндами. Я стояла на стремянке два часа, чтобы повесить их.

Он усмехнулся:

— Ты хорошо поработала с украшениями. Ты очень целеустремленная. Ты станешь хорошим президентом.

— Ты действительно так думаешь?

— Конечно.

— Элис и Кессиди помогают Эми Сток, — не знаю, почему я это сказала. Полагаю, что

хотела, чтобы он узнал правду о Кессиди и перестал смотреть на неё с вожделением.

Вместо этого он сразу же повернулся и снова посмотрел на неё.

— Правда? Почему?

Я хотела сказать "Потому, что она мне не подруга. Потому, что она мстительная и грубая."

Вместо этого я пожала плечами и сказала:

— Думаю, так бывает.

Мои подруги были бы разочарованы тем, насколько далеко оказались мои едкие комментарии.

Джош слегка сжал мою руку, сочувствуя мне.

— Я бы проголосовал за тебя, если бы смог.

— Спасибо, — мне стало немного лучше.

По меньшей мере, я чувствовала себя немного лучше, пока он в следующий раз не взглянул на Кессиди. И еще раз после этого. И еще раз потом.

К тому времени, как мы протанцевали еще несколько песен, моя челюсть была сжата так сильно, что я, вероятно, выглядела как бальный вариант щелкунчика.

Зачарованный Принц, я была уверена, никогда не смотрел ни на кого другого, пока танцевал с Золушкой. Я вспомнила нашу беседу в ресторане.

— За что кто-нибудь смог бы тебя покритиковать, Джош? — спросила я.

Внезапно ответ на этот вопрос стал очень явным.

Что с ним случилось? Кессиди была такой обворожительной, или просто я такой неинтересной?

Вместо того, чтобы доказать, что я больше не второй сорт, он очевидно подтверждал это. Я разрывалась между желанием бороться за его внимание и желанием пнуть его по голени.

Когда следующая песня закончилась, я сказала:

— Я хочу пить. Не хочешь пойти и взять что-нибудь?

— Конечно, — мы медленно прошли вместе к столу с закусками, но он не взял мою руку, а я не взяла его. Мы взяли газировку и несколько сахарных печений в форме сердечек и направились на островок, где ждали ряды стульев и столов. Музыка не казалась здесь такой громкой, но мы все еще могли видеть всех на танцполе.

Я упала на стул, и Джош сел рядом со мной. Он медленно отхлебнул газировку. Я разломала своё печенье-сердечко пополам. Миссис Мортенсон, учитель английского, сказала бы, что это символично. Она недавно рассказывала нам о символизме и была таким специалистом в этой теме, что, я уверена, могла бы найти глубокий символизм в списке ингредиентов на коробке с крекерами

Я откусила с одного конца печенья. Тоже символично. Съешь свое сердце.

И потом я рассмеялась. Обычно я не могла выбросить парней из головы на уроке английского. Сейчас, я даже на свидании думала о литературной терминологии. Какой прекрасный пример комедии положений.

Джош вопросительно посмотрел на меня, но я не объяснила. Если бы он хотел, чтобы я поделилась своими мыслями, он по меньшей мере мог бы обращать на меня внимание две минуты подряд.

После нескольких секунд тишины он сказал:

— Ну, как дела и спортивных команд в этом году?

— Примерно так же. Мы что-то выигрываем, что-то проигрываем.

Он кивнул:

— Это хорошо, — и он снова взглянул на Кессиди.

Я хотела сказать "Если у тебя устали глаза, можем смотреть на неё по очереди".

Мы доели печенье в тишине, потом, возможно, потому что он больше не мог придумать тему для светской беседы, он сказал:

— Не хочешь еще потанцевать?

— Конечно.

Мы поднялись и прошли к танцполу. Элис, Тайсон, Кессиди и Логан стояли вместе на краю площадки и разговаривали. Когда мы проходили мимо, Элис помахала нам, подзывая.

Джош подошел к ней, и я следовала за ним.

— Привет, — сказал он. — Как дела?

— Отлично, как всегда, — ответила Элис.

Я не хотела вставать рядом с Логаном, но каким-то образом это случилось. Он осмотрел меня с улыбкой, которую я не могла понять.

Я хотела поговорить с ним, но не перед всеми. Я в течение минуты слушала, как разговаривают Элис, Джош и Тайсон. Когда я была уверена, что никто не наблюдает за мной и Логаном, я взглянула на него. В тот же самый момент он посмотрел на меня в ответ. Я наклонилась ближе к нему и спросила: — Знаешь, я выиграла наш спор.

— Поздравляю.

— Я свободна в следующую субботу.

— Хорошо. Заеду за тобой в шесть.

Я улыбнулась и повернулась к остальной компании. Я должна была чувствовать себя немного виноватой, устраивая одно свидание посередине другого, но почему-то не чувствовала. Я просто внимательно посмотрела на всех и притворилась, что слежу за беседой.

Логан наклонился и шептал мне на ухо:

— Это все, что ты можешь сказать?

— О чем ты?

Он сказал шепотом:

— Я думал, у тебя вагон оскорблений в мой адрес.

— Ах, да, — я думала несколько секунд и потом сказала, — Рэп-музыка ужасна, Фрейд был странным, Дугу Кемптону надо вырасти.

— Что насчет меня?

— Ты надоедливый.

— И это всё? Это твой запас? После двух недель?

— Я просто не циничный человек, — я только немного покраснела, произнеся эту фразу. — Даже Джош так сказал.

И как раз в этот момент Джош решил включиться в нашу беседу.

— Что я сказал? — спросил он.

Я не хотела повторять ни одного слова, поэтому я просто притворилась, что не понимаю, о чем он говорит. Я послала ему немного смущенный взгляд.

— Что ты сказал?

— Я сказал "Что я сказал?" — ответил Джош.

Я моргнула несколько раз.

— Я сдаюсь. Что ты сказал?

Я догадывалась, что Джош взвешивает, стоит это того, чтобы прояснить, или нет, когда вмешалась Элис:

— Я знаю, что ты сказал. Когда мы были дома, ты обещал мне танец, — она протянула к нему руку. — Только что начался тот, который мне нравится. пойдём.

Джош повернулся ко мне с извиняющимся видом.

— Я пообещал её. Я вернусь через минуту, — и потом он пошел на танцпол с Элис. Она

через плечо сказала Тайсону, — Ты можешь потанцевать с кем-нибудь другим одну минуту, почему бы тебе не пригласить Кессиди?

Глаза Кессиди расширились, но Тайсон, казалос, не был ошеломлен её предложением.

Он просто протянул руку Кессиди:

— Пойдем?

Кессиди бросила взгляд на Логана, посмотреть, будет ли он возражать, и когда он ничего не сказал, она взяла руку Тайсона и они прошли на танцпол.

Какое-то время ни Логан, ни я ничего не говорили, потом он наклонил голову:

— Думаю, мы остались вдвоем. Хочешь потанцевать?

Я протянула руку в ответ. Он взял её в свою и мы пошли на площадку.

Я держалась за руки с Логаном на выпускном. Как странно. Сюрреалистично, как сказала бы миссис Мортенсон. Сюрреалистично и... я не смогла придумать другого слова, которое подошло бы.

Английский язык меня подвел.

Прежде, чем мне в голову придут мысли, которых там не должно быть, я напредила себе, что Логан не хотел на самом деле быть со мной. Он хотел танцевать с Кессиди. Так же, как и Джош.

Логан провел меня в глубину толпы и свободно обнял меня. Я почувствовала запах его лосьона после бритья и чувствовала мышцы его плеча под фраком. Я неожиданно обнаружила, что сложно удержаться от мыслей, поэтому я обвела взглядом комнату, чтобы не смотреть на него.

Элис и Джош танцевали неподалеку. Они двигались по полу, непринужденно разговаривая, и я гадала, слушает ли он свою сестру или включится Кессиди-радар и он будет игнорировать и Элис тоже.

Логан положил руку мне на спину и мы медленно танцевали в ритме музыки. Я почувствовала желание прислониться ближе к его шее и вдохнуть аромат лосьона, но сдержалась.

Вместо этого, я наблюдала за Джошем через плечо Логана.

Ожидала ли я слишком многого от сегодняшнего вечера? Все, чего я хотела — это милый романтичный вечер. Я ждала его годами. Я купила платье, организовала свидание в последнюю минуту, украсила комнату, сделала прическу, все для того, чтобы насладиться одной романтической ночью.

Вместо этого, я смотрела, как мой парень танцует с кем-то другим, и я думала о парне, чьей целью в последние две недели было заставить меня встречаться с другим парнем, чтобы он мог встречаться с другой девушкой. Это было ужасно.

Логан отстранил меня, чтобы мы могли поговорить.

— Ну, ты хорошо проводишь время?

Я снова взглянула на Джоша.

— Что такое происходит с мужчинами?

— Думаю, это значит нет.

Я потрясла головой, потому что не хотела объяснять.

— Я пришла к выводу, что все парни младше двадцати одного, еще дети.

Он вздрогнул.

— Жестко. Что именно сделал Джош?

— Дело не в том, что он сделал. Просто... — я подняла голову, чтобы посмотреть на него. — Это выпускной вечер, девочки этого ждут. Ты парень. Скажи мне, почему парни не могут быть романтичными?

— А-а-а, — Логан с пониманием кивнул. — Понятно. Джош недостаточно искупал тебя в комплиментах.

Я почти сказала "Он недостаточно обращал на меня внимание, чтобы придумать комплимент."

— Я не знаю, почему я тебя спросила. Ты не сможешь сказать ничего романтического, даже если твоя жизнь будет от этого зависеть.

Он улыбнулся мне:

— Уверен, что смогу.

— Докажи.

Он взглянул вверх на секунду, как будто советовался со звездами, в нашем случае, с гирляндами, и потом посмотрел мне в глаза.

— Ты очень красивая.

— Видишь, что я имела в виду? Это не романтично. Мама сказала мне точно то же самое перед выходом. Если это может сказать мама, то это не считается за романтику.

— Хорошо, я буду более точен, — Логан нагнулся ближе ко мне, обнял меня крепче и тихо сказал мне на ухо. — Саманта, ты такая красивая сегодня, что когда я зашел и увидел тебя в зале, я обрадовался, что проиграл наш спор.

Должна признать, мое сердце остановилось на несколько секунд.

— Ладно, — медленно сказала я. — Это было неплохо, но возможно это просто совпадение.

Он покачал головой:

— Что случилось с девушками и романтикой?

— Если ты хочешь спросить, — сказала я, все еще не восстановив дыхание. — то ты не поймешь.

Он прижал меня немного сильнее. Его глаза немного сузились, а брови сошлись.

— Вот что я хочу знать: что не так с нормальными парнями в футболках? Девчонки всегда хотят таинственных незнакомцев, которые вскружат им голову.

— Таинственный и незнакомый это опционально, — сказала я. — Но вскружить голову — это обязательно.

— Видишь, это как раз то, что я имею в виду. Ты не хочешь парня с характером или с состоянием, ты просто хочешь кого-то, кто хорошо танцует и у кого мечтательные глаза.

— Ты хорошо танцуешь, — я склонила голову. — У тебя мечтательные глаза, и я даже могу найти несколько черт в тебе, которые я считаю загадочными, например, почему тебе нравится работать с останками машин. Так может быть, тебе не стоит относить себя к парням с...

В тот момент я заметила, что Тайсон и Кессиди подошли к Элис и Джошу. Тайсон вмешался, забрав Элис от её партнера и оставив Джоша танцевать с Кессиди.

Кессиди стояла на паркете, не двигаясь какое-то время и краснея, но Джош, казалось, чувствовал себя свободно. Он улыбнулся ей сверху вниз. Потом он взял её руку в свою, притянул к себе и они начали раскачиваться туда-сюда.

В этот раз Джош был полностью поглощен своей партнершей. Логан заметил, что я уставилась туда, и обернулся посмотреть на танцующих Кессиди и Джоша.

— Они поменялись партнерами, — сказал я. — Я подозреваю, что Элис и Джош задумали это с самого начала.

Логан улыбнулся, как будто ему было все равно.

— Я не буду держать на него зла.

— Тебе все равно?

Он пожал плечами.

— Как я могу возражать против того, чтобы Джош танцевал с моей спутницей? Помимо

прочего, я танцую с его.

В его словах был смысл, особенно учитывая тот факт, что он только что шептал мне романтические слова. Однако, я все еще пялилась туда, где Джош держал Кессиди в объятиях.

Логан сказал:

— Однако, это беспокоит тебя, разве нет?

Я ничего не ответила. Я понимала, что он спрашивает, нравится ли мне Джош, но я не знала, что ответить.

Я оторвала взгляд от Джоша и Кессиди.

— Просто, такое ощущение, что он делает это у меня за спиной.

Он поднял бровь и медленно кивнул:

— А ты никогда не делала ничего подобного?

— О нет. Ты не превратишь этот танец в еще одну серию издевательств над Самантой. Я думала, мы говорили о романтике и особенно о том, как тебе её недостает.

— Я думал, ты сказала, что у меня мечтательные глаза и я загадочный.

— Я просто оценивала твой потенциал. Ты еще не доказал мне ничего.

Он рассмеялся, и притянул меня ближе, он сказал мне на ухо:

— Tu es tres belle quand tu marches dans les vestibules, quand tu empiles des livres, et quand tu pleures.

Я ничего не поняла, потому что изучала испанский вместо французского, но то, как эти слова прошептали мне на ухо, было романтичным. Я почувствовала себя, как будто все мое тело могло расплавиться как свечка прямо на полу.

Мне было все равно, были ли Джош и Кессиди вместе. Мне было все равно, вернулся ли они. Я хотела остаться здесь, танцевать с Логаном и слушать, как французские слова падают с его губ.

Потом я оттолкнула эту мысль. Логан не имел в виде ничего из этого. Он просто доказывал мне насчет романтики.

Очень весомый аргумент.

Очевидно, я была такой дурочкой, что мое сердце начинало биться быстрее от романтических слов, неважно, кто их говорил.

— Очень хорошо, — сказала я. — Но зная тебя, ты только что сказал мне, что я должна менять масло в машине каждую тысячу миль, разве нет?

— Нет, я сказал тебе, что ты красивая когда идешь по коридору, когда складываешь книги и даже когда плачешь.

Какой странный комплимент.

— Ты никогда не видел, как я плачу.

— Нет, видел. В восьмом классе на английском, когда мы смотрели "Где растет красный мох". Ты плакала в конце. Это был первый раз, когда я подумал, что ты красивая.

— Когда я плакала?

— Да, когда ты плакала.

Когда я плачу, мое лицо становится красным и глаза опухают. Я безмолвно обдумывала эстетический вкус Логана какое-то время и потом вернулась мыслями к тому далекому дню. Мне нравилось думать о том, что он заметил меня тогда, или о том, что я ему нравилась. Я медленно вздохнула.

— Что случилось с нами?

— Ты меня бросила.

— Ну, да, но некоторые парни пытаются завоевать девушку обратно, знаешь.

— Я знаю, но в тот момент ты стала действительно раздражать меня, — за его

утверждением последовало короткое — Ой!

— Извини, — я улыбнулась ему. — Я наступила тебе на ногу? Иногда так сложно поставить правильно ногу в этих шпильках.

Он хромал несколько шагов:

— Это как раз то, о чем я говорю.

Я продолжала танцевать, как будто ничего не изменилось.

— Не будь нелепым. Я никогда не наступала тебе на ногу в восьмом классе. Фактически, я была с тобой милой до того дня, когда ты решил подредактировать Шекспира на английском.

Он боролся с улыбкой:

— Не могу поверить, что ты все еще это помнишь.

— Ты собрал все учебники и написал мое имя под "Укрощением строптивой".

Он немного отстранил меня, как будто опасался.

— Хорошо, я был груб с тобой поначалу, я приношу извинения.

— Ты просто не хочешь, чтобы я снова наступила тебе на ногу.

Еще одна улыбка расплзлась на его лице:

— Ну, если шпильки подходят...

Я топнула ногой, но от раздражения:

— Логан, ты самый несносный...

Музыка начала утихать, и Логан уронил руку с моей талии.

— Что же, песня закончилась. Давай пойдем обратно.

Я не отпустила его руку.

— Нет, не пойдем. Мы посередине беседы. Наши спутники могут подождать еще один танец.

Крепко взявшись за его руку, я притянула его на несколько шагов ближе к центру танцпола. Когда Джош и Кессиди шли мимо нас, я слегка помахала им рукой. Джош выглядел смущенным, но мне было все равно. Ему пойдет на пользу постоять и посмотреть, как я танцую со спутником Кессиди.

Логан сказал:

— И это еще одна вещь, Саманта. Ты слишком властная, — но он не сопротивлялся. Началась еще одна медленная песня, и он положил руки обратно на мою талию и начал двигаться в ритме музыки.

Некоторое время я просто танцевала с ним, наслаждаясь его объятьями.

Потом я подняла к нему лицо.

— Я думаю, ты как раз извинялся передо мной за то, что был груб со мной в последние три года.

— Гм, да. Сожалею об этом.

Я снова захотела наступить ему на ногу.

— Ты по меньшей мере мог бы мне сказать, почему так себя вел.

Он пожал плечами, как будто ему надо было обдумать.

— Помнишь, мы ставили сцену из Гамлета на английском и ты была Королевой Дании?

— Да.

— Ну, ты много раз вела себя так, как будто на тебе все еще надета корона.

— Нет, не вела.

— Ты ведешь избирательную кампанию в школьном обществе, но ты настолько замкнутая, что проводишь все время в школе только с теми людьми, которые могут сойти за фотомоделей.

— Нет, — Обри была слишком невысокой для фотомодели.

— Ты велась приветливо с людьми только потому, что хочешь выиграть выборы. После

них ты опять станешь прежней — человеком, который думает только о себе.

Логан сказал обо мне сотни грубых вещей за последние годы, и я никогда не обращала на них внимания. В этот раз это ударило меня с резонирующим звуком. Я не могла ничего сказать в течение нескольких секунд, а потом я не знала, что ответить. Я хотела сказать "Ох, ты наверное хочешь увидеть, какой я стану красивой, когда заплачу" но не могла придумать, как сказать это в непринужденной манере. Я возможно расплакалась бы прямо там, на танцполе и то, что осталось от вечера, будет разрушено. На фотографиях будут опухшие глаза и огромные потеки туши, и меня запомнят навечно, как девочку, которая плакала на выпускном.

Логан, должно быть, почувствовал себя неловко, когда я ничего не ответила, потому что, протанцевав минуту в тишине, он сказал:

— Я сожалею, Саманта. Я не должен был этого говорить.

Да. Конечно. Он не раскаивался.

— Давай, думай обо мне всякие ужасные вещи, — сказала я. — Ты на самом деле меня совсем не знаешь.

И потом, потому что я думала, что могу разрыдаться, я оттолкнула Логана и побежала по танцполу. У него не оставалось выбора, кроме как последовать за мной, но я даже не взглянула на него.

Я подошла к столу, где сидели Кессиди и Джош. Они смотрели друг на друга, а не на меня и я услышала обрывок их беседы.

Кессиди сказала:

— Если ты не хочешь, чтобы я была холодна с тобой, ты не должен был меня бросать.

— Я думал, ты будешь немного более взрослой в этом вопросе, — сказал он.

— Извини, ты наверное перепутал меня с кем-то из твоих бывших девушек.

— Кессиди, — сказал он, и потом заметил меня. — Саманта, — сказал он сдавленным голосом. Должно быть, он не знал, что сказать еще и добавил, — Вот ты где.

— Да, я здесь, — я выдавила улыбку и притворилась, что не слышала, как они спорили. Я села на стул рядом с Джошем, только слегка успокоенная тем, что Джош и Кессиди не лучше провели время, чем мы с Логаном.

Логан подошел к столу и сел рядом с Кессиди, но смотрел на меня. Я с увлечением положила руку на локоть Джоша.

— Ты готов фотографироваться?

— Конечно, — в его голосе звучало облегчение. Возможно, потому что он мог уйти от Кессиди?

Я снова улыбнулась. Я не хотела думать о Логане и его обвинениях весь остаток вечера. Я буду думать только о Джоше. Правда, я немного злилась на него, но думать о нем лучше, чем думать о Логане.

И кроме того, у Джоша теперь была возможность забыть о Кессиди, может быть он теперь будет обращать внимание на меня. Итак, Джош. Он был высоким, темноволосым, привлекательным и думал, что я повзрослела с прошлого года.

Эта мысль вызвала во мне маленький укол вины. Джош думал, что я повзрослела, потому что я не говорила ни о ком гадостей, а единственной причиной было наше пари с Логаном. Может быть, Логан был прав и в других вещах?

Я стряхнула эту мысль. Я не могла думать только о себе. Я так не делала.

Пока мы шли фотографироваться, я слегка сжала руку Джоша. Он улыбнулся мне. Это значит, что он обращает на меня внимание, и вечер определенно должен стать лучше. Логан очень, очень ошибался. Я хотела обернуться и сказать "Видишь, кое-кто думает что я достаточно хороша, чтобы встречаться со мной, плюс он учится в колледже, значит умнее тебя".

Прежде, чем мы дошли до фотографа, к нам подошли Челси и Майк.

Она обняла меня, выразила восхищение украшением зала и быстро рассказала мне кто выглядит потрясающе, кто выглядит как в прошлом сезоне, а кто выглядит как проститутка в корсаже. Потом она повернулась к Джошу: — Ты видел новые улучшения в школе?

— Улучшения? — спросил он.

— Винтажное искусство Саманты Тейлор, — Челси взяла Джоша за руку и потащила его к фонтану для питья, где висели на стене несколько плакатов.

Мы все стояли перед моими плакатами, когда Челси с гордостью подняла к ним руку:

— Заметьте тонкие тени и прекрасную детализацию за буквами. Когда она станет президентом Соединенных Штатов, это будет стоит кучу денег.

Джош глазел на него со спокойным интересом.

— Это действительно очень хорошо.

Что он мог еще сказать?

— Он гораздо лучше, чем у конкурентов, — сказала Челси, махнув в сторону плакатов Рика.

Тогда я посмотрела, действительно посмотрела на другой плакат. Это был один из новых плакатов, которых я раньше не видела.

На нем было написано "РИК ДЕБРОК РУЛИТ ШКОЛОЙ. ГОЛОСУЙТЕ ЗА РИКА В ДЕНЬ ВЫБОРОВ".

Но не это привлекло мое внимание. Меня поразили буквы е, они были наклонены вперед, почти как неряшливые і.

Я продолжала смотреть на плакат. Фактически, в эти несколько секунд мои мысли и плакаты летели и переплетались, став единственными вещами, существовавшими во Вселенной.

Рик сделал листовки.

Я поняла это, но я не могла это осознать. Откуда он узнал мои оценки АОТ?

Конечно, Кессиди не рассказала бы ему. Кессиди и Рик вращались в совершенно разных школьных кругах. Они не разговаривали друг с другом. У них абсолютно не было повода общаться.

И потом все сложилось, как мозаика, в которой не доставало одного кусочка.

У Челси была причина, или даже у младшей сестры Челси была причина. Адриан встречалась с Риком. Внезапно, как будто в моей голове проигрывали фильм, я точно вспомнила время и место, когда я рассказала им об оценках.

Я не знаю, что было сильнее, гнев или разочарование. Я повернулась к Челси.

— Ты рассказала Рику о моих оценках, да?

Её глаза перешли на меня и улыбка исчезла.

— Нет, не рассказала.

Теперь я была даже более уверена.

— Да, рассказала, — я прижала пальцы ко рту и почувствовала, что рука тряслась. Тихим голосом я сказала, — я не могу поверить, Челси. Я доверяла тебе.

Она ничего не говорила несколько минут, и Джош с Майком молчаливо уставились на нас.

Потому, как будто извиняясь, её голос упал.

— Я не рассказывала ему. Я рассказала Адриан. Я не знала, что она расскажет Рику.

— Ты не знала? — Гнев перевесил разочарование. -Ты просто оидала что маленькая Мисс Черная Смерть оставит это при себе?

Челси сложила руки на груди и её губы сжались в твердую линию.

— Слушай, я не знала, что Рик делает листовки.

— Ты просто могла сказать мне, что ты сделала, и я бы не...

Я бы не совершила этот некрасивый поступок, когда срывала плакаты Эми. Тогда я бы не

обвиняла Кессиди в течение прошедших двух недель в предательстве.

Её руки все еще были сложены, и Челси сказала:

— Я не побуждала тебя срывать плакаты. Вы сделали это без меня. Если бы я знала, что ты собираешься уничтожить вещи Эми, я бы попыталась остановить тебя. Но какой смысл говорить тебе правду, если все уже сделано? Я знала, что это просто заставит тебя чувствовать себя плохо.

— Как великодушно с твоей стороны, — я повернулась и пошла от неё, моё платье гневно шелестело с каждым шагом, пока я приближалась к фотографу.

Я не видела выражения лица Джоша во время моей перепалки с Челси, и сейчас, когда он шел рядом со мной, я боялась увидеть, каким оно было. Мы заняли место перед фотографом и несколько секунд никто из нас ничего не говорил. Потом, медленно, как будто разговаривая сам с собой, он сказал: — Ты сорвала плакаты Эми?

И бам — я уже не была взрослой, или милой или хорошей в каком-либо проявлении. Я была той же циничной, постоянно всех обижающей, маленькой девочкой, которую он знал в прошлом году. Это было практически повторение слов Логана, и это одно предложение причиняло такую же боль.

Я хотела пожать плечом и сказать: "Ты знаешь, как бывает. В любви, на войне и в школе все средства хороши." Но я не могла. Я не могла вести себя, как будто то, что я сделала, не имело значения, потому что я знала, глубоко внутри, что это очень важно.

— Я совершила ошибку. Я думала, что Эми написала кое-что ужасное обо мне, и я отомстила.

— Ты не была уверена, что это Эми, и все равно отомстила?

— Я думала, что уверена.

— Ты с ней разговаривала?

Конечно, я с ней не разговаривала. Она не сказала бы мне правду. Ну, на самом деле, она сказала бы мне правду, но я бы ей не поверила. Я не могла сказать об этом Джошу. Я не могла признать, что слепо подозревала её, будучи мстительной.

— Я сказала, что это была ошибка.

— Ошибка, что ты отомстила или что ты отомстила не тому человеку?

Любое. Оба. Я не была уверена и я не хотела думать об этом. Сколько вины должен чувствовать человек, пока ждет, что его сфотографируют на выпускном? Я не ответила, но не могла думать ни о чем другом.

Почему я просто не отнесла эту листовку в офис и не предоставила им разобраться с этим?

Джош не давил на меня. Мы стояли в очереди, слегка в отдалении друг от друга, пока фотограф не позвал нас. Потом мы подошли и встали бок о бок под аркой. Я улыбнулась, зная, что фотография все равно будет ужасной. Это был подходящий символ вечера.

После фото мы с Джошем отправились на танцпол и протанцевали еще несколько танцев. Музыка играла в быстром темпе, и хотя я пыталась танцевать в ритме, мои руки и ноги были жесткими и неуклюжими.

Однажды я заметила, что Логан танцует с Кессиди в дальнем углу. Он выглядел достаточно счастливым. И почему он не должен быть таким? Он знал, что он всегда был во всем прав.

На секунду я была близка к тому, чтобы сделать себя красивее слезами и потекшей тушью. Я хотела пойти домой, вместо этого я продолжала танцевать с Джошем. Каждый шаг, который я делала и каждая нота, которую слышала, отдавались эхом у меня в голову "Это правда... это правда..."

Благодарение богу, наконец-то выпускной закончился. Я решила предложить не ходить на вечеринку после бала. Вместо этого, когда включили свет, я зевнула и сказала, как было поздно.

Джош отвез меня домой, и мы не разговаривали в машине. Я знала, что он хочет, чтобы

вечер закончился, так же сильно, как и я, поэтому меня почти удивило, что он вышел из машины и проводил меня до двери, но это было в духе Джоша, он всегда был джентльменом.

Он помедлил на ступеньках:

— Спасибо, что пригласила меня Саманта. Я хорошо провел время.

Он даже не умел хорошо лгать, но я все равно ему улыбнулась.

— Спасибо, что пришел. Я отдам тебе копию фотографий, как только получу их, — если не сожгу их.

Я не ожидала этого, но он наклонился и поцеловал меня в щеку.

— Это был дружеский поцелуй. Я хочу, чтобы мы были друзьями.

— Да, точно, — я чувствовала себя так, словно он бросает меня. — ну, увидимся.

Я открыла дверь и зашла в темный дом. Не включая свет, я положила сумочку на стол в прихожей и корсажный букет — который уже был коричневым по краям — в холодильник. Я тихо поднялась по лестнице, сказала родителям, что вернулась, пошла в свою комнату и скинула туфли. Я медленно сняла серьги, кольцо, все атрибуты вечера.

Вечер закончился, но в какой-то степени он еще продолжался. В каком-то смысле он стал началом. Человек, которым я собиралась стать, только начал обретать форму, потому что я больше не могла быть человеком, которым я была до этого. Я все еще видела лицо Джоша, смотрящего на меня с разочарованием, все еще слышала слова Логана, сказанные, когда мы танцевали. Я пошла на бал как Золушка, но оказалось, что я на самом деле всего лишь злая сводная сестра.

Я надела пижаму и скользнула в кровать, пытаюсь выкинуть из головы картину сегодняшнего вечера, цветные платья, развевающиеся вокруг и пары, скользящие мимо. Громкая музыка. Я сжала веки и представила, что вместо одеял, я была покрыта толстой зеленой лозой. Потом в мыслях я перевернула, один за одним, каждый лист.

На следующий день я взяла запасную бумагу для плакатов, материалы и закрылась в своей комнате. Очень аккуратно, я сделала плакаты "Голосуйте за Эми". Я не могла отменить то, что я помогала срывать её плакаты, но я могла сделать ей несколько новых.

После ужина я отправилась в свою комнату, и, пока делала домашнее задание, решила быть дружелюбнее с людьми. Я буду здороваться в коридорах. Я спрошу Кессиди, в каких проектах для сирот она работает и предложу помощь. Я даже буду милой с Элис.

Видишь, хотела я сказать Логану. Я думаю не только о себе.

В понедельник я рано поехала в школу и повесила плакаты Эми прежде, чем кто-либо пришел. Я не слишком беспокоилась насчет того, что кто-нибудь поймает меня, кроме того, не было правил насчет развешивания плакатов для оппонента.

Я думала насчет того, чтобы выбыть из гонки. Я действительно думала. Я размышляла, будет ли это единственным способом искупить то, что я сделала. Но опять же. я на самом деле не сделала ничего, что уменьшило бы шансы Эми на выигрыш. Я не запятнала её имя, как Рик запятнал моё. Я просто заставила её переделать все плакаты.

Эти мысли все еще мелькали у меня в голове, когда я вешала последний плакат. Я осматривала его в течение минуты, потом убрала клейкую ленту в шкафчик. Мне не хотелось стоять и строить глазки с подругами на передней площадке, поэтому я взяла учебник по биологии и села на пол, чтобы прочитать следующее задание.

Я не знала, что сказать Челси или как я должна себя вести, когда в следующий раз её увижу. Я хотела быть злой и винить её во всем, но в действительности я знала, что она не саботировала мою кампанию. Конечно, она должна была сказать, что Кессиди не при чем, но мне было сложно на это злиться. Я продолжала спрашивать себя, что бы я сделала на месте Челси. Если бы я совершила ужасную ошибку, и мои друзья уже обвиняли бы кого-то еще, я бы рассказала им об этом? Сделала бы я правильную или неправильную вещь?

Я думала обо всех гадостях, которые я совершила за последние две недели: плакаты Эми, и как я обращалась с Кессиди.

Это не только уязвило мой гнев, но и заставило меня чувствовать себя подавленной. Казалось, последние две недели были ничем иным, как раскрытием всех моих недостатков.

Я листала свой учебник биологии и старалась выкинуть эти мысли из головы. Мне попалась глаза с названием "Хищники и жертвы. Жизнь и борьба в экосистеме." Хм-м-м. Мне стоило почитать о том как одни существа убивают других. Это отвлекло бы меня от проблем.

Вот что меня увлекло. Теперь я убегала от действительности в пищевую цепочку.

Я не очень много прочитала, прежде чем заметила, что кто-то стоит рядом со мной. Я посмотрела наверх и увидела Логана.

— Я готов, — сказал он.

— Готов к чему?

— Готов раздавать листовки "Голосуйте за Саманту" на лестнице.

Я еще несколько секунд смотрела на него, и он сказал:

— Помнишь наш спор?

— Ах, да, — я пожала плечами и вернулась к книге. — Тебе не нужно этого делать.

Я ожидала, что он уйдет. Не ушел.

— Нет, нужно. Спор это спор. Я действительно заставил бы тебя пойти с Дугом на свидание, если бы выиграл, поэтому я действительно должен раздавать листовки.

Я опять посмотрела на него.

— Ты бы заставил меня идти на свидание с Дугом Кемптоном? С Дугом, парнем с календарем "Горячие штучки"?

Когда он не стал этого отрицать, я продолжила возмущаться.

— И ты обвиняешь меня в мелочности? Если бы ты был по-настоящему честным, ты бы лучше умер, чем позволил мне идти с Дугом.

— Да, да. Если бы я защищал твоё расписание свиданий ценой жизни, я бы умер в восьмом классе.

Я метнула на него злобный взгляд. Это было так просто сделать.

Он протянул руку ко мне.

— Ну, где листовки? — когда я ничего не сказала, он добавил. — Я буду хорошо работать. Я не буду рисовать усы на твоей фотографии.

— Я сегодня не буду их раздавать.

— Тогда завтра?

Я пыталась найти место, где остановилась в учебнике:

— Я не знаю.

Вместо того, чтобы уйти, он сел рядом со мной.

— Это имеет отношение к тому факту, что ты сделала плакаты для Эми?

Я все еще смотрела в книгу:

— Кто сказал что я сделала плакаты для Эми?

Он вздохнул и взял книгу из моих рук. Я схватилась за неё, но он прижал её к своему боку, подальше от меня. Мне пришлось бы переползти через него, чтобы достать её, и я не собиралась этого делать. Я посмотрела ему в лицо, чтобы увидеть, почему он был таким вредным, и он сказал: — Я знаю тебя целую вечность, Саманта. Я узнал твой почерк. Я вижу его в каждом заказе на книгу.

— Ох, — я не рассчитывала на такую возможность. Я гадала, кто еще узнал мой почерк и придется ли мне отвечать на этот вопрос весь день. Что я скажу людям, которые будут меня спрашивать, почему я сделала плакаты для оппонента?

— Итак? — спросил он. Он не ждал, пока я придумаю хорошее объяснение.

— Я сделала это. потому что...

— Потому что ты сорвала постеры Эми?

— Кто тебе это сказал? — все уже об этом знали? Все с самого начала знали что я это сделала? Эта мысль заставила мое сердцебиение ускориться. Все думали обо мне плохо.

Логан улыбнулся, как будто это был глупый вопрос.

— Я думал, что это был Рик или ты, и на новых плакатах Эми твой почерк.

— Ох, — я покраснела, потому что меня так легко поймали. Я медленно сказала, — Это была месть за листовки насчет меня. Только я обнаружила, что это Рик сделал те листовки. Поэтому я...

— Сделала новые плакаты для Эми.

— Никому не рассказывай.

— Не буду, — он передал мне книгу и мягко сказал. — За то, чего это стоило, ты получаешь мой голос.

Он улыбнулся мне, и забавно, но эта улыбка значила для меня больше, чем что-либо за очень долгое время. Он поднялся чтобы уйти, но прежде, чем сделать это, он сказал: — Мы все еще идем на ужин в субботу вечером? Ты не спустишь мне эту часть сделки, да?

— Нет, — ответила я. — Я все еще хочу лобстера.

После четвертого урока, вместо того, чтобы пойти в кафетерий как обычно, я подошла к шкафчику Кессиди. Она как раз вытаскивала свой пакет с обедом.

— Привет, — сказала я. — У тебя есть минутка?

— Она закрыла дверцу шкафчика.

— Конечно, — она сказала это слово напряженно, как будто её доставляло неудовольствие поговорить со мной даже в течение шестидесяти секунд.

Я крепче сжала свою коробку с обедом.

— Кессиди, я должна перед тобой извиниться. Я просто хотела сказать, что сожалею обо всем. Я была не права.

Она уставилась на меня с удивлением:

— Насчет Джоша?

— Ну, я говорила насчет листовок, но конечно, когда ты заговорила об этом, насчет Джоша тоже.

— Что ты имеешь в виду говоря что была не права насчет Джоша? — в её голосе появилась злость, как будто я говорила о нем гадости.

— Я просто имела в виду, что не надо было идти с ним на выпускной, когда он так явно заинтересован тобой, — ошибка, которую я никогда не повторю даже по той причине, что мое это больше не сможет вынести такого оскорбления.

— Ох, — облегчение смягчило её лицо, но через секунду оно ушло. — Он интересуется мной только потому, что рядом больше никого нет.

— Спасибо. Я была рядом.

— Я не то хотела сказать. Я просто имела в виду, ну.. — она глубоко вздохнула, и я догадалась, что она не знала, что еще сказать, она не была уверена, можно ли доверить мне свои чувства по этому поводу, но потом, возможно потому, что я только что извинилась перед ней, она сказала, — когда Джош был в колледже, окруженный другими девушками, он не хотел отношений на расстоянии со мной. Этого было для него недостаточно. Но сейчас, вернувшись домой на лето, он мил со мной.

— Ты не хочешь быть вторым сортом. Я знаю это чувство, — и внезапно показалось почти забавным, что у нас с Кессиди было что-то общее. Мы могли создать Клуб Отвергнутых Джошем. Но я подозревала, что, поскольку никто из нас не хотел быть вторым сортом, было бы сложно решить, кто будет вице-президентом.

Кессиди кивнула.

— Похоже, он просто хочет подружку на лето. Когда снова начнется учеба, все закончится. Все опять закончится.

Я отчасти хотела кивнуть и сказать "Да, мужчины — ужасные создания, особенно Джош, потому что я ему никогда не нравилась". Но другая, лучшая часть меня, чувствовала, что нужно сказать что-то другое.

— Если он просто хотел бы девушку на лето, он мог бы выбрать кого угодно. И я могу сказать, что он несколько не был заинтересован мной. Он мил с тобой, потому что ты ему нравишься.

Она улыбнулась, потом стерла с лица улыбку.

— Ну, может быть на этот раз это не его выбор. Может быть, на этот раз я не захочу быть его девушкой.

— Ага, он привлекателен, изучает медицину и не может отвести от тебя глаз, когда ты в комнате.

— Правда?

— Я бы рассказала тебе о выпускном, но стараюсь вычеркнуть его из памяти.

— Он не мог отвести от меня глаз?

Я рассмеялась. Было приятно с ней разговаривать. Было легко. Повернувшись, чтобы пойти

в кафетерий, я сказала:

— Я думаю, пройдет примерно неделя до того, как вы снова будете вместе.

— Определенно нет. Моя гордость продержится по меньшей мере две недели, — она прикусила губу. — Ну, может быть, полторы недели.

Мои друзья уже обедали, когда я подошла. Они неуверенно смотрели на меня, когда я села, поэтому я знала, что Челси рассказал им, что случилось между нами на выпускном.

— Вот ты где, — сказала Рашель. — Мы думали, в школе ли ты сегодня.

— Мне нужно было сделать кое-что по биологии с утра, и я опоздала на обед, потому что разговаривала с Кессиди, ну, пыталась принести извинения.

Обри придвинулась ближе и послала мне сочувственный взгляд:

— Что ты сказала?

— В общем, я сказала, что была неправа и сожалею.

Челси вздрогнула, и потом накрыла своей рукой мою на столе.

— Правда, Саманта, мне жаль что ты прошла через это. Должно быть, это было ужасно.

— Не так, как ты думаешь. Она хорошо все восприняла.

— Могу поспорить, она возложила всю вину на тебя, — сказала Рашель.

— Нет, она была очень милой.

— Ну да, — сказала Челси. — Просто подождем и увидим, что будет, когда она в следующий раз будет агитировать за Эми.

Рейчел с согласием кивнула.

— Она делает ставку на то, чтобы быть со всеми милой. Можно подумать, что её главная цель — добиться того, чтобы её портрет напечатали на коробке с кашей.

— Она была очень милой, — сказала я еще раз, теперь уже более твердо.

— Почему ты продолжаешь это говорить? — спросила Челси.

— Она все еще на своей диете без гадостей, — сказала Обри.

Рашель посмотрела на меня:

— Разве это не должно было закончиться в пятницу?

Я пожала плечами и вытащила сендвич из пакета.

— Может быть, я просто я устала быть такой критичной. Может быть, мы все могли бы стать более приятными людьми.

Челси открыла рот, чтобы возразить, но не сделала этого. Она вероятно все еще чувствовала себя виноватой насчет листовок, и поддержала бы меня, даже если бы я предложила нам всем надеть кандалы.

Рашель откинулась на кресле и взяла пакет чипсов из сумки.

— Ох, ладно тебе.

Но Обри кивнула.

— Я не думаю, что будет хуже, если мы будем менее критичными.

Рашель сторбилась:

— Начнем с того, что я не настолько критична.

— Думаешь, ты сможешь прожить две недели, никого не критикуя? — спросила я.

— Вероятно, — сказала она.

Челси потрясла головой, потом взяла вилку.

— Думаю, у Дуга так или иначе будет свидание.

— Да, — сказала Обри. — Но это можешь быть ты.

И потом мы все рассмеялись, кроме Рашель, которая продолжала доказывать, что она не так уж часто критикует людей.

Во вторник случились три важные вещи. Первая — когда я пришла в школу, Логан раздавал листовки в главном фойе. Когда я подошла ближе, он подмигнул мне, и потом дал листовку проходящему ученику и сказал громким голосом: — Голосуйте за Саманту, она действительно не так уж плоха.

— Очень смешно, — я взяла листовку, чтобы посмотреть, что в ней написано. На одной стороне было моё имя, и в центре листка было написано: "Голосуйте за Саманту, она создана быть президентом". Маленькая конфетка была прилеплена к каждому листку.

— Цепко, — сказала я. — Где ты их взял?

— Их сделала Челси. Она тоже раздает наверху.

— Это мило, — я знала, что она таким образом извиняется, и не смотря на то, что случилось в последние несколько дней, я знала, что между нами всё будет хорошо.

Вторая важная вещь — я поговорила с Эми. Я не много сказала ей, но, однако, я вообще не много с ней разговаривала, с тех пор, как началась кампания. Я разыскала её. Я ходила по коридору вокруг её шкафчика, пока она наконец-то не показалась. Пока она вытаскивала папки, рассортированные по цвету, из своего шкафчика, я подошла и стала рядом с ней.

— Слушай, я не очень хорошо умею извиняться, но я думала, что ты сделала те листовки обо мне, поэтому я сняла твои плакаты. Я сожалею о том, что сделала, и если ты расскажешь администрации, ну, я пойму.

Она на секунду перестала двигать папки:

— Ох.

Я не была уверена в том, что это значит, и переминалась с ноги на ногу, ожидая, что она скажет что-нибудь еще.

Наконец, она сказала:

— Мне не доставит удовольствия создавать тебе проблемы. Я имею в виду, что если я выиграю выборы, это будет значить, что ученикам нравятся мои идеи и они хотят, чтобы я стала президентом. Не потому что другой вариант — это парень, который хочет пива и анархии.

— Спасибо, — и потом, потому что я действительно уважала её в тот момент, я добавила, — и если я выиграю, я хочу, чтобы ты мне помогала. Я думаю, что ты действительно умный и организованный человек.

Она улыбнулась.

— Спасибо. И если я выиграю, я тоже хочу чтобы ты помогала. Я думаю, ты действительно... гм...популярна.

Иногда лучше не говорить комплименты людям. Однако, я улыбнулась.

— Я рада, что ты на меня не сердишься.

И я действительно была рада. Я не могла упрекать Эми в том, что она не видела во мне президентских качеств. Помимо прочего, она меня видела только в роли чирлидера.

Когда все закончится, однако, я собиралась приложить усилия к тому, чтобы узнать её получше.

Третье событие случилось, когда я встретилась с Риком.

С тех пор, как я заметила плакаты на выпускном, я обдумывала, что ему сказать, когда предоставится возможность. Отчасти, я хотела накричать на него. Я хотела взять его за плечи и вытрясти из него все булавки. Я хотела сказать ему, что он и его дурацкие листовки были корнем всех моих проблем, и все плохое, что случилось со мной в последние несколько недель, было его виной.

Но это было не совсем правдой. И кроме того, он бы обрадовался, узнав, сколько неприятностей мне причинил.

Я серьезно думала насчет того, чтобы ничего не говорить, а просто захватить маркер к его плакатам. Я хотела исправить каждое "Рик Рулит" на "Рик Рулит Мимо".

Однако, я не могла этого сделать. Я не хотела снова уничтожать плакаты.

Я действительно хотела быть выше этого. Я хотела подойти к Рику с надменным видом и сказать:

— Я никогда не опущусь до твоего уровня.

Но я уже это сделала. Я так сильно хотела перенестись обратно во времени, в тот момент, когда я еще не сорвала плакаты Эми, чтобы остановить саму себя. Тогда я могла бы пойти в кабинет и притащить туда Рика с его листовками, и пригвоздила бы его к столу секретаря. Но как я могла это сделать, когда я тоже нечестно играла?

Поэтому я ничего не сказала секретарю, и я не знала, что сказать Рику. Потом во время пятого урока, когда я побежала по поручению учителя биологии, я почти споткнулась о Рика на лестнице. Он сидел, развалившись на площадке, голова откинула назад, глаза полуприкрыты, и слушал свой iPod.

Он вероятно прогуливал урок. Вполне возможно. Я делала все, чтобы поступить в хороший колледж, а Рик прогуливал уроки. Задумывался ли он когда-нибудь, хоть на одну секунду, о будущем?

И каким оно будет?

Как только эта мысль пришла мне в голову, я почувствовала жалость к нему, и возможно эта капля сострадания удержала меня от того, чтобы пнуть его. Вместо этого, я стала напротив него, упела руки в бока и ждала, пока он меня заметит.

Он вытащил один наушник.

— Да?

Я все еще не знала, что ему сказать. Я стояла, одновременно вспоминая, как собирала листовки с парковки и вспоминала все уроки прощения, которые получила в жизни.

Я не сдвинулась с места.

— Привет.

Его лицо приняло удивленное выражение и он остановил свою музыку.

— Ты чего-то хочешь, Тейлор?

Его удивление возвратило мой гнев.

— Да, хочу, — я хотела, чтобы он извинился.

Я хотела, чтобы он позаимствовал совесть на две минуты, чтобы он мог понять, что наделал. Я также хотела придумать идеальную фразу, чтобы показать ему, как я себя чувствовала.

Но это было невозможно. Я даже не знала сама, что я чувствовала. И почему во мне гнездились столько эмоций, и я боялась что если что-нибудь скажу, то скажу всё и никогда не остановлюсь.

Я бы выплюнула: "К вопросу о том, что Рик рулит, откуда ты вылез? И если тебе нравится засовывать острые объекты себе в голову, окажи мне услугу и сделай лоботомию в следующий раз. И я заметила, что ты не указал свои оценки на листовке. Я думаю, для этого были веские причины."

Но я стояла и продолжала думать. Каким окажется его будущее? И я не могла ему сказать всего этого. Я не хотела. Я совершенно и ужасающим образом изменилась.

Я уронила руки и пожала плечами.

— Я просто хотела пожелать тебе удачи на выборах, — потом я усмехнулась, не смогла с собой ничего поделаться. — И пусть победит сильнейший.

Это, конечно, исключало Рика.

Ладно, может быть я не совсем изменилась.

Я повернулась и пошла от него, все еще улыбаясь.

В течение следующих трех дней я проводила время или агитируя, или волнуясь насчет выборов. Иногда я представляла, как буду чувствовать себя, когда секретарь посмотрит мне в глаза и скажет "Поздравляю, Саманта, ты — наш новый президент." Иногда я волновалась, что если секретарь посмотрит на Эми или Рика, я сделаю что-то, что выставит меня на посмешище, например, закричу, или заплачу, или, возможно, оцепенею на какое-то время.

Я также проводила достаточное количество времени, выводя инициалы ЛХ в тетради, но потом я закрашивала их, пока никто не увидел. Я почти боялась думать о том, как пройдет наше свидание в субботу. Логан, возможно, будет все время отвратительным, или будет умолять меня о втором шансе с Вероникой, или что-то такое же ужасное. Потом мне придется бросить в него лобстером и вечер будет испорчен.

Было ли слишком просить одного хорошего вечера с Логаном?

В пятницу утром перед голосованием все собрались в спортзале, и мы произнесли речи. Вы могли бы подумать, что после того, как я годами прыгала в короткой юбке перед всей школой, меня ничего не испугает, но когда мне дали слово, я почувствовала, что колени меня предают.

Я написала четыре разные речи и решила, что мне ни одна не нравится. В итоге я выбрала короткую и прямую. Я сказала ученикам, что я знаю, что справлюсь с обязанностями, и, если меня выберут, я сделаю все, что в моих силах, чтобы представлять их. В этой речи не было саморекламы, как в остальных версиях, потому что по каким-то причинам я не могла этого сказать. Я не могла расхваливать себя. Если люди проголосуют за меня, то это будет потому, что они в меня верят.

Рик рассказал речь так, как будто он был наполовину юмористом, наполовину комментатором. Ему улюлюкали.

Эми кратко описала каждую программу, за которую было ответственно школьное сообщество, и рассказала, как она их улучшит. Она принесла графики для иллюстрации своих аргументов. Все вежливо хлопали ей, и когда речи закончились, я не была уверена, кто из нас лидер.

Секретарь несколько минут поговорила с нами о правах и обязанностях в демократическом обществе и потом отпустила нас в классы, чтобы мы могли проголосовать. Во время пятого урока всех кандидатов созвали в главный офис, чтобы объявить результаты выборов, прежде, чем их сделают достоянием широкой общественности.

Войдя в кабинет, я заметила Рика, Эми и большинство остальных кандидатов, стоящих перед столом, мнующихся и выглядящих так же неловко, как я себя чувствовала. Несколько человек тихо переговаривались, но большинство из нас оглядывали комнату или теребили учебники, пока мы ожидали остальных.

Когда все пришли, секретарь проводила нас в кабинет.

Мы безмолвно слушали, когда она говорила о том, как мы должны гордиться собой по поводу той работы, которую мы провели, и так далее и так далее. Сначала она сказала, кто будет новым секретарем, казначеем и вице-президентом. И потом даже не помедлив она сказала: — И президентом будет Эми Сток.

К счастью, я не заплакала и не закричала, и даже не стояла как громом пораженная. Я обнаружила, что повернулась, почти автоматически, к Эми и сказала: — Мои поздравления. Я знаю, ты отлично справишься.

— Да, поздравляю, — проямлил Рик.

Взгляд Эми метался между нами, потом она посмотрела на секретаря:

— Не могу поверить, что выиграла. Я просто не могу поверить.

Нас стало трое.

Я не то чтобы не хотела радоваться за неё, я была просто слишком занята своими чувствами, чтобы показывать энтузиазм. Я хотела пойти домой и надолго запереться в комнате.

— Вы проделали отличную работу с кампаниями и речами, - сказала нам секретарь. — Я надеюсь, вы получили ценный опыт в процессе и когда-нибудь снова попытаетесь.

О, да. Я только что провела четыре недели своей жизни, пытаясь убедить людей, что я им нравлюсь, и все что я получила, придя в кабинет — это разбитые мечты и надежды. Я все равно улыбнулась секретарю.

— Спасибо. Может быть, я так и сделаю.

Это все, что я могла сделать, чтобы дожить до конца учебного дня. Я имею в виду, сколько раз человек должен сказать "Все нормально. Я знаю, что Эми будет отличным президентом", когда я на самом деле хотела сказать "Ты голосовал за неё или за меня?"

Полагаю, это хорошо, что я не знала, кто был вторым. Меня бы убило, если бы я знала что проиграла еще и Рикку. По меньшей мере, так я могла представить, что у нас с Эми было почти одинаковое количество голосов и только три человека проголосовали за Рика.

После школы Челси, Обри и Рашель предложили поехать в Баскин Роббинс, чтобы я могла утопить печаль в двойном брауни, но я сказала, что в следующий раз. Я просто хотела поехать домой, где могла бы страдать в одиночестве, и хотя я не сказала им этого прямо, казалось, они поняли.

По пути домой, я решила рассказать маме об оценках АОТ. Не важно, насколько она будет расстроена, я не могла бы чувствовать себя еще хуже, поэтому это было подходящее время. Крики, неистовство, угрозы — ничто из этого не пугало меня.

Кроме того, сейчас, когда мои политические надежды потерпели крах, мама должна привыкнуть к мысли, что я не пойду в колледж. Я буду одной из тех, кто живет на углу улицы, мямлит что-то, чего никто не понимает и ест выброшенные Биг Маки. В свободное время я буду ловить голубей. Это будет простая, беззаботная жизнь.

Мама разгружала пакет с продуктами и складывала их в холодильник, когда я зашла в кухню. Я взяла стакан из серванта, потом подошла к раковине, чтобы налить воды. Я сделала большой глоток, глубоко вздохнула и выплюнула: — Я проиграла выборы, провалила АОТ, и у меня нет ни единого шанса на счастливое будущее.

Мама закрыла дверку холодильника.

— Ты проиграла выборы? Ох, дорогая, мне жаль... -потом она остановилась, я почти смогла услышать, как она обрабатывает информацию. — Что ты сказала насчет АОТ?

— Я его провалила.

— Что ты имеешь в виду, провалила?

— Я набрала триста пятьдесят по математике. Это снизило мою оценку, — я не упомянула то, что другую мою оценку особенно некуда было снижать.

Мама закрыла глаза и медленно открыла их. Она была на пороге лекции, я почти могла видеть, как слова "Чем ты занималась на математике все эти годы?" спрыгивали с её губ. но вместо этого она спросила: — Какая у тебя общая оценка?

— Восемьсот десять.

— Восемьсот десять? — мама посмотрела на потолок, потом обратно на меня. Её взгляд был холоден. — Когда ты узнала о своей оценке?

— Несколько недель назад.

Мама вынула из пакета коробку каши, запихнула её в шкаф и захлопнула дверку.

— Итак, фактически, все, кроме твоих родителей знали твои оценки все это время, и ты не

рассказала нас, чтобы я могла выставлять себя дурочкой перед всеми, настаивая, что ты еще не получила бумаги, — потом она взяла буханку хлеба и засунула её в хлебницу с такой силой, которая заставила меня поверить в то, что мы будем есть трехдюймовые сендвичи всю неделю. — Я даже позвонила в школу и пожаловалась, что твои оценки все еще не пришли.

Я тихо сказала:

— Я не говорила тебе, потому что не хотела, чтобы ты сердилась.

— Хорошо, это отлично сработало. Я совсем не злюсь.

Слезы жгли мне глаза, и я не пыталась их остановить.

— Это не из-за тебя. Это мои оценки, мои проблемы, и я действительно ужасно себя чувствую. Было бы неплохо, если бы ты порсто немного погрустила со мной.

Я не ждала её ответа. Я повернулась и вышла из кухни и поднялась в свою спальню. Оказавшись там, я легла на кровать и зарылась лицом в подушку, чтобы приглушить звуки плача.

Через несколько минут мама вошла в комнату. Я даже не поняла, что она там, до тех пор, пока она не села на мою кровать. Она положила руку мне на спину и сказала: — Мне жаль, Саманта. Я неправильно себя повела. Я не должна была кричать, — она медленно гладила меня по спине. — Я совершила много ошибок как родитель, но я пытаюсь стать лучше. Разве это лучшее, что может сделать каждый из нас?

Я села и обняла её, и она долго меня не отпускала. Я знала, что она думала, будто я никогда её не слушала, но её слова крутились у меня в голове "Я пытаюсь стать лучше. Разве это лучшее, что может сделать каждый из нас? "

Я очень сильно хотела, чтобы её слова стали справедливыми и для меня.

— Мне так жаль насчет всего этого.

— Завтра всё покажется лучше. Мы поговорим о том, что мы можем сделать, чтобы помочь тебе с учебой.

Я кивнула, даже не смотря на то, что то-что-мы-могли-сделать будет вероятно включать трудные и болезненные вещи и сидение над учебниками в течение долгих часов.

Все же, я уже не так сильно расстраивалась из-за оценок, когда она ушла. Я думала о том, почему я не сказала ей об этом с самого начала, вместо того, чтобы носить с собой эту тайну как контрабанду.

Я еще долго лежала, уставясь на складки на подушке, и пыталась понять, насколько поднимется мой средний бал, если я отлично сдам экзамены.

Через несколько секунд мама открыла дверь и заглянула внутрь.

— Здесь Логан Хансен и он хочет тебя видеть.

— Зачем?

Мама пожала плечами.

— Парни, которые приходят к тебе, обычно не дают мне длинных объяснений, когда я их выпускаю. Почему бы тебе не спуститься и не спросить его.

Если бы это был кто угодно другой, я бы сказала маме отправить его обратно. Сам Санта Клаус мог бы появиться и объяснить где он попадал с тех пор, когда я была маленькой, и я бы отправила его восвояси.

Но каким-то образом я хотела видеть Логана, или по меньшей мере я хотела узнать, зачем он пришел.

Прежде, чем выйти, я осмотрела себя в зеркало. Мои глаза опухли, но я ничего не могла с этим поделать. Я спустилась вниз по ступенькам. Логан ждал меня у двери.

— Полагаю, ты думаешь, что я прекрасно выгляжу, — сказала я.

— Да., — он кивнул в сторону шкафа с одеждой. — Бери куртку. Если мы успеем пообедать пораньше, то останется время для фильма.

— Я думала, мы пойдем в субботу.

Он пожал плечами,

— Тебе нужно, чтобы тебя сегодня подбодрили, — мои глаза покраснели, и я не хотела притворяться, что я в хорошем настроении. — Спасибо, Логан, но я не думаю что сегодня вечером это сработает.

— Почему нет?

Я сказала единственное, что смогла придумать:

— Мне нужно делать домашнее задание.

Он сложил руки на груди

— Ты сейчас хочешь начать относиться серьезно к школе? Сейчас, когда я пытаюсь пригласить тебя на свидание?

Я улыбнулась вопреки себе. Каким-то образом Логан заставил меня почувствовать, что все снова наладится. Внезапно я захотела пойти с ним, но все еще сомневалась.

— Давай, — сказал он. — бери куртку и что там еще женщины берут на свидание. У меня резервация в Хиллтопе, они не будут держать столик у окна вечно.

Я обнаружила, что иду по лестнице за вещами, хотя я еще не решила пойти с ним.

— Захвати свою домашнюю работу, — сказал он. — Мы поработаем над ней, пока ждем ужин.

— Подумать только, я обвиняла тебя в том, что ты не умеешь быть романтичным, — ответила я. Я пошла в комнату, взяла куртку и сумочку, но оставила домашнее задание на столе.

Когда я спустилась вниз, он стоял, прислонившись к двери.

— Я умею быть романтичным. Я думал, что уже доказал это тебе.

— Да, на выпускном, когда сказал мне, что я замкнутая.

— Если ты вспомнишь, я говорил и другие вещи.

— Некоторые из них заставили меня наступить тебе на ногу.

Он глубокомысленно кивнул:

— Я это помню. Лучше не надевай сегодня шпильки.

Я крикнула маме, что собираюсь поужинать с Логаном, и она крикнула в ответ:

— Не задерживайся допоздна.

Потом Логан открыл для меня дверь и мы пошли к его машине. Я безмолвно забралась внутрь, и он тоже. Возможно, никто из нас не был в настроении для светской беседы. Я смотрела в окно, когда он выехал на улицу и гадала, придется ли нам ехать до ресторана не говоря ни слова.

Наконец, он сказал:

— Знаешь, Саманта, быть президентом было бы неплохо, но у тебя много возможностей в следующем году. И если ты хочешь заняться политикой, у тебя еще будет шанс. Просто помни, что Абраам Линкольн поиграл полдюжины выборов, прежде, чем стал президентом.

Мне стало интересно, какими были оценки АОТ у Линкольна, но я не спросила.

Вместо этого, я теребила ремень безопасности у себя на коленях и решила, что мне лучше сказать Логану правду о моих политических амбициях, или мне придется весь вечер наслаждаться историями политических триумфов.

Я смотрела на ремень, а не на Логана.

— Очень мило с твоей стороны пытаться подбодрить меня, но я участвовала в выборах, чтобы у меня было больше шансов поступить в хороший колледж. Я не знаю, как меня сейчас примут в хоть одно приличное место.

Он смотрел на меня в течение секунды, потом его внимание вернулось к дороге.

— И это все? Это единственная причина, по которой ты хотела быть президентом? Я стоял

на ступеньках и призывал людей голосовать за тебя, потому что ты хотела впечатляющую запись в заявлении о поступлении?

Он всегда мог найти способ сделать что угодно отвратительным.

— Это была твоя идея, — сказал я. — Ты сказал мне, что они принимают во внимание задатки лидера.

Он помотал головой и вздохнул. Я думала он прочитает мне какую-нибудь лекцию, но вместо этого он сказал:

— Ну, ты всегда можешь написать, что ты — капитан группы поддержки.

— Они учтут это?

— Они много чего учитывают. Конечно, тебе все равно придется учиться и подтянуть оценки и получить приличную оценку АОТ.

— Но что, если этого будет недостаточно?

— Ну, тогда придется пойти туда, где тебя примут, учиться хорошо и перевестись туда, куда ты хочешь.

Это был не тот ответ, который мне понравился. Я бы предпочла, чтобы Логан предложил волшебное решение, что-то быстрое, простое и безболезненное, но я знала, что так быть не может.

Это была одна из тех проблем, которые мог решить только тяжелый труд.

— Твои друзья могут помочь тебе заниматься, — сказал он.

— Ага, мои подруги такие учебоголики.

— Не твои подруги-чирлидеры. Я говорю о других твоих друзьях. Например, о себе.

Он был мой другом? Хорошие новости.

— Хорошо. Когда ты хочешь заниматься?

Он заехал на парковку к Хиллтоп, и абсолютно серьезным голосом сказал:

— По пятницам вечером.

— В пятницу вечером?

— Я знаю, это твой вечер свиданий, но тебе просто придется сказать Бредам и Джошам, что у тебя есть более важные занятия.

Он вышел из машины, обошел вокруг и открыл для меня дверь с поклоном.

Он махнул рукой в сторону ресторана и сказал с французским акцентом:

— Мадемуазель, ваш лобстер ждет вас, — и когда я выбралась наружу, он подарил мне убийственную улыбку.

Я посмотрела на него с подозрением:

— Почему ты так добр ко мне? В прошлые выходные ты сказал, что я тебе даже не нравлюсь.

Он закрыл дверь машины, но не пошел к ресторану.

— Я никогда не говорил, что ты мне не нравишься.

— Ты сказал, что я надоедливая, оскорбляю людей и думаю только о себе.

— Но я никогда не говорил, что ты мне не нравишься.

Я наклонила голову в его сторону и сложила руки.

— Это одно и то же.

— Нет, не одно и то же, потому что даже когда ты была надоедливой и думала только о себе, я ничего не мог поделать с тем, что ты мне нравишься. Это была одна из причин того, что ты была такой раздражающей.

— Романтика, а теперь еще и комплименты. Как я тебя отпустила в первый раз?

Я пошла в сторону ресторана, но он протянул руку, взял мою ладонь и притянул меня обратно. Его голос внезапно стал серьезным:

— Ты изменилась, Саманта, и я тоже. Я думаю, это хорошие перемены, а ты?

Я не знала точно, на что он намекает, но я точно знала, что он имеет в виду.

— Да, — сказала я.

Он положил руки на мою талию, притянул меня ближе и прямо там, на парковке ресторана, поцеловал меня. И это не был дружеский поцелуй. Он был нежным и настоящим, и абсолютно романтичным. Я обвила руки вокруг его шеи и поцеловала его в ответ.

Через некоторое время Логан вспомнил, что мы были на парковки и отпустил меня, но продолжал держать мою руку.

мое сердце все еще билось в груди и я не знала, что сказать.

Наконец, я улыбнулась ему:

— Ты всё еще хочешь, чтобы я пошла на свидание с Дугом?

Он улыбнулся в ответ:

— Я скорее умру.

Я рассмеялась, и внезапно у меня появилось чувство, что все вышло ровно так, как должно было. Логан сжал мою руку и сказал:

— Бедный Дуг.

— Бедная Вероника, — согласилась я и сжала его руку в ответ.

notes

Игра слов: Doug – мужское имя, dough – тесто, Matt— мужское имя, mat – коврик, подложка.

дословно — she puts can-i-date in candidate — она вставила слова могу-ли-я-сходить-на- свидание в слово кандидат, игра слов

Горы, холмы

Лакомый Кусок

звездный взрыв